

Российская Академия Наук
Институт философии

**СОЦИАЛЬНОЕ ПРОЕКТИРОВАНИЕ
В ЭПОХУ КУЛЬТУРНЫХ
ТРАНСФОРМАЦИЙ**

Москва
2008

УДК 300.562
ББК 15.56
С–69

Ответственный редактор

доктор филос. наук *В.М. Розин*

Рецензенты

доктор филос. наук *А.А. Воронин*

кандидат техн. наук *Д.В. Реут*

С–69 **Социальное** проектирование в эпоху культурных трансформаций [Текст] / Рос. акад. наук, Ин-т философии ; Отв. ред. В.М. Розин. – М. : ИФРАН, 2008. – 267 с. ; 20 см. – 500 экз. – ISBN 978-5-9540-0105-1.

В книге представлены статьи, в которых осмысляются, с одной стороны, идеи социального проектирования, характерные для прошлого века, с другой – современное состояние социального проектирования. В целом авторы склоняются к мысли, что замысел социального проектирования, основанный на идеях социальной инженерии и антропологической реальности XX века, в основном себя исчерпал. Они показывают, что в современных условиях контролируемое социальное действие предполагает обязательное участие заинтересованных лиц, представление о сложных социально-культурных средах, нетрадиционное понимание социальных стратегий (сценирование событий, инициацию социальных процессов, стимуляцию среды, мониторинг, трансформацию исходных целей и прочее). Хотя ситуация существенно изменилась, тем не менее, знание уроков социального проектирования, особенно в России, необходимо в практиках социально-экономической модернизации и регионального программирования.

Введение

Данная коллективная монография продолжает исследования по философии техники, отраженные в книге «Этюды по социальной инженерии: от утопии к организации» (2002). Отчасти это «продолжение» можно было бы назвать «Этюды по социальной инженерии 2: от утопии к социокультурному гуманитарному действию». Дело в том, что замысел и практика социального проектирования, как это стало ясно уже к концу XX в., себя в значительной степени исчерпали. Действительно, на каких идеях и ожиданиях строилось социальное проектирование? Во-первых, на идеях социальной инженерии и понимания социальной природы в духе естественно-научного подхода. Во-вторых, на требованиях таких социальных субъектов, которыми являлись государство и крупные ведомства (речь идет о крупнейших народнохозяйственных задачах и заказах, например, создании промышленности, транспортных связей, коммуникационных систем, городов и проч.). В-третьих, на особом понимании антропологической реальности и отношений между проектировщиком и пользователем (убеждении, что все люди устроены примерно одинаково, а социальный проектировщик знает, что нужно потребителю и что такое вообще социальность).

Исходя из этих представлений и развивалась сначала практика социального конструирования, затем социального проектирования. И хотя, как правило, социальные проекты не удавалось реализовать, как это замышлялось, а социальные параметры будущих структур выхолащивались или трансформировались, тем не менее, социальное проектирование под разными личинами (градостроительное проектирование, дизайнерское, системотехническое, социальное планирование, социальное программирование и прочее) набирало силу в течение всего XX столетия. Пусть не всегда это осознается и очевидно, но современный техногенный мир возник не без участия идей и практик инженерии и социального проектирования.

Начиная со второй половины прошлого столетия нарастала и критика социального проектирования. Оно оценивалось негативно в связи с утопичностью и нереализуемостью социальных проектов, поскольку невозможно было предусмотреть

многочисленные отрицательные последствия социального проектирования из-за невключенности в проектирование заинтересованных лиц, однозначности проектных решений. В качестве альтернативы выдвигались идеи перманентного и нетрадиционного проектирования, социокультурного программирования, проектирования без прототипов и другие. Все эти альтернативные проектные концепции в целом исходили из понимания социальности, характерных для второй половины XX в.

Конец прошлого и начало этого века принесли с собой осознание того, что социальная действительность быстро трансформируется и меняется буквально на глазах. Падение системы социализма, распространение современных информационных технологий и средств связи на все основные страны мира, процессы глобализации и дифференциации, волны социальной миграции, мультикультурализм — вот только некоторые характерные изменения, захватившие нашу планету. Быстро меняется в наше время и понимание социального действия. Идеи управления и социальной инженерии все больше ставятся под сомнение, зато возрастает значение политики, понимание необходимости вовлечения в социальное действие всех заинтересованных субъектов и лиц, воздействия на социальные процессы в условиях неопределенности и дефицита знаний, социального сценирования и инициирования, важности отслеживания реального процесса социальных изменений и рефлексии, а также коррекции исходных замыслов, целей и способов их реализации.

Не менее важным является пересмотр социальной онтологии: не объективированные социальные процессы и структуры, а сложные взаимопроникаемые среды и поля, в формирование и функционирование которых вносят вклад сами социальные акторы. Все большее распространение получают стратегии средового воздействия: стимуляция социальной среды, социальные месаджи (послания), создание условий для формирования нужной социальной среды. В целом же постепенно складывается понимание того, что наша социальная активность и действия только в том случае будут эффективными, если они выступают как необходимые условия и аспекты органической жизни социальных образований (социальных сред, институтов, организмов).

Даже лишь некоторые указанные здесь изменения социальной действительности позволяют утверждать, что идеи и практика социального проектирования или вообще исчерпали себя, или (другой вариант) в их понимании нужно ustanovitsya заново. Конечно, задача контролируемого социального воздействия не может быть снята с повестки дня и даже стала еще актуальнее, но конкретные формы ее решения могут и должны меняться. Вместо социального проектирования, судя по статьям данного сборника, должны прийти новые идеи. Условно этот альтернативный тип социального действия и можно назвать «социокультурным гуманитарным действием». В его основе лежит другое понимание социальной, социального действия и антропологической реальности.

В. Марача
В.М. Розин

От социального проектирования к консалтингу и снова к социальным проектам?

Вадим Розин. Вячеслав, я знаю, что ты сейчас работаешь в «РОЭЛ Консалтинг», консалтинговой группе, одним из направлений деятельности которой является оживление неработающих или дышащих на ладан российских предприятий. Причем, насколько я слышал, вы это делаете достаточно успешно. Ты мне как-то говорил, что большая часть из примерно трехсот проектов завершилась успешно, то есть предприятия, давно лежащие на боку, заработали и стали приносить хоть небольшую, но прибыль, выплачивать работникам реальную зарплату, погашать налоговую задолженность. Раньше решение подобных задач я бы отнес к **социальному проектированию**, но сегодня уже и не знаю, как квалифицировать вашу деятельность.

Вячеслав Марача. Вадим Маркович, а что Вы называете социальным проектированием?

В.Р. Во-первых, это все же проектирование, хотя и нетрадиционное. Есть замышление нового, например, задача создать образцовый жилой район или предприятие (в советские времена, как известно, такие задачи очень привлекали больших начальников и руководителей городов и регионов), имеет место проектная конструктивизация, то есть семиотическая разработка объекта, удовлетворяющего предъявляемым к нему требованиям, особенностям функционирования, принципам устройства объектов подобного типа, наконец, обязательна установка на реализацию проекта. Во-вторых, в число характеристик за-

мышляемого объекта, как правило, должны входить **социальные показатели**. Скажем, показатели потребностей жителей в магазинах, кинотеатрах, учреждениях образования, здравоохранения и т.д. в рамках системы инфраструктуры общественного обслуживания или характеристики общения горожан, которые обеспечиваются реализацией той или иной концепции организации городской жизнедеятельности¹.

В.М. Насколько я понимаю, различие социальных и функциональных характеристик проектируемого объекта всегда было проблемой. Что значит новое? Почему образцовое обслуживание — это социальный, а не функциональный параметр?

В.Р. Отчасти ты прав. Но если речь идет о том, чтобы создать условия для совместной работы и отдыха трудящихся (например, в проекте Мельникова для Зеленограда предполагалось, что будут построены залы, где жители под звуки оркестра должны спать и видеть общие социалистические сны), в этом случае такой проект вполне можно назвать социальным. Здесь социальный идеал в явном виде определяет структуру будущего объекта.

Но, как я показываю в своих работах, у социальных проектов всегда были два крупных недостатка. Один — **низкая проектообразность**: социальные проекты или утопичны, нереализуемы, или подменяются социальными манифестами, концепциями, программами. Другой — **искажение или выпадение социальных требований, предъявляемых к проектируемому объекту**. Например, социальное проектирование 20–30-х гг. XX в., ставившее своей целью создание новой культуры и человека, реально позволило создать не новые социальные отношения или человека, а новые заводы, дома-коммуны, клубы, дворцы культуры; проекты микрорайонов или экспериментальных жилых районов 60–70-х гг. привели не к новым формам общения и социализации (как замышлялось), а всего лишь к новым планировкам и благоустройству; проекты региональных социокультурных преобразований на селе оказались утопичными и т.д.

В.М. Поэтому-то начиная с 70-х гг. XX в. социальное проектирование вытесняется другими видами деятельности: проектными семинарами, организационно-деятельностными играми (ОДИ), имитационными играми, а с 90-х гг. — различны-

ми тренингами и процессами реформирования. Для всех этих видов деятельности, как Вы сами отмечали в «Этюдах по социальной инженерии»², характерно следующее: включение заинтересованных лиц в **коллективный процесс** проектирования (**программирования**); разработка гибкой **культурной политики**; усилия, направленные на обеспечение **социально-педагогического эффекта**, и, наконец, запуск (инициация) различных **социокультурных процессов, последствия которых можно предусмотреть только частично**. Но стоит обратить внимание на то, что при этом решаются **иные, задачи чем в социальном проектировании**. Например, в ОДИ главным является не создание социального проекта (эта задача побочная), а трансформация сознания и мышления участников игры, формирование команды, состоящей из людей, мыслящих не стереотипно и способных к социокультурному самоопределению, к формированию принципиальной позиции по отношению к захватывающим их общественным процессам. А проектные семинары и имитационные игры были нацелены на **проблематизацию самого процесса проектирования** и отработку новых проектных способностей и видения.

В.Р. Да, но под влиянием этих новых видов деятельности и социальное проектирование стало пониматься иначе, а именно, как сложный итерационный процесс, создающий условия и предпосылки (интеллектуальные, средовые, социальные, культурные, организационные, ресурсные и т.д.) для контролируемой, продуманной модернизации и эволюционного развития. Например, в концепции дизайн-проектов, разрабатывавшейся во ВНИИТЭ в 80-х гг. XX в., **социальное проектирование опосредовалось довольно сложной гуманитарно-ориентированной и методологической работой**. При создании дизайн-проектов использовались не только знания социальных дисциплин и рефлексия деятельности проектирования, но также **ценностное и смысловое задание проектируемого явления**. Разработка дизайн-проектов предполагает **разворачивание социального действия, подразумевающего наличие или формирование разных точек зрения, разных решений, несовпадающих концепций**. С одной стороны, в ходе социального проектирования все же реализуется проектный подход, те или иные его парадигмы (например, системотехническая и деятельностьная), с другой — в него вовле-

каются элементы исследования, гуманитарные и художественные построения, культурологические знания и онтологические картины.

Стоит отметить и такой момент: при формировании современных стратегий социально-инженерного действия происходит своеобразное **распредмечивание самого процесса проектирования**. Обсуждаются исходные ценности проектирования, природа проектной действительности, анализируются и очерчиваются области употребления будущих проектов, моделируются «портреты» потенциальных пользователей. В свою очередь, все это предполагает **самоопределение социального проектировщика**. Правда, это в идеале, а реально и новые стратегии социального проектирования, как правило, заканчивались ничем.

В.М. Что значит ничем?

В.Р. Пожалуйста, приведу конкретный развернутый пример. В середине 80-х гг. Институт Философии АН СССР (сектор философии техники) договорился с Госпланом Белорусской ССР о проведении в Солигорском промышленном районе независимой социально-экологической экспертизы. В этом районе начиная с 1960 г. действует самое крупное в Европе предприятие по производству калийных удобрений – производственное объединение «Белорусскалий».

ПО «Белорусскалий» в то время подчинялось Минудобрений СССР; принося государству прибыль примерно 40 млн инвалютных рублей, оно получало назад на свои нужды менее 1 млн. Производство калийных удобрений на ПО «Белорусскалий» требует больших затрат энергии и включает три основных технологических звена: 1) добыча и извлечение руды; 2) обогащение и переработка руды в удобрения и 3) складирование отходов. Добыча руды не селективная (тоннельный и камерный способы), в результате чего в зоне шахт остаются большие пустоты. В свою очередь, это ведет к проседанию земной поверхности над выработанным пространством, в результате чего происходит заболачивание, затопление и подтопление земель. Принятая технология приводит к потерям 60–70% руды и образованию на поверхности земли твердых и жидких отходов. Складирование на поверхности отходов, содержащих большой

процент солей, вызывает засоление сельскохозяйственных угодий (часть солей вымывается дождем и снегом из терриконов, другая просачивается из шламохранилищ).

Но почва здесь не только засолена, она также засорена дымовыми пылегазовыбросами с обогатительных фабрик. Образование большого количества многокомпонентных пылегазовых выбросов приводит также и к загрязнению воздушного пространства. В районе добычи засоливаются не только почвы, изменяется химический состав подземных и поверхностных вод (увеличение содержания хлоридов калия и натрия, нарастание минерализации, общей жесткости воды). Меняется состав воды и в Солигорском водохранилище. В марте 1984 г. имел место прорыв дамбы шламохранилища и перелив шламов с рассолами в отстойник, расположенный в 350 м от водохранилища. В случае обильных дождей или порчи отстойника рассолы могли попасть и в само водохранилище, а это уже была бы экологическая катастрофа.

С начала 80-х гг. в республиканской и общесоюзной печати появилось несколько статей, в которых ситуация в Солигорском районе оценивалась как катастрофическая, причем не только для самого района, но и для республики в целом, а также для других регионов, связанных с Солигорским районом водными путями. Еще когда ПО «Белорусскалий» только было создано, в Госплане БССР приступили к изучению ситуации и разработке предложений, направленных на её изменение. К сожалению, намеченные мероприятия не реализовывались в течение многих лет или реализовывались в минимальных размерах. Так, ТЭО системы мероприятий по защите природной среды не было утверждено. Государственная экспертная комиссия при Госплане СССР оба раза аргументировала отклонение ТЭО отсутствием безотходных методов производства или перспективных методов утилизации отходов, а также отсутствием специализированных организаций по проведению необходимых работ. Предложение перейти к селективной добыче отклонялось, поскольку в СССР не было соответствующих горных комбайнов, а более совершенная техника, производимая в ФРГ, стоила слишком дорого. Закачка солевых отходов в глубокие скважины начала осуществляться, однако составляла незначи-

тельную долю производимых шламов. Хотя в стране было все необходимое для запуска производства гранулированных удобрений на основе торфа и шламов, Минудобрений СССР не принимало по данному вопросу четких решений. Проектирование и строительство на ПО «Белорусскалий» установки по производству глино-солевых порошков из пятилетки в пятилетку откладывалось. Более того, Минудобрений СССР срезало наполовину объем средств, выделяемых на природоохранные мероприятия. Не отставали и другие ведомства: например, Министерство мелиорации и водного хозяйства БССР не согласовало ни один из предложенных вариантов природоохранных мероприятий. Короче говоря, существующая в то время ведомственная организация управления, низкая степень приоритетности природоохранных мероприятий, отсутствие настоящего хозяина и адекватного общественного самосознания постоянно сводили на нет все усилия, направленные на изменение ситуации.

В.М. Эта картина была для того времени характерной, отчасти она и сегодня такая же. Природоохранная деятельность ведется больше для вида, для успокоения общественности. Реально, однако, мало что меняется. Прежде всего потому, что за экологическими проблемами стоят социальные и экономические, проглядывают интересы ведомств и крупных предприятий.

В.Р. Исходя из подобных соображений, я, как ответственный за социально-экологическую экспертизу, проанализировал ситуацию, уточнил цель и задачу экспертизы. Конечно, должна быть дана оценка экологической ситуации в районе и последствий, связанных с ухудшением этой ситуации. Однако главным все же является другое: нужно было **определить долгосрочную политику**, учитывающую разнообразные интересы, степень запущенности ситуации, отсутствие средств и т.п. Экспертиза осуществлялась несколькими группами специалистов по пяти направлениям (проектам). Вот их краткое содержание.

Экологический проект. Согласно научным прогнозам, если добыча и производство калийных удобрений будут сохранять свой объем и размах, а технология добычи и переработки существенно не изменится, то, очевидно, Солигорский район в ближайшем будущем ожидает экологическая катастрофа. Ее приближение ускоряют следующие обстоятельства:

продолжающееся опускание почвы, которое может распространиться и на город;

резкое увеличение зеркала и объема шламонакопителей в связи с применением изоляционных пленок (раньше значительная часть соляных растворов просачивалась в почву);

засоление подземных источников воды вплоть до глубоких горизонтов, в результате чего «Белорусский» превращается в угрозу для других регионов;

выброс в атмосферу большого числа вредных веществ, а также тепла.

По оценкам некоторых специалистов, еще 10–15 лет – и район в экологическом отношении будет полностью загублен. В ближайшее время суммарный ежегодный эколого-экономический ущерб от загрязнения всех сред составит 57–61 млн рублей (в советских ценах середины 80-х гг. XX в.!). Суммарный интегральный ущерб составит 710–930 млн руб.

Проект хозяйственно-экономического механизма. Основная цель этого проекта – наметить варианты построения такого хозяйственно-экономического механизма, в котором бы не блокировались принимаемые решения и предложения, предусматривались возможности для изменения существующей технологии добычи калийных солей (с целью уменьшения количества отходов, обеспечения их рациональной утилизации и переработки и т.д.), выделялись необходимые средства для оздоровления ситуации. В рамках проекта хозяйственно-экономического механизма был осуществлен предварительный прогноз потребностей в калийных солях; рассмотрена политика цен на минеральные удобрения с учетом платежей за природопользование и проведение комплекса природоохранных мероприятий; проанализировано финансовое положение производственного объединения при сохранении существующей политики цен; наконец, рассмотрены возможные способы организационно-экономического обеспечения деятельности по нормализации экологической обстановки (вопросы платы за ресурсы, штрафы за загрязнение, предложение создать фонд социально-экономического развития района, рекомендации изменить систему размещения калийной промышленности в СССР, создать предприятия с широким привлечением зарубежных партнеров).

Технологический проект. Данный проект должен был подготовить почву для предложений, нацеленных на модернизацию существующей технологии. К числу первоочередных задач были отнесены следующие:

а) анализ и оценка существующей технологии и трех ее основных указанных выше измерений (характер самой технологии добычи; характер исследований, проектов инженерной деятельности, механизмов внедрения; характер инфраструктур);

б) характеристика альтернативной или более совершенной зарубежной и отечественной технологии добычи и переработки отходов;

в) разработка модели и характеристик такой технологии, которая включала бы в себя природоохранные меры и модернизацию самой технологии. Понятно, что второй и третий проекты тесно связаны между собой: хозяйственно-экономический механизм задает для технологии определенные инфраструктуры. Реализация технологического проекта была осуществлена главным образом в части оценки недостатков существующей технологии, анализа предложений по ее изменению, обсуждения обстоятельств, препятствующих реализации этих предложений.

Социальный проект. Переход на любые формы хозрасчета, восстановление и охрана природы, модернизация технологии невозможны без задействования человеческого фактора, инициативы отдельных работников и групп специалистов, создания общественных фондов и проектов, общественных движений, программ социального и культурного развития. Задача социального проекта — подготовить почву для всего этого: выявить инициативные группы, сформировать проекты общественных фондов и движений, продумать способы инициации разных общественных групп, наметить программы социального и культурного развития. Естественно, что в реализации социального проекта должны принять участие все основные заинтересованные субъекты территории (население, региональные и республиканские органы управления, школа, ученые, пресса и т.д.). Однако разработка социального проекта должна опираться на все остальные проекты и в этом плане может начаться не-

сколькo позднее. Предварительно было проанализировано отношение разных субъектов территории к социально-экологической ситуации в Солигорском районе.

Инновационный проект. Решение всех перечисленных здесь задач с методологической и социологической точек зрения представляет собой сложный инновационный процесс, а не просто организационную перестройку (какой бы масштабной она ни была). Такой процесс предполагает специальное управление и обеспечение (научное, проектное, организационное, ресурсное). Инновационные процессы имеют свои закономерности и стадии, свои движущие силы и группы сопротивления или поддержки. Чтобы нововведения были успешными, необходимо создание специального штаба (группы, команды), включающего помимо инициаторов нововведений таких специалистов, как экономисты, технологи, социологи, экологи, методологи, представители теории управления и организации. Одна из задач подобного штаба – разработка инновационных стратегий, другая – обеспечение нововведений необходимыми знаниями, разработками, информацией.

В.М. На мой взгляд, Вы провели классную работу. Если бы все это можно было реализовать, то тогда, конечно, многое изменилось бы в лучшую сторону. Однако Ваши предложения вряд ли могли быть реализованы, уж слишком много изменений они предполагали. Изменений, в которых никто не был заинтересован.

В.Р. Ну да, ты прав. Когда я в 1995–1996 гг. участвовал в другом таком же проекте, который нам заказала Администрация Ханты-Мансийского АО, этот проект был признан Министерством культуры РФ образцовым. Но и он не был реализован. Почему? Я думал об этом. Что показали эта экспертиза и проект, а также другие общественные экспертизы, проведенные в связи с ситуациями Байкала, Аральского моря, Белоярской АЭС, городов Одессы, Москвы? С одной стороны, можно отметить определенный положительный эффект: была дана оценка экологической и социально-экономической ситуации в каждом случае, проанализированы проблемы, возникающие в связи с ситуациями в этих регионах и городах, намечены предложения, направленные на изменение ситуации. Один из результа-

тов – формирование в некоторых случаях общественного мнения и общественных групп (особенно там, где экспертиза включала проведение ОДИ), заинтересованных в решении социально-экологических проблем определенного региона (города) и готовых их решать по-новому, нетрадиционно.

В.М. Технология экспертирования, при которой в качестве исходного материала для анализа и оценки принимается не положение дел, сложившееся «естественным» путем, а ситуация, целенаправленно сформированная в результате проведения ОДИ, использовалась в методологически организованных общественных экспертизах. ОДИ за счет заложенной в нее возможности имитации важнейших общественных процессов служила источником фактов экспертизы. Использование метода ОДИ включает следующие действия как с материалом общественных процессов (ситуацией), так и с участниками (экспертами)³:

1) *проблематизация* – создание проблемной ситуации по поводу существующих в обществе конфликтов и за счет этого распрямление участников экспертизы;

2) *схематизация ситуации*, обеспечивающая перенос знаний, представлений и способов деятельности участников на внешние носители – схемы. Введенная на второй фазе ОДИ проектная составляющая выделяет замыслы, не присутствующие в выделенных знаниях и представлениях;

3) *сценирование* – формирование проблемной ситуации по поводу проектов необходимых изменений общественной жизни и имитация вариантов изменений.

Таким образом, выделяемые в ходе ОДИ факты экспертизы представляли собой комплексы существующих в обществе конфликтов вместе с проектами необходимых изменений общественной жизни, как они видятся с разных общественно-значимых позиций. То есть «факты» экспертизы изначально *выстраивались как проблемные ситуации наличия не просто конфликтов, но и разных вариантов (проектов) их решений и различия общественных оценок этих возможных решений.*

Факты экспертизы выделяли специализированные группы подготовки материалов экспертизы, которые отбирали то, что *проявилось* (если использовать аналогию с фотографией) наиболее ярко и контрастно (или, используя метафору Р.Декарта,

ясно) — и в то же время было *показательным* в отношении картины ситуации и определения проблемных точек. Каждый факт экспертизы должен был рассматриваться в контексте динамики тех или иных общественных процессов, что, с одной стороны, после анализа давало *возможные сценарии* развития событий, а с другой — исходя из *различия оценок* этих возможностей — позволяло говорить об *экспертизе возможных вариантов общественных изменений*.

Реализация *процедур собственно экспертирования* (аналитической и оценочной работы экспертов, прошедших ОДИ) подразумевала построение «машины экспертирования», состоящей из «судебной процедуры», объективирующей выявленный комплекс фактов экспертизы как общую проблемную ситуацию, и системы взаимного (перекрестного) экспертирования. В обоих случаях процедуры строились на основе *принципа состязательности экспертных суждений и интерпретаций*.

Публичная часть процедуры экспертирования представляла собой процедуру *экспертных слушаний*, которые осуществлялись в рамках специально сконструированной *правовой процессуальной формы*. Для этого *процедура слушаний была регламентирована специальным кодексом — Правовыми Установлениями Экспертизы* (далее — ПУЭ)⁴. Поддержание процедуры в рамках, оговоренных этим кодексом, было возложено на облеченную в мантии группу юристов, превратившуюся на время проведения экспертных слушаний в самостоятельный фокус власти (наподобие Конституционного Суда), способный при необходимости наложить правовые ограничения и на руководителя экспертизы. Перед тем, как в первый раз получить слово, каждый участник был обязан произнести *Заверение*, в котором заявлял, что всякое его суждение «устремлено к прояснению сути дела и будет согласно принципам Правовых Установлений». Это означало не только приверженность «духу» экспертизы, но и подтверждение легитимности «буквы» ее «законодательства».

Процедура экспертных слушаний была завершающей и «собирающей» фазой экспертизы в целом, во время которой в наибольшей мере проявляется смысл методологически организованной экспертизы. Именно она представляет собой «изюмин-

ку», отличающую методологическую экспертизу от всего разнообразия форм работы, придуманных последователями Московского методологического кружка за многие годы.

Одна из методологических идей, заложенных в подобную экспертизу, состояла в том, чтобы построить ее как *институциональную форму экспертных слушаний*⁵, цель которых — проявление «максимально более полной картины ситуации и создание возможности оценок ее с разных точек зрения» (ПУЭ, I.1).

Институциональность процедур экспертизы означает, что не выдвигается никаких априорных гипотез о природе «экспертируемого объекта», как это делалось бы при научном исследовании, а строится система функциональных мест, занимая которые, участники за счет процедурной организации работы могут *конкретно* (т.е. *на фактах* — ПУЭ, I.1), с *достаточной* (с практической точки зрения) глубиной и полнотой проанализировать проблемы в любой (но при этом ограниченной) области, которая окажется важной с точки зрения проявленной ситуации. Область экспертирования ограничивалась установлением исчерпывающего перечня того, что может выступать фактами экспертизы (ПУЭ, I.2). Подразумевалось, что при этом можно затем проанализировать любую другую (но тоже конкретно ограниченную) область подобно тому, как суд слушает одно дело (не выходя при этом за границу предъявленных фактов), а затем может — «по той же форме» — разобрать совсем другое.

По аналогии с судом использовался *принцип состязательности сторон* — критики и защиты, который порождал многообразие суждений, что далее приводило к необходимости анализировать основательность сталкивающихся суждений и на следующем цикле обсуждения давало большую глубину анализа. Кроме того, принцип состязательности означал *частичность* любого суждения: принцип равенства (ПУЭ, II.4) и процессуальные запреты (ПУЭ, VI) не позволяли — вплоть до заключительной фазы рассмотрения — настаивать на истинности тех или иных гипотез (фундаментальных допущений) об анализируемой области в целом, поскольку всякому такому суждению противопоставлялось другое, признаваемое не менее основательным.

Противопоставленность сторон в зале выражала реальный общественный конфликт. Сам дух экспертизы и все символические формы, которые использовались для организации пространства зала, были направлены на проявление множественности точек зрения, на создание отношения уважения и доверия к каждой из них, на *недопущение односторонней объективации ситуации*, какую могли бы произвести эксперты-ученые. Ведь *любой* участник имел не только право выбора личной позиции, но и право занимать процессуальное место эксперта (ПУЭ, V). Состязательность в ее наиболее цивилизованной правовой институциональной форме лежит в основании всей конструкции экспертизы. Подобная форма состязательности возможна лишь *в атмосфере уважения и доверия* (ПУЭ, II.2), поддерживаемой также и *принципом ответственности экспертов за свои суждения* (ПУЭ, II.3), и такой символической формой, как *Заверение*.

Итак, построение процедур методологической экспертизы как институциональных осуществлялось за счет схемы, *соединяющей три логических принципа: конкретности, достаточности и состязательности*. Именно такая технология работы с социально-значимыми проблемными ситуациями может быть оформлена в *особый институт, обеспечивающий рациональное отношение к общественным изменениям*: их осмысленную инициацию, продуманное проведение, взвешенную оценку последствий⁶.

В.Р. С другой стороны, нельзя не отметить, что рекомендации и предложения, содержащиеся в материалах экспертиз, в большинстве случаев не были реализованы. Более того, сами участники и разработчики экспертизы отчасти понимали нереализуемость своих предложений. И вот почему. Во-первых, как правило, заказчики экспертизы не являлись полноценными хозяевами соответствующих природных комплексов, районов, городов, предприятий. Нередко здесь вообще не было одного основного хозяина, а подчинение многим ведомствам, имеющим различные интересы, означало отсутствие единого субъекта управления. А раз нет единого субъекта управления и хозяйствования, то некому было и реализовывать предложения, поскольку никто конкретно не был в них заинтересован. Во-вторых, анализ подобных ситуаций показал, что дело не в злой

воле отдельных людей, даже не в низкой квалификации специалистов и культуре труда, а в самой системе хозяйствования, в существовавших в то время социально-экономических отношениях. Другими словами, дело в системе (отсутствии рыночных отношений, самостоятельных субъектов хозяйствования, возможности самостоятельно распоряжаться своей прибылью, негибкости системы централизованного планирования и т.д.). Именно поэтому рекомендации по изменению анализируемых ситуаций оказывались нереализуемыми; система успешно гасила любые новации, не вписывавшиеся в нее, противоречащие ее принципам.

Сходная ситуация наблюдалась и в отношении Белоруссии. Здесь не оказалось полноценного заказчика и хозяина, а интересные рекомендации экономистов предполагали смену хозяйственно-экономического механизма, к чему Республика, район и предприятие в то время не были готовы.

В.М. В исторической перспективе этот результат можно осмыслить так: в рамках социальной инженерии так и не удалось решить задачу, поставленную еще Платоном в «Государстве», — создать контролируемую целенаправленную процедуру социальных преобразований. На одну из причин этого указал сам Платон, говоря: все это точно искусная «лепка государства и граждан из воска»⁷. Дело в том, что научно-инженерный подход при любом его совершенствовании, даже включении в процесс проектирования всех заинтересованных лиц, все же исходит из того, что социальный реформатор — это социальный инженер, своего рода демиург, а социальная жизнь — пассивный объект приложения усилий этого демиурга; что социальные науки могут описать законы социальной жизни, а социальный проектировщик, опираясь на них, оптимизировать социальную жизнь или создать новые ее формы. «Что разум испытывает как свою необходимость, или, скорее, что различные формы рациональности *выдают* за то, что является для них необходимым, — пишет Мишель Фуко (речь идет о том периоде, когда он еще разделял марксистскую концепцию), — из всего этого вполне можно написать *историю* и обнаружить те сплетения случайностей, откуда это вдруг возникло; что, однако, не означает, что эти формы рациональности были иррацио-

нальными; это означает, что они зиждутся на фундаменте человеческой практики и человеческой истории, и, поскольку вещи эти были *сделаны*, они могут — если знать, *как* они были сделаны, — быть и *переделаны*»⁸. Именно такая *тотальная* социально-инженерная установка не только вдохновляла Маркса, но и продолжает направлять многих современных реформаторов⁹. Но весь исторический опыт социальных реформ показывает, что эта установка неверна. Это я Вас, Вадим Маркович, пересказываю.

В.Р. Поэтому я и не могу не согласиться. Однако теперь твоя очередь. Расскажи все-таки, что вы делаете сегодня.

В.М. Попробую, но все это будет пока вчерне, эскизно; сама тема еще мало продумана. Прежде всего, стоит отметить, что мы живем и работаем в другой социально-экономической ситуации, характеристиками которой являются рыночные отношения, многосубъектность, реальная потребность в обеспечении устойчивой работы большего числа предприятий во многих регионах. Малая часть промышленных предприятий приносит хорошую прибыль, основная же их доля — это бывшие советские заводы и фабрики, едва сводящие концы с концами. 35-40% предприятий — убыточны. По статистике, в каждом российском регионе имеется от 200 до 500 крупных и средних предприятий, из которых 100—200 имеют сходные проблемы: они убыточны и практически не работают или работают для вида, то есть их мощности загружены на 10-20%, рабочие получают нищенскую зарплату, да и ту не всегда вовремя. По идее, если бы наша социально-экономическая система была в полной мере капиталистической, убыточные предприятия должны были бы подвергнуться процедуре банкротства, но это по разным, вообще-то понятным причинам не делается. Ведь если большое количество предприятий обанкротится, то резко увеличится количество безработных, последует социальный взрыв, электорат выйдет из повиновения и прочее и прочее; поэтому, с точки зрения региональных и местных властей, пусть лучше все делается постепенно или не делается вообще.

В.Р. У меня банальный вопрос: почему так много предприятий убыточны? Еще когда я участвовал в ханты-мансийском проекте, я пытался понять, почему там стали убыточны лесная и рыбная промышленность. Разве стране не нужны лес и рыба?

Все дело оказалось в том, что открыли рынок. Как, например, заготавливается лес. Сначала где-то зимой валят деревья, затем они лежат до весны и, естественно, портятся. После чего их сплавляют по северным рекам, потом держат в затоках, а когда наконец достают, оказывается, что они уже полностью потеряли нужную кондицию. Короче говоря, когда лес становится товарной продукцией, он стоит столько, что дешевле было бы купить его за границей.

В.М. Здесь действуют сходные факторы. Во-первых, наши товары неконкурентоспособны и вытесняются импортной продукцией. Во-вторых, сокращение объемов производства и прибыли приводит к отсутствию оборотных средств: у предприятия нет денег на закупку сырья и оборудования. В-третьих, разрушены традиционные хозяйственные связи между предприятиями, и, как следствие, одни поставщики исчезли, другие требуют больших денег, отсутствуют нужные посредники и т.д. и т.п. В-четвертых, традиционная продукция, производство которой хорошо отлажено, часто не находит сбыта даже на внутреннем рынке. В-пятых, для руководства предприятия часто выгоднее сократить производство и сдать в аренду освободившиеся помещения. В-шестых и в-седьмых — всех проблем не перечислишь.

Однако исследования и опыт нашей консалтинговой фирмы показывают, что большинство ныне убыточных предприятий (правда, не все — примерно 70—80%) можно поставить на ноги, причем на первом этапе не реконструируя их кардинально, то есть без привлечения сколько-нибудь значительных инвестиций. У предприятия имеются производственные площади, оборудование, квалифицированный персонал, технологические потоки. Так вот, все это можно заставить работать и в новых условиях. Только нужно, как мы выражаемся, «расшить узкие места» ключевых бизнес-процессов, обеспечивающих устойчивую работу предприятия. Так, улучшение маркетинговой деятельности позволяет усовершенствовать ассортимент, начать производить и продвигать продукцию, востребованную рынком. Повышение качества финансового управления, а при необходимости проведение реструктуризации налоговой задолженности, изменение отношений с посредниками и постав-

щиками помогают решить проблему обеспеченности предприятия оборотными средствами. В результате повышается коэффициент загрузки существующих производственных мощностей, и без сколько-нибудь существенных затрат на обновление и модернизацию оборудования предприятие резко увеличивает объем реализации продукции, улучшается его финансовое состояние.

Конечно, применение подобной технологии не решает проблемы обеспечения конкурентоспособности выпускаемой продукции в долгосрочном плане, предприятию все равно будут нужны инвестиции — но оно получает мощный импульс развития, позволяющий повысить финансовую устойчивость, стать инвестиционно привлекательным и в будущем привлечь ресурсы, необходимые для устойчивого развития. Поскольку наши консультанты имеют опыт решения подобных задач, мы беремся помочь «расшить» выявленные в ходе диагностики «узкие места» убыточного предприятия и реально ставим его на ноги. Данный метод, разработанный специалистами «РОЭЛ Консалтинг», получил название *технологии комплексного внутреннего реформирования предприятий*. Реформирование в соответствии с этой технологией успешно прошли более 300 российских предприятий машиностроения и приборостроения, пищевой, стекольной и текстильной промышленности, производства стройматериалов, оборонной промышленности и других отраслей реального сектора экономики¹⁰.

В.Р. У меня в связи с этим возникли несколько вопросов. Прежде всего, правильно ли я понял, что в новой ситуации социально-экономических реформ и становления рыночных отношений традиционный социалистический менеджмент (директора, экономисты, плановики, ИТР) оказался несостоятельным? Все эти специалисты прекрасно работали в старой системе, но в новых условиях или вообще не знали, как действовать, или принимали неправильные решения.

В.М. Могу с Вами согласиться. Да, в новых условиях социалистический менеджмент оказался несостоятельным. Иногда он и не хотел быть состоятельным, а просто стремился стать собственником или обогатиться. Вы мне сами недавно рассказывали несколько случаев незаконного превращения государ-

ственной собственности в частную и параллельного обогащения. Сначала на базе государственного учреждения создавалось акционерное общество, во главе которого вставали директор и его окружение. Затем, пользуясь тем, что члены трудового коллектива, в результате приватизации неожиданно ставшие акционерами, ничего не понимали в происходящем и им не приходило в голову контролировать дирекцию АО, последняя сворачивала производство, увольняла служащих, продавала оборудование, сдавала за большие деньги помещения, а прибыль клала себе в карман. И все это протекало вполне мирно, на волне «перестройки» и «реформ», с обещанием в недалеком будущем демократии и экономического процветания. Если бы К.Маркс видел этот процесс, он, безусловно, квалифицировал бы его как «кражу» общего имущества и «грабеж» трудящихся – словом, как социальную несправедливость («В основе любого состояния лежит преступление», – эти слова Бальзака он считал наиболее точно характеризующими период первоначального накопления капитала)¹¹. Но ведь сами россияне, исключая членов левых партий, так его не воспринимали; в целом общество шло на кардинальные изменения, не очень понимая, что при этом происходит, но все же надеясь на лучшее.

Когда же люди кое-что поняли (хотя и не до конца), начались интересные общественные процессы. Одни, действительно, воспроизводя историю марксизма, стали выступать против социальной несправедливости. Другие, будучи предельными циниками, быстро воспользовались сложившейся ситуацией, чтобы обогатиться уже на основе понимания идущего процесса. Третьи, подобно Андрею Михалкову-Кончаловскому (не так давно честно изложившему свое кредо в программе НТВ «Свобода слова»), настолько трезво смотрят на российскую действительность, что считают происходящее (отсутствие гражданского общества, раскол страны на два лагеря, быстрое обогащение одних и относительное обнищание других, страх перед властью и криминалом, коррупцию и т.д.) нормальным развитием событий и поэтому предпочитают не «плевать против ветра», а комфортно обустроить свою частную жизнь. Четвертые, как Владимир Познер, сказавший в интервью, что он, к счастью, в отличие от многих своих знакомых не стал цини-

ком, стали работать на становление будущего демократического общества, понимая, однако, все трудности, стоящие на этом пути. Более того, они понимают проблематичность и низкую реализуемость демократических проектов, но считают, что должны способствовать именно этой тенденции развития России. Пятые видят спасение России в национальном возрождении, хотя пока непонятно, как это может помочь в решении сложнейших социальных и экономических задач. Шестые, седьмые и так далее...

В.Р. Второй вопрос касается твоей фразы «если бы наша социально-экономическая система была в полной мере капиталистической...» А что, у нас разве не капитализм? На этот вопрос важно ответить, ведь консалтинговая деятельность — это «капиталистический» способ повышения эффективности работы предприятия? Или не обязательно? Третий вопрос для меня тоже принципиальный. Что вы делаете, «расшивая слабые места»: реконструируете старое предприятие или, по сути, помогаете создать новое, которое уже может функционировать в рыночных условиях? Ведь «коробка» или даже технология, может быть, вовсе не главное, а вот менеджмент и персонал с новым, так сказать, рыночным видением происходящего — более существенный момент.

Что такое вообще предприятие? Одна точка зрения заключается в том, что это помещения, оборудование, технология, обученный персонал, система управления; другая — это не только все перечисленное, но еще и пусть маленький, но все же *социальный организм*. А социальные организмы в социалистической системе и в капиталистической, вероятно, существенно различаются. Сегодня на эту тему есть весьма интересный материал для анализа — корпоративная культура. Почему ее формирование становится столь популярно и так быстро распространяется? Не потому ли, что хорошая корпорация стремится превратиться в полноценный социальный организм или, может быть, социальный орган: формулирует свою миссию, заказывает и пишет собственную идеологию и историю, создает механизмы воспроизводства и развития персонала, собственную автономную среду жизнедеятельности, способствует формированию корпоративного сообщества.

В.М. Какая социально-экономическая система у нас складывается? На этот вопрос не так-то просто ответить. Думаю, что это не капитализм, но и не социализм, от которого мы ушли, а какая-то смешанная система, некий социальный монстр. Вот смотрите. С одной стороны, да, формируются рыночные институты и частная собственность, современная система налогообложения, развиваются банковское и страховое дело, фондовый рынок и т.д. Но, с другой стороны, государство не только осуществляет оперативное управление хозяйственной деятельностью казенных предприятий, но и является крупнейшим собственником на рынке, причем таким, который может в любой момент, например, с помощью прокуратуры и суда выбить из игры любого участника экономических отношений. С одной стороны, вроде бы существуют общественные организации, демократические выборы, парламент, конституционный суд, право. С другой – все это находится под контролем и управлением (конечно, добровольными, какие еще могут быть!) со стороны Президента и его Администрации («управляемая демократия»). С одной стороны, Президент твердо придерживается интересов ведомств и правящих элит, но, с другой – хотя бы для поддержания собственного рейтинга он вынужден заботиться о населении (как пишет Валерий Подорога, власть превращается во «всемирный национальный фонд, который отпускает средства на выживание граждан некой известной всем страны; его главная задача состоит в том, чтобы граждане не умерли с голоду, от болезней и не погибли бы в техногенных катастрофах»). С одной стороны, экономический блок Правительства призывает развивать малый и средний бизнес, освободиться от нефтегазовой наркотической зависимости и даже предпринимает какие-то реальные усилия в этом направлении, с другой – создаются невыносимые условия для всех подобных процессов и нововведений. С одной стороны, набирает силу федеральная власть, с другой – все же как-то выживают и даже отчасти усиливаются регионы.

В.Р. Не хочешь ли ты сказать, что у нас своеобразный симбиоз: старые социалистические способы жизни и управления опосредованы рыночными механизмами и капиталистическими отношениями, а последние опосредованы социалистическими

кими структурами? Что же представляет собой в этом случае российское предприятие? Действительно, оно живет как по рыночным законам, так и по нерыночным. Нужно и налоги платить, и самостоятельно выходить на рынок, и получать прибыль, но также давать взятки, обходить законы, налаживать кооперацию с властями, а иногда, к сожалению, и с криминалом.

В. М. Но ведь предприятие может обратиться за помощью и поддержкой к муниципальным и региональным властям. Эти субъекты весьма заинтересованы в том, чтобы предприятия заработали, начали обеспечивать реальную, а не номинальную занятость¹², наращивать фонд оплаты труда, приносить прибыль и регулярно платить налоги в муниципальные и региональные бюджеты. Наша компания формулировала подобные предложения и получила поддержку администраций целого ряда российских регионов и муниципальных образований (городов и районов с развитой промышленностью). Но вначале о сути того, что мы делаем.

В нашей деятельности вполне органично соединяются два подхода: экспертный и процессный. Один идет от западных образцов менеджмента, что видно по названиям функциональных блоков системы управления предприятием, с которыми мы работаем: стратегия, маркетинг, финансы, организационная структура, персонал и др. Но решения, которые мы предлагаем, в значительной мере уже основаны на отечественном опыте, в том числе на опыте работы нашей группы «РОЭЛ Консалтинг», осуществившей, как я уже говорил, реформирование более 300 предприятий. Второй подход имеет своим источником методологию проектирования, в том числе социального. Причем здесь неплохо дополняют друг друга западная методология «процессного консультирования»¹³, и наша отечественная российская методология, включающая деловые и организационно-деятельностные игры, ситуационные анализы, организацию проектных команд и иные методы совместной работы консультантов с группами специалистов организации-клиента. Процессный подход включает в себя методы диагностики системы управления, направленные на выявление и анализ проблем («узких мест») и требований к их «расшивке»; методы описания и анализа ресурсов, включая возможность создания

новых; методы собственно проектирования (как правило, нетрадиционного) и программирования изменений, позволяющих решить выявленные проблемы или смягчить их остроту; методы реализации предложений и проектов, включая переобучение персонала и его «настройку» на новые методы работы, сопровождение процесса реализации и мониторинг.

Оба подхода, действительно, направлены на то, чтобы вписать предприятие в рыночную систему и сформировать у его менеджеров новое видение всей ситуации в целом. В этом смысле можно согласиться с тезисом, что, по сути, мы занимаемся не столько реконструкцией старых социалистических предприятий, сколько способствует тому, чтобы сложилось новое предприятие и даже, возможно, новый социальный организм, хотя мне не очень нравится это выражение по отношению к обычному предприятию. В то же время я понимаю, почему Вы его используете. Если у инициативной группы (не обязательно даже включающей директора) нет решимости начать преобразования и следовать нашим советам и рекомендациям, часто предполагающим принципиальные изменения в методах управления, в самом его стиле, в корпоративной культуре, то ничего вообще не произойдет, все сойдет на нет вследствие эффекта «сопротивления изменению»¹⁴. А ведь такая инициативная группа представляет собой уже не просто персонал, а является своеобразным «сообществом нововведений» и зародышем будущей корпоративной культуры.

В.Р. Вот-вот, это главное. Не только персонал, но и *сообщество*, которое начинает бороться за выживание и развитие предприятия, трансформируя сложившуюся корпоративную культуру и стиль управления, внедряя новые методы и технологии. Социальный организм — это всегда форма жизни. В лице инициаторов того, что ты удачно назвал «сообществом нововведений», предприятие начинает формировать новую культурную среду и органы, напрягает силы, мобилизуя энергию и ресурсы в нужном направлении. Я здесь сознательно использую биологические аналогии, прекрасно понимая все опасности биологизаторства.

В.М. А дальше можно сделать следующий шаг (и мы уже начали его делать): от отдельного предприятия перейти к множеству предприятий города, промышленного района или реги-

она. Дело в том, что в сходном бедственном положении находятся многие предприятия, как уже отмечалось, в каждом российском регионе их 100–200. Все они убыточны, в производстве задействована только небольшая часть их проектной мощности, они выпускают неконкурентоспособную продукцию, зарплаты мизерные и символические, менеджмент прошлых времен и эпох. Почему в этом случае не работать сразу со всеми подобными предприятиями города, района или региона? При такой «поточной системе» можно будет не только использовать опыт одних предприятий при реформировании других, но и получить средства на оживление их работы от муниципальных и региональных властей.

Как я уже говорил, нас поддержали несколько регионов и муниципальных образований. При этом во Владимирской, Липецкой и Смоленской областях государственная поддержка процессов реформирования и финансового оздоровления промышленных предприятий приобрела форму *региональных целевых программ*, которые были разработаны нашими специалистами¹⁵. Первой из них была *Программа реформирования и финансового оздоровления промышленных предприятий Липецкой области на 2003–2006 гг.*

Данная Программа стала первым комплексным документом, определившим на областном уровне задачи формирования социально-ориентированной промышленной политики области и необходимые для их решения механизмы государственного стимулирования процессов повышения эффективности работы промышленных предприятий. Схема реализации Программы включала оказание государственной поддержки реформируемым предприятиям (организациям) через администрации муниципальных образований, которые должны были разработать собственные программы экономического развития промышленных комплексов своих территорий. Соответственно, для решения этой задачи был определен механизм оказания государственной поддержки муниципальным образованиям.

Для реализации на муниципальном уровне областной Программы реформирования и финансового оздоровления промышленных предприятий были разработаны *программы экономического развития промышленных комплексов четырех муниципальных*

образований Липецкой области: г.Липецк, г.Елец, Усманского и Данковского районов. Также была построена единая система управления реализацией областной и муниципальных программ.

В основе предлагаемых специалистами «РОЭЛ Консалтинг» программных инструментов промышленного развития территорий лежит применение технологий реформирования и финансового оздоровления предприятий, о которых я Вам уже рассказал. Так, в ходе выполнения описанного выше комплекса программ развития в Липецкой области также разработаны и реализованы программы (планы) реформирования и финансового оздоровления ряда убыточных предприятий и других, находящихся в предбанкротном состоянии.

В.Р. То есть вы переходите к более сложной деятельности. Она, по меньшей мере, двухуровневая. Один уровень – работа с отдельными предприятиями. Второй уровень – работа с потоком заказов от предприятий, вероятно, классификация их, обсуждение типовых проблем и «узких мест», стратегия привлечения средств заинтересованных субъектов и прочее. Да, но разве консалтинговая фирма в состоянии справиться с такими сложными задачами?

В.М. Вполне. Для этого мы начинаем создавать в городах и регионах при поддержке их администраций новые организационные структуры, состоящие в основном из местных специалистов, с которыми работают наши консультанты. Назначение этих подразделений – осуществлять управление реализацией разработанных программ (это «второй уровень», в Вашей терминологии) и конкретную работу с предприятиями на основе наших проектов и технологий («первый уровень»).

«РОЭЛ Консалтинг» участвовал в создании и осуществляет консультационное сопровождение работы подобных организаций – агентств по реформированию и финансовому оздоровлению промышленных предприятий (АРИФОПП) – во Владимирской и Липецкой областях. Создание и работа таких организаций и даже сам факт их существования уже оказывает инновационное воздействие на работу институтов государственной власти и местного самоуправления, на характер взаимодействия федеральных и региональных органов государственной власти, органов местного самоуправления и руководства предприятий.

В.Р. Не считаешь ли ты, что, переходя на уровень города, района или региона, вы фактически возвращаетесь к социальному проектированию? Что значит поднять основные предприятия города или региона, одновременно вписав их в рыночную экономику? Возможно ли это без стратегического городского или регионального планирования, без работы, направленной на обновление всей жизни на данной территории? Ведь рыночная экономика и элементы демократического образа жизни (будем выражаться осторожно — «элементы») предполагают новые связи и отношения, новые инфраструктуры, подготовку новых специалистов, формирование новых городских или региональных сообществ.

В.М. Если это и социальное проектирование, то совершенно иное. Традиционное, проанализированное в Ваших работах и идущее еще от Платона, основывалось на идее реализации в действительности социальных идеалов, и, как Вы показываете, из этого мало что получается, или даже получается нечто прямо противоположное задуманному. В данном же случае речь идет о том, чтобы выявить реальные тенденции развития города или региона, определить, куда нужно идти дальше (здесь, конечно, не обойтись без социальных императивов и идеалов), проанализировать условия, обеспечивающие желательные изменения, понять, можно ли эти условия создать, и каким образом, наконец (если таких условий нельзя создать), можно скорректировать исходные цели, наметить конкретные шаги по их реализации и начать эти шаги осуществлять. Можно ли это называть социальным проектированием? Не знаю.

Что же касается работы, ориентированной на обновление городской или региональной жизни, то, да, что-то в этом роде начинает происходить. Характерный пример — Липецкая область. Разработанная нами областная Программа реформирования и финансового оздоровления промышленных предприятий предусматривала *несколько механизмов реформирования предприятий.*

Один из них — это непосредственная разработка и реализации планов реформирования и финансового оздоровления предприятий области нашими консультантами. После создания АРИФОПП организационную поддержку и координацию про-

цесса уже взяло на себя данное агентство. Находясь в регионе, проще поддерживать контакты с директорами предприятий и определять тех, кто наиболее заинтересован в освоении новых способов работы и готов ради перспектив дальнейшего развития испытать на себе достаточно рискованный и болезненный процесс реформирования. Ведь, как я уже говорил, без интереса и деятельного участия руководства и ключевых специалистов предприятия даже самые лучшие консультанты ничего не «отреформируют», а породят лишь эффект «сопротивления изменениям».

Логика процессного консультирования, о котором я также упоминал, состоит в *отказе консультантов от «демиургической» позиции в пользу сотрудничества с клиентом, в организации совместного с менеджментом предприятия процесса постановки и решения проблем*. Для этого в ходе диагностики проблем предприятия проводятся интервью и совещания, причем разработкой проектов, направленных на решение выявленных проблем, занимаются специально созданные проектные группы. Комплексы идей и мер, сформированных в ходе подобной работы, и становились основаниями принимаемых предприятиями планов реформирования.

Другим механизмом реформирования предприятий промышленного комплекса Липецкой области стала разработка и реализация нескольких *программ целевой подготовки и переподготовки менеджеров и специалистов предприятий*, в ходе которых им передавались технологии и опыт реформирования. Подобные программы обучения были интересны не только специалистам тех предприятий, которые хотели научиться разрабатывать планы реформирования и финансового оздоровления сами, но и тех, для которых подобные планы были разработаны нашими консультантами или такая работа была намечена. Ведь *разработка планов реформирования осуществляется под руководством консультантов, но при непосредственном участии менеджеров и специалистов предприятий, которые должны понимать суть технологии реформирования. А в реализации этих планов центр тяжести приходится уже на работников предприятия — консультанты лишь «сопровождают» воплощение плана в жизнь*.

Сходная ситуация имеет место и при разработке/реализации территориальных программ. После того, как нашими консультантами были разработаны Программа реформирования и финансового оздоровления промышленных предприятий Липецкой области и первые две из пакета обеспечивавших ее реализацию муниципальных программ (для города Елец и Усманского района), Администрация Липецкой области заказала нам разработку и реализацию программы целевой подготовки и переподготовки муниципальных служащих. В ходе её осуществления им передавались технологии и опыт разработки и реализации программ развития промышленных комплексов территорий.

Еще одна функция подобной программы — сдвинуть сознание муниципальных служащих, открыть для них новое видение, позволяющее приступить к нововведениям и обновлению жизни своего города или района. Возможно, сами заказчики и участники программ осознают это в другом языке, но суть именно в создании условий для развития и обновления. Следующий логический шаг — стратегическое планирование, обсуждение перспектив развития территории, условий и возможностей реализации разных сценариев развития муниципальных образований и региона в целом.

В.Р. А как относятся к описанным тобой действиям по реформированию предприятий, по реализации промышленной политики на территориях федеральные власти? Оказывают ли они поддержку региональным властям и органам местного самоуправления?

В.М. Да, конечно. Наш опыт разработки и реализации программ развития промышленных комплексов территорий получил одобрение и рекомендован к распространению на *Конференции «Увеличение валового регионального продукта (ВРП) субъектов российской Федерации: проблемы, пути и опыт решения»*, проведенной 17 ноября 2004 г. в Совете Федерации Федерального Собрания Российской Федерации¹⁶. Там же 21 апреля 2005 г. состоялся *Круглый стол «Инновационное развитие регионов»*¹⁷.

Но Совет Федерации — это орган *законодательной власти*, верхняя палата Парламента, которая может лишь что-то порекомендовать или внести законопроект, рассмотрение которого начнется с нижней палаты — Государственной Думы. А вот фе-

деральные органы *исполнительной власти* вплоть до самого последнего времени не особенно интересовались промышленной политикой. Лишь недавно в Министерстве промышленности и энергетики РФ разработали ряд стратегий развития отраслей промышленности и заговорили об их региональных аспектах. Однако именно в силу отраслевого характера этих стратегий Минпромэнерго России пока не готово рассматривать вопросы федеральной поддержки программ развития промышленных комплексов территорий – его больше интересуют региональные программы развития профильных отраслей. То же самое можно сказать и о Министерстве сельского хозяйства РФ.

Единственным федеральным органом исполнительной власти, выстроившим реальную систему федеральной поддержки реализации комплексных программ регионального развития, является Министерство экономического развития и торговли РФ (МЭРТ). Некоторые стратегически значимые (Калининградская область, Сахалин и Курильские острова) и «привилегированные» регионы (Татарстан, Башкортостан) поддерживаются через систему *федеральных целевых программ (ФЦП)*. Свои ФЦП имеют и некоторые макрорегионы (Юг России, Дальний Восток и Забайкалье). Специальная ФЦП «Сокращение различий в социально-экономическом развитии регионов Российской Федерации (2002–2010 гг. и до 2015 г.)» направлена на повышение темпов развития регионов с развитием ниже среднероссийского уровня. Такие регионы разрабатывают свои собственные *программы социально-экономического развития* на основе *типового макета*, разработанного МЭРТ¹⁸. Соответствие региональных программ типовому макету проверяется при прохождении *процедуры регистрации этих программ в МЭРТ*, что дает регионам право претендовать на финансовую поддержку из средств федерального бюджета, выделяемых в рамках ФЦП «Сокращение различий...». Тем самым выстраивается *институциональная связка «программы социально-экономического развития регионов – ФЦП»*.

В.Р. Но ведь такая цель, как «сокращение различий в социально-экономическом развитии регионов», направлена больше на поддержку бедных и отстающих, чем на стимулирование развития...

В.М. Совершенно верно! *Возникает противоречие с самой идеей программно-целевого метода управления*, которая четко зафиксирована и в Типовом макете, и в утвержденных Правительством РФ требованиях к разработке ФЦП¹⁹: *программа должна решать одну или несколько значимых народнохозяйственных проблем, сдерживающих развитие региона или отрасли; эти проблемы нужно выявить и специально обосновать, что для их решения требуется программный метод.* Это, в частности, означает, что они не могут быть решены в рамках текущего бюджетного финансирования. Однако на практике диагностика проблем и обоснование необходимости их решения программным методом зачастую сводится к простой формальности, и *все «развитие» ограничивается латанием дыр в региональных бюджетах с помощью федеральных средств.* Понятно, что такая практика выгодна регионам с большим бюджетным дефицитом и является совершенно дестимулирующей для «продвинутых» регионов-доноров, которые вынуждены все больше отдавать федеральному центру, перераспределяющему их доходы отстающим во имя «сокращения различий».

На этот парадокс обратило внимание Министерство регионального развития РФ, предложившее *сделать базовым документом не программу, а стратегию социально-экономического развития региона.* Причем стратегии предлагалось разрабатывать в первую очередь не отстающим, а наиболее продвинутым регионам, и именно тех, кто вносит наибольший вклад в реализацию целей федерального Правительства, в наибольшей степени поддерживать средствами федерального бюджета. В этом заключалась суть предложенного Минрегионом «*принципа поляризованного развития» регионов России*²⁰ — в противовес принятой ранее линии на «выравнивание уровня развития» регионов и «сокращения различий» между ними.

Заодно был наведен минимальный порядок и в системе управленческих документов. Раньше программа социально-экономического развития региона могла быть рассчитана и на три года, и на восемь, и даже на пятнадцать лет. Теперь же долгосрочный документ стратегического характера, разрабатываемый на 15–25 лет, стал называться Стратегией, а среднесрочный документ тактического характера, разрабатываемый на 3–

5 лет, — Программой. В рамках Программы стратегические цели и направления детализировались на среднесрочный период, детализировался план мероприятий, источники ресурсов и т.д.

Министерство регионального развития РФ, с которым мы тесно сотрудничаем практически с момента его создания в сентябре 2004 г., приложило большие усилия в плане стимулирования разработки *стратегий развития регионов*²¹. Легализации региональных стратегий в качестве документов, принимаемых во внимание на федеральном уровне, поспособствовал и МЭРТ, включивший стратегию развития региона в список обязательных документов, подаваемых регионом при участии в конкурсе на создание особой экономической зоны. Более того, в специальной пояснительной записке необходимо обосновать вклад создаваемой зоны в реализацию стратегических целей. Именно такой пакет документов — *Стратегию развития региона и стратегическое обоснование создания особой экономической зоны* — нам пришлось подготовить в сентябре 2005 г. для Администрации Липецкой области. Стратегические цели, разумеется, должны были браться не с потолка, а из Стратегии, которую мы разработали совместно с Международным Центром Развития Регионов. А в декабре 2005 — мае 2006 г. нами была разработана *Стратегия развития Краснодарского края до 2020 г.*. В марте 2007 г. получен аналогичный заказ от Администрации Алтайского края...

В последнее время на федеральном уровне были предприняты серьезные попытки выработать консолидированное понимание *Стратегии регионального развития России в целом* и места в ее формировании и реализации разрабатываемых стратегий развития отдельных регионов. 2 февраля 2007 г. ЗАО «КГ «РОЭЛ Консалтинг» совместно с Советом Федерации, Министерством регионального развития РФ и Центром стратегических разработок «Северо-Запад» организовали и провели *Всероссийскую конференцию «Стратегия регионального развития России»*.

Дело не ограничилось одной лишь конференцией: в рамках подготовки к этому мероприятию состоялся ряд круглых столов с участием представителей федеральных и региональных органов власти, общественных организаций и ведущих экспертов. Наша компания совместно с Министерством регио-

нального развития РФ подготовила и 22 декабря 2006 г. провела *круглый стол по теме «Эффективная промышленная политика — основной элемент регионального развития»*²². Одна из задач этой работы заключалась в том, чтобы обеспечить на федеральном уровне необходимую поддержку тех механизмов развития промышленных комплексов регионов, об опыте реализации которых я Вам сегодня рассказал. На пути продвижения к решению этой задачи уже наметилось взаимопонимание с Министерством промышленности и энергетики: в частности, признана необходимость проработки темы *соотношения отраслевых и региональных аспектов промышленной политики*.

Но это уже, пожалуй, тема для следующей нашей беседы. А сейчас давайте попробуем подвести итоги этого разговора: что же нового привносит консалтинг в социальное проектирование?

В.Р. На мой взгляд, **все это и есть вариант современного социального проектирования**. Причем оно вовсе не должно останавливаться на реализации одного или серии социальных проектов. Современное социальное проектирование скорее должно инициировать множество процессов и нововведений, способствовать созданию новой социальной среды, в конечном счете выступить катализатором и пусковым механизмом формирования новых социальных организмов. Может быть, правда, я слишком много хочу от социального проектирования?

Теперь другой вопрос. Нельзя ли *рассматривать консалтинг как институциональный механизм становления новых социальных и хозяйственно-экономических отношений*? Может быть, без этого института такое становление сегодня вообще не идет? Не методология социальных нововведений, а именно консалтинг, оснащенный методологией? И следующий вопрос: сложился ли в России этот институт или речь идет об отдельных прорывах в этой области? С одной стороны, в настоящее время консалтинговые фирмы растут как грибы после дождя, с другой — уровень их компетенции часто очень низкий.

В.М. Да, с квалификацией консультантов действительно иногда возникают проблемы. Конечно, рынок производит некоторый «естественный отбор», и консультанты, не обладающие достаточным профессионализмом, в конце концов остаются без заказов. Однако *заказчик не всегда способен оценить*

реальную квалификацию консультанта, особенно если второй пытается всячески угодить первому, создать иллюзию совместной работы, позитивных изменений и т.д., употребляя при этом разные модные слова: «коучинг», «личностный рост», «командообразование» и т.п. Кроме того, на смену лишившимся заказов и вытесненным с рынка неквалифицированным консультантам постоянно появляются новые искатели легкого заработка... Все это, как принято выражаться, «портит поле», и единственным реальным, хотя и требующим длительных усилий способом борьбы за «чистоту рядов» является институционализация сообщества консультантов²³.

Под институционализацией сообщества здесь понимается прежде всего создание профессиональных ассоциаций и союзов, формулирующих и поддерживающих *систему норм и правил добросовестного поведения на рынке, включая следующее: 1) отношения консультантов с клиентами; 2) их отношения между собой; 3) принципы социально ответственного поведения консультантов.* Так, в 1996 г. я участвовал в разработке Профессионального кодекса консультантов по управлению, который как раз содержал эти три раздела. Данный Кодекс был в 1997 г. принят Ассоциацией консультантов по управлению и организационному развитию как документ, положения которого обязуются соблюдать все члены Ассоциации.

В.Р. А как процесс институционализации сообщества консультантов влияет на их клиентов?

В.М. Отличный вопрос! Корпус консультантов не только институционализируется сам, но и оказывает влияние на процессы институционализации тех сообществ, на которые направлена его профессиональная деятельность. В частности, предметом интереса нашего коллеги, известного российского методолога Б.В. Сазонова, стало *консультационное сообщество как институциональный механизм развития организации²⁴.*

«Организация как особая сущность, — пишет Б.В. Сазонов, — является порождением новейшего времени, точнее, порождением XX в. и его знаменем. Предшествующее время знало торговые лавочки и фабрики, государственные учреждения и присутственные места, суды и армейские казармы. *Должна была появиться особая деятельность, которая стала бы рассма-*

тривать и, что очень важно, конструировать и развивать все это разнообразие под одним углом зрения, в качестве одного и того же. Несколько модернизируя, назовем эту деятельность консультационной, хотя долгое время она проходила под именем теории организации»²⁵.

Далее Б.В. Сазонов акцентирует внимание на *естественно-искусственном характере организации*: «Таким образом, — продолжает он, — организация стала специфическим искусственно-естественным, может быть, даже больше — естественно-искусственным общественным образованием. Нет возражений против того, чтобы считать ее искусственным «существом», которое создано ради определенных, внешних для организации и внутренних для ее творцов целей. Она искусственна в способе существования, поскольку управляема в своем функционировании и развитии определенным слоем лиц, который постоянно отслеживает те цели, ради которых она создана. Но при всем том она естественна, поскольку имеет собственные законы развития и способна на сопротивление управленческим воздействиям»²⁶. По сути, естественно-искусственный характер организации как института означает запрет на «демиургическую позицию», или «чисто искусственное» отношение к ней как консультантов, так и управленцев. В противном случае возникает «сопротивление управленческим воздействиям» — то есть тот эффект сопротивления изменениям, о котором говорилось выше.

В.Р. Да, по отношению к институциональному развитию организации данный механизм понятен и достаточно изучен. А возможно ли что-то подобное в других областях практики?

В.М. Да, безусловно. Подобный *институциональный механизм развития через взаимодействие с сообществом консультантов, экспертов и прикладных исследователей* характерен не только для организаций, но и для других социальных образований. В частности, в середине XX в. при переходе к «обществу потребления» он был реализован для развития рынка промышленных товаров (схема «промышленные исследования — промышленный маркетинг, формирующий новые потребности, — разработка новых образцов продукции — расширение рынка» и далее — новый цикл инноваций). Когда на рынке труда стала востребована частая смена профессий и квалификаций, сходная схема

была реализована за счет связки социальных исследований и инновационно организованной педагогики²⁷. По мнению Б.В.Сазонова, подобные схемы, включающие исследования и разработки, приводящие к формированию новых потребностей, вообще являются проявлением инновационного способа жизни на конкурентном рынке²⁸.

В.Р. Но если деятельность прикладного исследователя или консультанта ведет к формированию новых социальных потребностей, его в определенном смысле можно рассматривать и как социального проектировщика?

В.М. В определенном смысле, конечно, да, поскольку *последствиями* деятельности прикладного исследователя или консультанта являются в том числе и *социальные изменения*. Но вот в чем вопрос: вправе ли мы квалифицировать эти социальные изменения в качестве результата сознательной и целенаправленной деятельности проектирования как решения именно *социальных задач*? Ведь только тогда мы можем говорить о *социальном проектировании в строгом смысле слова*. Во всех остальных случаях мы имеем дело с проектированием каких-то других вещей, по отношению к которому социальные изменения являются *вспомогательным или даже побочным продуктом, возникающим вследствие социального характера существования проектируемых вещей*.

В.Р. Но ведь как только мы принимаем во внимание социальный характер существования проектируемых вещей, мы тем самым начинаем ставить и решать социальные задачи! Разве не социальную задачу вы решаете, когда поднимаете лежащее «на боку» убыточное предприятие?

В.М. В строгом смысле слова — нет. Работая с предприятием, мы рассматриваем его как живущее по законам финансово-экономической и организационно-управленческой действительностей. И, мысленно помещая предприятие в эти две действительности, мы и задачи ставим именно в них. Конечно, в широком смысле эти задачи тоже социальные — так же, как и задачи промышленного маркетинга, проектирующего и продвигающего новые товары. Но — если возвращаться к приведенным ранее примерам — задачи формирования стратегии развития региона или новых профессий на рынке труда социальны в

ином, более точном и конкретном смысле. *И мы не должны терять различительность этих двух типов проектирования: того, которое является социальным «по сопричастности», и социального проектирования в собственном смысле слова.*

В.Р. Да, согласен, иначе практически любое проектирование окажется социальным или все будет зависеть от точки зрения, от трактовки процесса проектирования. Так, на проектирование центров общественного обслуживания населения, о котором я рассказывал, можно смотреть с точки зрения традиционного архитектурного проектирования. Социальным проектированием это становится только тогда, когда рассматривается с позиции удовлетворения общественных потребностей, организации общения горожан и других социальных процессов. Когда одного известного дизайнера, создававшего прекрасные люстры, спросили, в чем секрет его успеха, он ответил: «Я проектирую не люстры и даже не освещение, а процесс общения между людьми» (кстати, это один из излюбленных примеров моего учителя Г.П. Щедровицкого).

В.М. С помощью этого примера можно внести в понятие социального проектирования еще один уточняющий момент: оно должно быть связано не просто с решением *социальной задачи* (в этом случае нам всегда будет трудно определить, было ли это исходной целью или побочным результатом), но еще и с постановкой *социальной проблемы*. Попробую продемонстрировать это различие.

Мы с Вами уже упоминали задачу формирования новых профессий на рынке труда при участии социальных исследователей. Вот, например, П.Г.Щедровицкий показывает необходимость появления совершенно новых специалистов — «аналитиков ресурсов», обеспечивающих воспроизводство предпринимательской деятельности²⁹. Подобная инновация появляется за счет того, что понятия рынка и предпринимательской деятельности перестраиваются под углом зрения представлений о «новой экономике» как основанной на производстве, распространении, усвоении и применении (употреблении) знаний.

Проектируя «аналитиков ресурсов», П.Г.Щедровицкий, безусловно, решает социальную *задачу*, но гораздо более интересный результат получается тогда, когда он переходит к постановке *про-*

блемы освоения опыта интенсивного социально-экономического развития в *ситуации смены моделей развития (типа развития) и формирования не только «новой экономики» (или новой организации сферы хозяйства), но и новой социокультурной организации*. Это позволяет ему выйти на социокультурное рассмотрение современных предпринимательских стратегий и предложить гораздо более общую и масштабную гипотезу — о грядущем пришествии «популяции интерлокеров»: «Мы уверены, — пишет он, — что на рубеже XXI столетия складывается популяция интерлокеров: стратегических посредников между различными типами знаний и типами (сферами) деятельности. Именно интерлокеры отвечают за распространение и усвоение знаний, за формирование локальных синтезов (пакетов) знаний, определяющих характер локальных действий. Упомянутые выше аналитики ресурсов должны (могут) рассматриваться как одна из специализаций интерлокеров, вырабатывающая знания-рамки для предпринимательской деятельности и предпринимательских проектов»³⁰.

В.Р. Да, это интересно. Ход, связанный с постановкой социальной проблемы, демонстрирует и С.В. Попов, когда трактует свою консалтинговую деятельность как «интеллектуальное продюсирование»³¹. *Продюсирование* как тип деятельности возможно в любой сфере (от шоу-бизнеса до стратегического управления), в которой профессионалы по отдельности не могут решить определенную проблему, выходящую за рамки их квалификации. *Интеллектуальное продюсирование* существенно сложнее, поскольку возникает в ситуации, когда даже сама эта неразрешимая для отдельных профессионалов проблема по началу неизвестна, поскольку нет таких интеллектуальных средств, которыми ее можно было бы помыслить. «Существующие знания не отвечали на этот вопрос, опыта такого не существовало, консультанты были бесполезны, соответствующих понятий не было, — так характеризует подобную ситуацию С.В. Попов. — Трудно было даже помыслить такое. Это и есть *интеллектуальная ситуация*, с этого и начинается интеллектуальное продюсирование»³².

В.М. Как и традиционный консалтинг, интеллектуальное продюсирование начинается с постановки проблем. Однако если для первого постановка проблем — это диагностика их на-

личия в рамках известного круга проблем (как врач при постановке диагноза опознает у пациента одну из уже известных болезней), то второе исходит из того, что *суть проблемы принципиально неизвестна, она может выходить за пределы не только нашего опыта решения проблем, но и теоретических представлений о возможных проблемах*: «Интеллектуальное продюсирование — это не теория, которая дает правильный ответ, решает какие-то проблемы. Это формирование качественно новой ситуации в определенной сфере за счет организации интеллектуальной деятельности людей»³³.

В.Р. А разве традиционный консалтинг не осуществляет «формирование качественно новой ситуации в определенной сфере за счет организации интеллектуальной деятельности людей»?

В.М. Осуществляет, но в контексте контракта с заказчиком на постановку и решение проблем как раз в рамках известного круга. И организация интеллектуальной деятельности людей, осуществляемая консультантами, имеет *единый центр управления*, все принципиальные шаги по изменению ситуации согласовываются с заказчиком. Ситуация же, с которой работает интеллектуальное продюсирование, всегда имеет *несколько центров управления, которые могут даже бороться между собой за то, чтобы организовать интеллектуальную деятельность людей на основе собственных представлений о ситуации, о характере проблем, о том, в каком направлении нужно двигаться и какими средствами решать эти проблемы*. «Это сложное взаимодействие разных социальных структур, игроков различных сфер, борьба разных интеллектуальных средств, — поясняет С.В. Попов. — Результат этой борьбы заранее предсказать сложно, но это позволяет нам формировать такие представления, которые оказываются на порядок мощнее всех существующих и постепенно поглощают остальные»³⁴.

В.Р. А разве не с подобным типом ситуаций вы сталкиваетесь, осуществляя консультирование по проблемам регионального развития?

В.М. Да, безусловно. В отличие от консультирования предприятий, где предполагается единый центр управления, проблемы регионального развития приходится ставить и решать в ситуациях, где потенциальных центров управления или, как мы

их называем, стратегических субъектов, по меньшей мере несколько. Помимо региональной администрации, свою позицию по поводу проблем развития региона могут иметь крупнейшие бизнес-субъекты (у них, как правило, есть и собственные стратегии), предпринимательские ассоциации, профсоюзы, научные и профессиональные сообщества, иные общественные институты, объединяемые термином «гражданское общество». *И необходимо создавать площадки коммуникации, чтобы от ситуации борьбы разных игроков (как это описывает С.В. Попов) переходить к согласованию их интересов и определению набора стратегических направлений развития, в рамках которых каждый из стратегических субъектов мог бы реализовать свои цели.* Впрочем, сходная ситуация может возникать и в крупных корпорациях, где есть коллектив сотрудников, менеджмент и собственники (акционеры).

Именно поэтому, анализируя работы Б.В. Сазонова, я акцентировал внимание на естественно-искусственном характере организации как института и принципе запрета на «чисто искусственное» отношение к ней как консультантов, так и управленцев. Если мы признаем в организации наличие нескольких самостоятельных позиций (в данном случае коллектива сотрудников, менеджмента и собственников), то это фактически означает необходимость признания наличия нескольких центров управления. Собственники не должны вмешиваться в оперативное управление, делегируя необходимые полномочия менеджменту, а тот, в свою очередь, должен включать в процесс выработки решений сотрудников, учитывать сложившуюся в компании корпоративную культуру. Если же кто-то попытается занять «демиургическую позицию», возникает «сопротивление управленческим воздействиям», о котором говорилось выше.

В.Р. Мне кажется, что на подобный тип ситуаций ориентирована и *антропологическая модель специалиста по развивающему (преобразующему) консалтингу*, предложенная Ю.В. Громыко: «Основная идея преобразующего консалтинга, — пишет он в своей недавно вышедшей книге, — состоит в том, что специалист по консалтингу в этом случае не является советчиком — консультантом сотрудников фирмы, хотя, возможно, он может

давать достаточно много советов. Не является он и универсальным решателем проблем. Специалист по преобразующему консалтингу является профессионалом при осуществлении в данной конкретной организации работ по обеспечению развития, изменения, преобразования данной организации... Развитие для нас характеризует такой тип преобразования, когда создаваемый образец деятельности предприятия или фирмы определяет выход за освоенную границу образцов деятельности фирм, с одной стороны, и опирается на естественно складывающиеся тенденции развития деятельности в данной области — с другой»³⁵.

Не правда ли, принципы, на которых Ю.В.Громыко предлагает строить преобразующий консалтинг, сходны с теми, которые выделяют Б.В. Сазонов (при анализе организации как института) и С.В. Попов (при обсуждении интеллектуального продюсирования)?

В.М. Да, сходство есть: и в том, что консультант не является ни советчиком, ни универсальным решателем проблем, а выступает профессионалом в области организации работ по обеспечению развития, и в том, что в результате такого развития создаваемый образец деятельности определяет выход за освоенную границу уже существующих образцов. Однако есть и принципиальные отличия. В плане представлений, на которые опирается консультант, С.В.Попов делает акцент на борьбе разных интеллектуальных средств, результат которой заранее предсказать сложно. Лишь участие в такой борьбе, которая не является чисто интеллектуальной — это также борьба разных социальных структур, игроков различных сфер, позволяет формировать такие представления, которые оказываются на порядок мощнее всех существующих и постепенно поглощают остальные.

То есть, согласно С.В.Попову, изначально интеллектуальные средства игроков, между которыми идет борьба, не имеют общего основания, и лишь в конечном счете они могут быть поглощены (сняты) представлениями игрока, оказавшегося наиболее мощным.

Ю.В.Громыко же, напротив, априорно полагает, что организация коммуникации и взаимодействия всех игроков может строиться на основе мыследеятельностных представлений:

«Мыследеятельность преобразующего консалтинга предполагает, что коллектив, который его проводит, способен разработать представление о ближайшем шаге развития данной конкретной профессиональной практики. Это означает, что коллектив способен вообразить или понять («увидеть»), как может перспективно строиться практика в данной области»³⁶.

В.Р. Постой, ведь раз речь идет о едином коллективе, действующем на основе мыследеятельностных представлений, мы вновь возвращаемся к демиургической позиции...

В.М. Все нет! Мыследеятельностные представления допускают многопозиционность. Вот что Ю.В.Громыко пишет дальше: «Очень часто это перспективное видение основывается на формировании сценария взаимодействий нескольких сегодня никак не связанных групп позиций. Способность завязать эти позиции в единое целое и является условием формирования видения о следующем шаге преобразования практики. Важнейшая способность профессионала в области преобразующего консалтинга состоит в том, что он может на основе проспективной рефлексии и видения (понимания — воображения) создавать сценарии коммуникативных взаимодействий сегодня разрозненных групп позиций. Эти сценарии объединяют людей, взаимодействие которых может обеспечить получение значительно более сложного продукта, чем тот, который производится сегодня, или системы соотнесенных нескольких продуктов. Подобные сценарии фиксируются на специальных схемах»³⁷.

В.Р. Но различие между позициями, допускаемое Громыко, совсем иного качества, чем у Попова, у которого общее для всех позиций интеллектуальное основание появляется лишь тогда, когда в борьбе победит наиболее мощная из них. При этом изначально борющиеся игроки могут быть не настроены на сотрудничество. В этом принципиальное отличие ситуаций, с которыми работают интеллектуальный продюсер и специалист по преобразующему консалтингу. В последнем случае у нас изначально предполагаются общее интеллектуальное основание и ориентация на сотрудничество (коммуникацию, взаимодействие).

В.М. Полностью согласен. Если у Попова допускается борьба с присущим ей подлинным *драматизмом*, то Громыко говорит о *драматургии* в рамках сценариев, предложенных консуль-

тантом. По сути, заранее обладая объемлющими представлениями (такова презумпция Громыко), консультант может *сценарировать и далее режиссировать* ход борьбы и направлять его в русло рациональной коммуникации и организации взаимодействия: «В слое коммуникации специалисты по преобразующему консалтингу должны быть способны построить на основе созданных сценариев своеобразную драматургию — обращение ко всем участникам ситуации таким образом, чтобы участникам захотелось разыграть предложенный им сценарий. Сценарий в слое коммуникации определяет формы обращения и способы взаимодействия. В слое мыследействия участники разыгрываемого сценария должны построить новую предметность своей работы, то есть определить новые цели, новые формы организации взаимодействия, новые схемы участия в работе»³⁸.

В.Р. Если вернуться к вопросу, с которого мы начали беседу — о соотношении консалтинга и социального проектирования, — то можно предположить, что позиция специалиста по преобразующему консалтингу как сценариста-режиссера в рассмотренном нами смысле близка к позиции социального проектировщика. А вот в случае интеллектуального продюсирования вряд ли можно говорить о социальном проектировании. По своему характеру эта деятельность ближе к политической. И вопрос о роли консультанта, о рамках его работы должен обсуждаться как-то иначе.

В.М. Согласен. Можно обсудить этот вопрос в следующий раз.

Примечания

- ¹ Так, господствовавшая в 70–80-е гг. XX в. в СССР микрорайонная концепция организации городской жизнедеятельности была фактически заимствована у западноевропейских урбанистов, прежде всего у британских, и восходя к традиции городов-садов Говарда и еще далее — к идиллии сельских поселений в урбанизированной стране, какой была Великобритания. Социальная суть ее сводится к тому, что основным системообразующим фактором городского жизнеустройства является соседская или, в трактовке англичан, церковно-приходская община. Ее цементируют личные связи, общность бытовых, семейных и духовных интересов. Важным вопросом при этом был оптимальный размер такой

- соседской общины: она должна быть достаточно большой, чтобы обеспечить развитую сеть личных контактов, и достаточно компактной, чтобы связи жителей действительно были личными и не возникал феномен анонимности, присущий большим городам. Несмотря на то, что для отечественных идеологов, исповедовавших марксизм и выдвигавших на первый план трудовую деятельность и связи, образованные в процессах труда, такое заимствование представляется достаточно странным, из него вытекали вполне определенные следствия для градостроительного проектирования – в частности, трехуровневая система общественного обслуживания (центр микрорайона – центр жилого района – центр города) и соответствующий нормативный инструментарий для ее реализации (см.: *Сазонов Б.В.* Место и характер социальных исследований при разработке концепций социально-экономического развития города // Государственное регулирование экономики и социальные проблемы модернизации. Ч. II. М., 1997. С. 307–311).
- 2 См.: Этюды по социальной инженерии: От утопии к организации /Под ред. В.М.Розина. М., 2002.
- 3 См.: *Попов С.В.* Методологически организованная общественная экспертиза как способ инициации общественных изменений // Этюды по социальной инженерии. С. 75. Журнальный вариант данной работы опубликован в альманахе «Кентавр». 23. 2000. – <http://old.circle.ru/kentavr/TEXTS/023PP1.ZIP>.
- 4 Текст ПУЭ приводится в работе: *Марача В.Г., Матюхин А.А.* Экспертиза как «институт общественных изменений» // Этюды по социальной инженерии. С. 123–125. Журнальный вариант данной работы: Кентавр. 23. 2000. – <http://old.circle.ru/kentavr/TEXTS/023MMA.ZIP>.
- 5 См.: Там же. С. 126–131.
- 6 Осмысление опыта методологически организованных экспертиз и перспективы создания «института общественных изменений» проводится в контексте разворачивания методологии институционального подхода, или «методологического институционализма», основанного на переосмыслении и модернизации соответствующих понятий правоведения и социологии. См.: там же. С. 113–123; см. также: *Марача В.Г.* Исследование мышления в ММК и самоорганизация методолога: семиотические и институциональные предпосылки // Кентавр. 18. 1997. – <http://old.circle.ru/kentavr/TEXTS/018MAR.ZIP>; *Марача В.Г.* Структура и развитие науки с точки зрения методологического институционализма // Методология науки: проблемы и история. М., 2003. Журнальный вариант данной работы: Кентавр. 33. 2004. – <http://v2.circle.ru/kentavr/n/33/2/text>.
- 7 *Платон.* Законы // *Платон.* Собр. соч.: В 4 т. Т. 4. М., 1994. С. 198.
- 8 *Фуко М.* Воля к истине. По ту сторону знания, власти и сексуальности. М., 1996. С. 441.
- 9 Подобной установке, предполагающей выход в «демиургическую» позицию по отношению к обществу, соответствует *предельный тип рациональности*, который можно соотнести с философским *трансцендентализмом*.

Этот тип рациональности «основан на выделении сущности мира и его результатом является знание о мире и его законах. К этому типу относятся способы создания философских и метафизических систем, способы появления и существования науки, вообще — исследовательские типы мышления. Для формирования рационального отношения этого типа обязательным условием является *наличие онтологии* (картины мира, учения о бытии), которая и определяет критерии рациональности» (См.: Дело о Байкале: 1-я междунар. обществ. эколог. экспертиза «Байкал». 15–31 окт. 1988 г. Публикация материалов. Иркутск, 2000. С. 8).

Иной подход был намечен в ходе описанных выше методологически организованных общественных экспертиз. Здесь уже непропорционален тезис о том, что социальная жизнь — лишь пассивный объект приложения усилий некоего демиурга. Экспертиза направлена на инициацию общественных изменений путем формирования их субъектов в самой экспертируемой области, представителям которой по сути предлагается провести «самоэкспертизу». Методологическая организация не навязывает «местным» экспертам ни пути, ни направления общественных изменений, предлагая *лишь процедуры и принципы обсуждения этих путей и направлений* — то, что было названо «институтом общественных изменений». Соответствующий тип рационального отношения создатель конструкции методологической экспертизы С.В. Попов назвал *институциональным*. Этот тип рациональности, в отличие от трансцендентального, «основан на признании принципа многих знаний и в пределе — невозможности единой картины мира. Но это означает, что рациональное отношение формируется не к миру, а к конкретной ситуации. И рациональность определяется не знанием о сущности мира, а процедурами формирования отношения — их регулярностью и «правильным» выполнением... Результат осуществления институциональных процедур — решение, как действовать в конкретной ситуации» (См. указ. соч. С. 8–9).

¹⁰ См., например: *Тренив В.Н., Ириков В.А., Ильдеменов С.В., Леонтьев С.В., Балашов В.Г.* Реформирование и реструктуризация предприятия. Методика и опыт. М., 1998; 2-е изд. М., 2001; *Леонтьев С.В., Масютин С.А., Тренив В.Н.* Стратегии успеха. Обобщение опыта реформирования российских промышленных предприятий. М., 2000; *Балашов В.Г., Ириков В.А., Токарев В.Д.* Опыт реформирования: четырехкратный рост и техперевооружение. М., 2002; *Балашов В.Г., Ириков В.А.* Технологии повышения финансового результата предприятий и корпораций. М., 2002.

¹¹ Ср. с известным тезисом Прудона о том, что «собственность есть кража» (*Прудон П.Ж.* Что такое собственность? М., 1998).

¹² При номинальной занятости работник числится на предприятии, но при этом фактически не работает. Продукция, ради которой он был в свое время принят на работу, не выпускается (либо выполняются эпизодические заказы), поэтому работник, как правило, задействован лишь частично на каких-то вспомогательных операциях, ремонтных работах и т.д. При этом он получает «символическую» зарплату или вовсе числится в адми-

- нистративном отпуске. В лучшем случае в это время он подрабатывает где-нибудь на стороне, в худшем – пополняет ряды «скрытых» безработных (на бирже труда он не регистрируется, да и не может этого сделать, поскольку формально по-прежнему является сотрудником предприятия).
- ¹³ См., например: Управленческое консультирование: В 2 т. 2-е изд. (перераб.) /Под ред. М.Кубра; Пер. с англ. М., 1992.
 - ¹⁴ Подробнее см.: *Марача В.Г.* О подходах к анализу «корпоративной культуры» в рамках практики процессного консультирования // Консалтинг / Системное управление – проблемы и решения: Научно-практ. сб. Вып. 10 (1999 г.). Есть также расширенная и дополненная версия данной работы: *Марача В.Г.* Корпоративная культура в процессах консультирования инноваций // Социальные трансформации в России: процессы и субъекты: Сб. тр. /Под ред. Б.В.Сазонова. М., 2002.
 - ¹⁵ См.: *Балашов В.Г., Ириков В.А., Ларин В.Я.* Механизмы, обеспечивающие удвоение темпов экономического роста регионов. М., 2004; Сборник материалов Круглого стола «Инновационное развитие регионов», проведенного Советом Федерации Федерального собрания РФ и КГ «РОЭЛ Консалтинг» – 21 апреля 2005 г. /Под ред.: П.С.Федирко, В.Н.Тренева, В.А.Ирикова, С.В.Седова. М., 2005.
 - ¹⁶ См. также: *Балашов В.Г., Ириков В.А., Ларин В.Я.* Указ. соч.
 - ¹⁷ См.: Сборник материалов Круглого стола «Инновационное развитие регионов».
 - ¹⁸ См.: Типовой макет программы экономического и социального развития субъекта Российской Федерации – Приложение 2 к приказу Минэкономразвития РФ от 17 июня 2002 г. № 170.
 - ¹⁹ См.: Порядок разработки и реализации федеральных целевых программ и межгосударственных целевых программ, в осуществлении которых участвует Российская Федерация – Утвержден Постановлением Правительства Российской Федерации от 26 июня 1995 г. № 594.
 - ²⁰ См.: Концепцию Стратегии социально-экономического развития регионов Российской Федерации, разработанную Министерством регионального развития Российской Федерации и одобренную на заседании Правительства Российской Федерации 30 июня 2005 г.
 - ²¹ 10 марта 2005 г. ЗАО «КГ «РОЭЛ Консалтинг» заключило *соглашение с Министерством регионального развития РФ о сотрудничестве в разработке и реализации программ и стратегий регионального развития*. С апреля 2005 г. специалисты компании принимают участие в деятельности рабочих групп Межведомственной комиссии по разработке стратегии социально-экономического развития регионов Российской Федерации, в разработке стандарта стратегии развития субъекта Российской Федерации и т.д.
 - ²² См.: Эффективная промышленная политика – основной элемент регионального развития. Материалы круглого стола 22 дек. 2006 г. М., 2007.
 - ²³ См.: *Марача В.Г.* Консультанты по управлению: на пути к профессиональной корпорации // Кентавр. 17. 1997. – <http://old.circle.ru/kentavr/TEXTS/017PRO.ZIP>.

- 24 См.: *Сазонов Б.В.* Организация как социальный институт. Смена парадигм // Социальные мышление и деятельность: влияние новых интеллектуальных технологий: Сб. тр. /Под ред. Б.В.Сазонова. М., 2004. С. 183–203. — <http://old.circle.ru/disclub/bvs001.zip>. См. также комментарии В.Марача к данной статье: <http://old.circle.ru/disclub/vgm001.zip>.
- 25 См.: *Сазонов Б.В.* Организация как социальный институт. Смена парадигм. С. 184–185.
- 26 См.: Там же. С. 192.
- 27 *Сазонов Б.В.* Смена парадигмы и инновационно организованная педагогика // Кентавр. 15. 1996. — <http://old.circle.ru/kentavr/TEXTS/015SAZ.ZIP>.
- 28 *Сазонов Б.В.* Вступительная статья к кн. Б.Санто «Инновация как средство экономического развития». М., 1990.
- 29 См.: *Щедровицкий П.Г.* Экономические формы организации хозяйства и современные предпринимательские стратегии // Кентавр. 9. 1993. — <http://old.circle.ru/kentavr/TEXTS/009PGS.ZIP>.
- 30 См.: там же.
- 31 Об истории возникновения интеллектуального продюсирования и связи его становления с методологией Московского методологического кружка см.: <http://www.mmass.ru/about/history>.
- 32 См.: <http://www.mmass.ru/ip/whatisip>.
- 33 См.: Там же.
- 34 См.: <http://www.mmass.ru/ip/whatisip>.
- 35 См.: *Громыко Ю.В.* ВЕК МЕТА: Современные деятельностные представления о социальной практике и общественном развитии. М., 2006. С. 389.
- 36 См.: Там же. С. 393.
- 37 См.: там же.
- 38 См.: там же. С. 393–394.

Социальная инженерия: Россия и Германия

1. Технократическое понимание социальной роли инженерии в современном обществе

1.1. Технический оптимизм инженеров конца XIX – начала XX столетий: осознание социальной роли инженерного сословия

«Век девятнадцатый, железный, воистину жестокий век!» Такими словами характеризует девятнадцатое столетие Александр Блок в поэме «Возмездие». Эргельмейер же начинает свою книгу «Технический итог XIX столетия» иными, полными надежды на дальнейшее техническое развитие словами: «Наш XIX технический век подходит к концу, век пара и электричества, век небывалого покорения сил природы»¹. В книге «Царство изобретений», изданной в Германии впервые в 1901 г., собраны все последние изобретения девятнадцатого столетия. Достаточно лишь перечислить основные рубрики, чтобы представить себе масштабы и сферы, в которых пылкий человеческий дух день за днем изобретает новое или переформирует старое с целью практического применения: изобретения в области измерения масштаба, веса и времени, господство над силами природы (моторы и электрические изобретения), изобретения в сфере жилищного строительства, изготовления одежды и продуктов питания, обработки различных материалов, транспортного строительства и химической промышленности и т.д. В предисловии к этой книге сказано: «Блестящий подъем, именно в последние двадцать лет, который привел к несравненной высоте все области промышленности, дает право сделать вывод об удивительном, изобилующем будущем. ...Это столетие выдвигает совершенно новые требования к образованию людей, чем это было до сих пор, недостаточно иметь поверхностные

знания...»². Многие изобретения имеют, конечно, свою историю и предысторию в прошлых веках, но они как бы заново переоткрываются и обосновываются полученными именно за последнее столетие практическими научными и техническими знаниями. Отсюда и интерес инженеров к истории техники, которая переоценивается с позиций достигнутых в девятнадцатом столетии высот. «Техника так быстро развивалась на исходе прошедшего столетия, а в настоящее время технический прогресс является настолько мощным, что тем, кто на него и на вас работают, почти не остается времени заглянуть в прошлое; они должны сконцентрировать все свои силы на том, чтобы шагать с ним в ногу; их усердное стремление к будущему не оставляет места для досуга, чтобы обратиться к прошедшему. Поэтому тем более радует, если среди нас находятся отдельные люди, которые находят для этого время и демонстрируют нам результаты своих исследований кратко, однако с научной основательностью и компетентным выбором»³.

Теодор Бек именно так, по-инженерному основательно, но в историческом ракурсе передает технически образованной публике свои очерки развития машиностроения от Герона и Паппа Александрийского через великого Леонардо да Винчи до открытия паровой машины Джемсом Уаттом, определившего направление технического развития всего девятнадцатого столетия, которое по праву стало его главным символом. Мастерски выполненные Бекем чертежи древних машин и механизмов были уже не зарисовками художника, а четко выверенными эскизными проектами научнообразованного инженера. Именно это требовалось прочно вставшему на ноги в девятнадцатом столетии новому инженерному сословию: инженерия должна включать в себя историю самой техники, историю отдельных промышленных предприятий и биографии знаменитых инженеров. Таким образом, как философия техники, так и история техники выполняли вполне определенный социальный заказ повсеместно образующихся в разных странах инженерных обществ и нарождающегося высшего инженерного образования. Книга Бека выходит при содействии тогдашнего председателя Союза германских инженеров профессора Ридлера.

Алоиз Ридлер — крупный немецкий инженер, как его характеризует Энгельмейер, «столп машиностроения», возглавлял лабораторию научного испытания автомобилей, был во главе Берлинского политехникума. Остановимся на двух его работах, в которых излагаются его взгляды на техническое образование и в связи с этим рассматриваются более общие вопросы, вплотную примыкающие к проблемам философии техники: «Германские высшие учебные заведения и запросы двадцатого столетия» и «Цели высших технических школ», опубликованные на рубеже XX в. Точку зрения Ридлера Энгельмейер кратко сформулировал следующим образом: «инженеру надо преподавать в школе глубокую умственную культуру»⁴. К этой «умственной культуре» относится, по мысли Ридлера, и история техники. Он прежде всего подчеркивает глубокий исторический характер современной техники, хотя на нее часто и смотрят как на дитя нового времени: «ее история начинается с первыми культурными стремлениями человека и проходит через все культурное развитие, начиная от каменных орудий прародителей до новейших инженерных сооружений; она является крупной частью истории человеческой культуры и по своему значению и содержанию может померяться с историей любой науки»⁵. Ридлер подчеркивает чрезвычайную важность для технической деятельности не только специального, но и общего образования. «Инженерное искусство есть не только искусство научно и хозяйственно руководить работой, направленной к практическим целям, но в то же время и культурная задача; успешное решение ее зависит также от совместной работы многих; для руководства же последними нужны высокое нравственное влияние, непосредственный пример и знание людей. Как предварительные условия для успешной работы необходимы не только интеллектуальное и специальное образование, но еще в большей степени характер, нравственное достоинство и высокая степень общечеловеческого образования. В качестве развития недостаточно одного лишь понимания того, что деятельность инженера есть важнейшая культурная работа»⁶. Но инженеров нарождающегося двадцатого века интересовала не столько история отдельных областей техники, сколько целостное

представление об инженерной деятельности и ее руководящем месте в современном обществе и будущем развитии человеческой цивилизации.

По поводу вопроса «повышения социального престижа инженерной профессии» П.К.Энгельмейер делает много предложений. Он согласен с Ридлером в том, что в существовавшем до сих пор образовании на переднем плане находились «отражательные», а не «созидательные» аспекты и что пришло время такое положение изменить⁷. Он убедительно протестует против акцентирования внимания на мастерстве специалистов, которое особенно часто встречается у техников⁸, и указывает на то, что инженер часто недостаточно подготовлен к выполнению поставленных перед ним задач. Чтобы изменить это положение дел, прежде всего должно быть исследовано взаимодействие между техникой и социальными вопросами. Техники часто жалуются на то, что они не получают должного признания. Энгельмейер не присоединяется к этим причитаниям, а пытается анализировать, в чем могли бы заключаться причины такого положения дел и какие меры могут быть приняты для устранения этих недостатков. Он приходит к заключению, что техники отчасти сами виноваты в этих недостатках, и требует, чтобы при всей неизбежной специализации технических предметов все-таки проводился их обзор и синтез с целью нахождения и теоретического обоснования общего в этих различных дисциплинах⁹. ...Когда будет разработана общая картина техники и каждому инженеру станет ясным его место за пределами своей специальной дисциплины, можно будет приблизиться и к решению затронутых выше вопросов. Из этого следует требование усилить корпоративное сознание инженеров¹⁰, которое бы дало возможность инженеру развить такое отношение к своей специальной дисциплине, чтобы определить её место в общей системе техники, а на следующем этапе, наоборот, исходя из более высоких соображений, чем соображения специалиста, размышлять также о проблеме «техника и общество»¹¹.

Отмечая большое значение техники для развития естественных наук, Ридлер сетует, что все заслуги в современном культурном развитии обычно приписываются «теоретическим естественным наукам», а не технике. Роль же самой техники сво-

дится лишь к использованию «наличных естественно-исторических знаний», что неверно. Теоретические знания опережают прогресс в технике только в отдельных отраслях естествознания. Чаще «исполнительная техника» сама создает и использует основы научных знаний еще до того, как становится возможной их теоретическая формулировка. В качестве примера он приводит паровую машину, как исключительно «результат инженерного гения». Она была создана и усовершенствована инженерами задолго до создания теории теплоты. Кроме того, многие чисто научные отрасли (сопротивление материалов, теория упругости и т.д.) были созданы в основном усилиями инженеров. Ридлер резко возражает против трактовки результатов оценки техники как простого расширения первоначального опыта. Напротив, считает он, развитие техники требует неперемennого умственного труда как ученых, так и инженеров. В основе техники лежит «творческий разум». Причем умственная деятельность инженеров расширяет и сами естественные науки. И все же технику следует считать «не созидательницей науки, но ее мощной сотрудницей»¹². «В академических кругах технические науки при сравнении с естественными (а также отчасти и социально-гуманитарными) науками сталкивались с трудностями признания их «полноценной наукой», хотя здесь были достигнуты важные успехи и инженеры ...сделали все возможное, чтобы исследования в их области соответствовали требованиям естественных наук. Упомянутые трудности, не в последнюю очередь, уходили своими корнями в общественную среду, так как образованная буржуазия, воспитанная на идеях немецкого классического гуманизма, любую деятельность, явно связанную с практикой, оценивала низко и не воспринимала как академическую. Так как эти мысли являлись «всеобщим достоянием», инженерам трудно было защищать свои притязания с надеждой на широкий отклик»¹³.

Инженеры начинают играть руководящую роль в обществе. «Сословие инженеров, насчитывающее едва сто лет жизни, уже занимает руководящее положение в современном государстве: инженеры занимают не только министерские, но и президентские кресла». В то же время «другие сферы не хотят признать за ними то важное значение, которое должно по праву

принадлежать инженеру». Но готовы ли сами инженеры занять такое ведущее положение в современном обществе и государстве? «Ридлер, Камерер, Матчосс и др. находят, что инженеры по недостатку общего умственного развития сами первые ничего не знают и знать не хотят о культурном значении своей профессии и считают за бесполезную трату времени рассуждения об этих вещах, тем самым как бы подтверждая нелестное мнение других сословий об умственной культуре инженеров. Поэтому в Германии за последние годы усилено общее умственное развитие учащихся сообразно с требованием, чтобы современный инженер имел широкий умственный горизонт. Отсюда возникает задача перед самим инженерами: внутри собственной среды повысить умственное развитие и проникнуться на основании исторических и социологических данных всею важностью своей профессии в современном государстве»¹⁴. Именно поэтому «в качестве руководителей хозяйственного труда, связанного с социальными и государственными установлениями, инженеры нуждаются сверх специальных познаний еще и в глубоком объеме образования. Хорошее образование — это такое, которое управляет, т.е. глядит вперед и своевременно выясняет задачи, выдвигаемые как современностью, так и будущим, а не заставляет себя только тянуть и толкать вперед без крайней нужды!»¹⁵.

Возрастание самосознания инженеров, укрепление их ведущего места в современном обществе требует и открытого обсуждения этой проблематики. Инженер конца XIX столетия «занимал в промышленности и администрации часто не то положение, которое ему мысленно представлялось, и — также актуальная проблема — его социальный престиж был сравнительно невысок. Эти обстоятельства имели многие причины. ...Стремительное техническое развитие повлекло за собой в значительной степени то, что многие инженеры были вынуждены все более и более специализироваться. ...Инженеры становились «функционерами» ...и были связаны предписаниями экономистов, которым, как правило, отводилась решающая роль в планировании на промышленном предприятии. ...Несомненно, инженеры прежде всего были нужны в промышленности, общеизвестно было и то, что весомое политическое положение

Германии на рубеже XIX и XX вв. объяснялось достижениями в экономической области, которая в большей своей части основывалась на развитии технологической сферы. ... По поводу затронутых вопросов высказывались на рубеже XIX и XX вв. многие авторы, делая предложения о том, как можно было бы поднять общественный престиж инженеров. Так, Макс Крафт требовал всестороннее образование для всех инженеров и указывал особенно на «неестественное разделение технического и экономического моментов в научном ведении упомянутых дисциплин»¹⁶. ... Занимаясь также интенсивно этим вопросом, П.К.Энгельмейер высказал некоторые мысли, которые и сегодня не потеряли своей актуальности. Он указывал на то, что «принцип экономии Маха *«do ut des»*, который играет в экономике значительную роль, применим и для техники, так как здесь также стремятся достичь, по возможности, высоких технических успехов с наименьшими затратами; при такого рода акценте получалось бы равенство целей и для экономики, и для техники»¹⁷.

При подготовке изданного в 1884 г. первого своего сочинения «Газовое нефтяное производство и светильный газ вообще. В общепринятом изложении с теоретическими прибавлениями и указаниями на литературу»¹⁸ Энгельмейер следующим образом оценивает тогдашнее состояние техники на российских предприятиях: «Собирая технические данные по освещению фабрик и заводов нефтяным светильным газом (что тогда считалось полезным достижением), я объездил немало крупных текстильных и механических заводов России и везде видел одно и то же: низкое состояние техники и тяжелые условия труда»¹⁹. Однако постепенно положение в русской промышленности меняется. Известный русский ученый, один из вождей Партии народной свободы, член Государственной думы, впоследствии министр иностранных дел Временного правительства Павел Николаевич Милюков следующим образом характеризует ее развитие в этот период в своих фундаментальных «Очерках по истории русской культуры»: «Последние остатки принудительного труда (на посессионных фабриках) были брошены как непригодный обломок старого, отошедшего в вечность экономического строя. Немногие уцелевшие до эмансипации дворян-

ские крепостные фабрики также принуждены были закрыться в ближайшее десятилетие после падения крепостного права. Меновое хозяйство после крестьянской реформы могло торжествовать окончательную победу над натуральным. С каждым годом Россия все более укреплялась на новой ступени экономической жизни, на которой индустриализм явился необходимым продуктом внутреннего развития». И далее: «С 1879 по 1895 г. число крупных фабрик (имеющих более 100 работающих) увеличилось с 4,4% до 6,7% всего числа фабрик и заводов, а к 1902 г. этот процент поднялся до 16,3% всех заведений, подчиненных фабричному надзору»²⁰. Эти цифры характеризуют убыстряющийся рост концентрации русской промышленности и, следовательно, повышение ее технического уровня. «Более крупная фабрика или завод, как сложнейшая организация, нуждается для обслуживания в более специализированном техническом руководстве и в более квалифицированной рабочей силе, и потому рост концентрации дает толчок развитию профессиональных сил и средств в сторону их расслоения, дифференциации или специализации»²¹. Формируется русский инженерный корпус с высоким уровнем профессионализма и одновременно самосознания и гражданственности. Изменяется и положение в социальной сфере промышленных предприятий. Об этом вспоминает (правда, уже значительно позже) и сам Петр Климентьевич Энгельмейер: «...благодаря усиленным настояниям инженеров наши фабрики переменились до неузнаваемости в течение последних двадцати лет минувшего века. Я мог бы назвать много славных имен русских инженеров, которым принадлежит главная, но от истории ускользнувшая роль в деле быстрого подъема благоустройства наших фабрик и заводов ...я называю только одного покойного директора Раменской мануфактуры под Москвой инженера Федора Михайловича Дмитриева, явившегося уже в 70-х гг. пионером этого дела. Раменская фабрика сделалась рассадником удобных рабочих домов, застольных, кухонь, школ, больниц, яслей и пр. Другие фабрики шли потом еще дальше...»²².

Интересно сравнить с вышесказанным впечатление Энгельмейера от посещения германских предприятий этого же времени. Как пишет сам Энгельмейер, «поднакопив деньжат,

я выехал в 1883 г. в Германию, чтобы повидать постановку дела на тамошних заводах». Сначала он поступил простым слесарем на машиностроительный завод Ленца в Манхайме. «Оборудование и организация работ на заводе были по-тогдашнему очень хороши, да и быт рабочих был много культурнее, чем в тогдашней России. Я зажил одной жизнью с рабочими, поселившись в семье рабочего»²³. Посетил он также мастерскую изобретателя Бенца в то время, когда в Москве ни о каком автомобиле еще не было и речи (впрочем, и здесь на Бенца смотрели как на чудака), а ездила лишь конка. Только в конце 80-х гг. конка начала уступать место механизированному трамваю (сначала паровому, а затем электрическому — фирмы «Сименс и Гальске»). Был Энгельмейер и на заводе Р.Закка в Лейпциге, где подметил интересную особенность. Закк сам изготовлял рабочие чертежи выпускаемых на заводе сельскохозяйственных машин и раздавал их рабочим для исполнения. При этом он каждый раз создавал новую уникальную конструкцию, не используя стандартных узлов и блоков²⁴. Уже тогда это казалось анахронизмом. «В самом деле, если бы Закк раньше передавал общий план будущей машины техникам-конструкторам ...то, наверное, его машины не навлекли бы на себя справедливого упрека в «не технических деталях»²⁵. В 1893 г. Энгельмейер выезжает сначала в Германию, а затем во Францию. Впечатления о заграничной поездке — «посещение заводов и учреждений, так или иначе связанных с электротехникой, — Энгельмейер присылает для публикации в «Бюллетене Политехнического общества» в виде «Мелких технических заметок по электротехнике»²⁶. Из них мы узнаем, что он в Нюрнберге посетил завод Шуккерта, где ему показали во всех деталях производство «динамо» для освещения, электролиза и передачи работы, дуговых ламп и прожекторов. Далее он направился в Штутгарт на завод Фейна, откуда и присланы заметки, датированные 17/29 ноября 1893 г. Позже, уже в 1936 г., он вспоминает: «В 1893 г. я вновь выехал за границу пополнить свои сведения по электротехнике. Приехав в Штутгарт, я поступил на известный тогда электротехнический завод Фейна ...Проработав в течение 1893 и 1894 гг. на заводе Фейна в Штутгар-

те, я переехал в 1895 г. в Париж и стал работать в лаборатории академика Марсея Дебре над электропередачей больших мощностей на значительные расстояния»²⁷.

Характеристики промышленного и технического развития Германии и России, данные в то время П.К.Энгельмейером, особенно ценны, поскольку он сам некоторое время проработал действующим инженером на российских заводах. В 1897 г. Энгельмейер становится инженером при Высочайше утвержденном Товариществе машиностроительных заводов Добрых и Наболец. Учредителями Товарищества чугунолитейного и машиностроительного производств были инженер-механик, коллежский асессор Сергей Алексеевич Добров, вдова швейцарского гражданина Софья Ивановна Наболец и инженер-механик Алексей Алексеевич Добров. Энгельмейер был также и пайщиком этого товарищества. Согласно ведомости Товарищества за 1897–1898 гг., Энгельмейеру причиталось 1200 руб. дивидендов²⁸. Это давало определенную финансовую свободу и независимость инженерам для научных и общественных занятий. В 1898 г. Энгельмейер одновременно служит инженером при администрации по делам торгового дома К.Тиль и К^о, куда входили лакировочный, козыречный, кожевенный заводы, военноморская, амуничная и обмундировочные мастерские, войлочный и брезентовый заводы²⁹.

Русская промышленность, до 1914 г. сильно завязанная на германскую, постепенно начинает вставать на собственные независимые рельсы. Характеристика состояния нашей промышленности в предвоенный период дана в письме, направленном в Общество им. Х.С.Леденцова из Московского городского общественного управления по поводу необходимости устройства в Москве 4-й Всероссийской художественно-промышленной выставки³⁰: «Размеры производства в некоторых отраслях фабрично-заводской промышленности за 17 лет удвоились, и в различных местностях Империи возникли новые виды производства. Обороты внешней торговли России за это время более чем удвоились, и ежегодный привоз товаров из-за границы перешел уже за миллиард дублей ... Чрезвычайно быстрый прогресс прикладных наук и техники, характеризующий собою начало XX столетия, заставляет нас неустанно следить за всеми новейшими

изобретениями и открытиями, чтобы безнадежно не отстать от прочих великих наций в мирной борьбе на поприще добывающей и обрабатывающей промышленности. В настоящее время почти половина оборотов внешней торговли России приходится на торговлю с Германией». П.К.Энгельмейер еще в 1900 г. отмечает, что Россия «тесно связана с Германией в особенности тем, что касается техники и промышленности ...и промышленность наша отстает от немецкой»³¹. Об этом же свидетельствует П.Н.Милюков: «С 1893 г. капиталисты стали усиленно помещать деньги в предприятия, так как доходы с бумаг убавились за это время на 5-ю часть (20%) ввиду конверсии займов. Правительство воспользовалось этим настроением и со своей стороны принялось усиленно поощрять поток капиталов в промышленность. В результате в следующие 6 лет (1895–1900) цифра ежегодного прироста капиталов сразу поднялась до 322 млн русских капиталов не могло бы хватить для такого быстрого роста, и за 1893–1903 гг. из 1554 млн, вложенных в промышленность, до 900 млн принадлежало иностранцам»³². Из этого видно, что разрыв торгово-промышленных связей России с Германией в результате первой мировой войны имел серьезные последствия для национальной индустрии. Причем эти последствия были как негативными, так и позитивными. Негативными они были потому, что российская промышленность лишилась притока капиталов из Германии и ее технической помощи. Но многие российские предприятия уже вставали на собственные рельсы и перестраивались в соответствии с нуждами военного времени, становясь наукоемкими и независимыми от внешних влияний предприятиями. Это было бы невозможно без сформировавшегося высококвалифицированного инженерного сообщества.

Когда Энгельмейер исследует вопрос «Что такое техника?», он обращается к дискуссиям по этому поводу, имевшим место тогда в Германии. Понятие техники рассматривается им в широком и узком смысле. В *широком смысле* техника есть везде в любой деятельности (техника – это организация = праксиология): любая целенаправленная деятельность имеет свою собственную технику; любая деятельность и прежде всего профессиональная деятельность находит свое выражение в техничес-

ких правилах³³. Это безгранично обобщенное понятие техники. Затем в науке, например, есть техника знания. Техника понимается также как лишь одна из форм человеческой духовной деятельности, действие сознательного духа по переструктурированию сырого материала в целях культуры, или короче: сознательное оформление материи³⁴. В узком смысле под техникой понимается, *во-первых*, та часть искусства, которая направлена вовне. В первом смысле говорят о технике художника, музыканта, артиста, судьи³⁵. Понятие техники в этом смысле мы унаследовали от древних греков и римлян. Техническая деятельность настолько же стара, как и сам человек («*Homo faber*»); техника является человеческой деятельностью. *Во-вторых*, под техникой понимается целостная деятельность, а именно та, при которой человек специально стремится выявить нужные явления. Во втором смысле говорят о технике без предиката и понимают под ней искусство инженера, машиностроителя, химика и т.п. Второй смысл понятия техники, сформировавшийся впервые в XVIII в., означал только промышленную или инженерную технику³⁶. Затем Энгельмейер формулирует собственное определение техники: «Техника — это искусство планомерно и на основе известных естественных взаимодействий вызывать к жизни определенные вещи»³⁷. Это определение техники Энгельмейером цитировали многие инженеры и философы техники³⁸. В конечном счете, Энгельмейер ставит вопрос: «В чем состоит техническое мировоззрение?», «В чем его отличие от научного мировоззрения?» Мировоззрение Нового времени можно назвать научным, однако к XIX столетию возникает новое техническое мировоззрение. «Внимание ученых направлено на вопрос: *что произойдет?*, а техников — на вопрос: *что должно произойти?* Ученый стремится узнать существующее. Техник, напротив, начинает с этого и воздействует на природу, внося свои желания в природные силы. Техническое воззрение учит, что человек в состоянии с помощью заповеданных ему средств покорять природу, т.е. время и пространство, силу и материю, и делать свои планы исполнимыми. Короче, техническое мировоззрение выражается в форме: *человек сам кузнец своего счастья*»³⁹. Это — руководящее высказывание технического оптимизма. Российские и германские инженеры конца XIX и нача-

ла XX столетий верили в прогрессивную силу техники. Они верили, что с помощью техники возможно решить все социальные проблемы. Они верили тогда, что как социальный, так и природный мир возможно пересоздать и сформировать в соответствии с «собственным представлением». В этом в сущности и заключается исходная установка социальной инженерии.

Энгельмейер определяет также роль инженера в современном обществе и утверждает, что XX столетие принадлежит технике и техникам или «инженер с необходимостью возьмет на себя управление экономикой». Но, чтобы соответствовать этой ведущей роли в современном обществе, инженер должен получить не только специальное, но и общее гуманитарное образование. Таким образом, социально-инженерная установка, чтобы стать реальностью общественной жизни, предполагает переориентацию инженера со следования преимущественно техническим целям на социально-гуманитарные ценности.

1.2. Технократическая дискуссия в Германии между мировыми войнами

Первоначально дискуссии по поводу техники как в Германии, так и в России концентрировались на проблеме выработки общего представления о технике и ее разграничения прежде всего с хозяйством: техника — это не ветвь хозяйства, она имеет вполне самостоятельное значение в современном обществе. Однако техника все еще не стала темой мирового значения. После Первой мировой войны многим становится ясно, что техника является важным средством спасения от наступления в Германии экономического хаоса. Этой высокой миссией прониклись постепенно и сами инженеры и техники, а обсуждение роли техники в восстановлении Германии становится ведущей темой в инженерной среде⁴⁰.

Зародившееся в Северной Америке технократическое движение получает новую жизнь и самостоятельное развитие в Германии того времени. Лейтмотивом этого движения становится убеждение, что инженеры должны заменить хозяйственников и политиков в сфере планирования, ведения и распределения продукции. «В середине двадцатых годов отдельные инженеры показали весьма заметное усердие в своих атаках против капита-

листических отношений господства»⁴¹. С этим зачастую связана и переоценка роли технического прогресса в жизни общества, почти религиозное поклонение ему⁴². Интересно, что аналогичная тенденция наблюдается в это время в Советской России⁴³.

В начале 1930-х гг. в Германии возникает Технократический союз, провозгласивший своей целью автономию техники и ее освобождение от экономических, политических и т.п. пут. Это означает, по мнению новоявленных технократов⁴⁴, что на смену эре идеологических систем различного толка от экономического либерализма до фашизма и коммунизма должна прийти «неполитическая общественная машина», управляемая научно-техническими экспертами вместо господствовавших до сих пор в обществе социальных слоев — юристов, коммерсантов и профессиональных политиков. Такая замена не-техников техниками на всех ведущих социальных позициях произойдет, по мнению технократов, в силу объективных процессов механизации и автоматизации. Такая политическая риторика немецких технократов не могла сосуществовать с идеологией фашизма, и поэтому Технократический союз был распущен в первые же месяцы после прихода к власти национал-социалистического режима, который намеревался использовать техническую интеллигенцию в собственных, по сути дела направленных на развитие военно-промышленного комплекса целях⁴⁵.

Аналогичная ситуация сложилась в тридцатые годы двадцатого столетия и в Советской России, где даже иллюзорная «политическая» самостоятельность «старорежимного» (унаследованного от царского режима) инженерного корпуса была костью в горле новой Советской власти и партийного аппарата, ставившего перед инженерами зачастую технически невыполнимые при нормальных условиях работы задачи индустриализации СССР, сформулированные в пятилетних планах правящей партийной элитой с целью достижения военно-технического паритета в условиях «враждебного капиталистического окружения». Для достижения этой цели потребовалось сначала разгромить старые инженерные общества и союзы, поставив инженеров-специалистов в условия не только экономической, но и физической зависимости от власти, применив к ним известные меры «социальной защиты» вплоть до расстрела, а

затем с их помощью заменить их самих новым поколением технической интеллигенции, вышедшей из «пролетарских слоев населения» и безусловно преданной Советской власти.

Важную роль в технократической дискуссии сыграл Союз германской техники (RDT), опубликовавший в своем печатном органе — журнале «*Technik VORAN*» — ряд материалов по этой теме и в частности статью Эмиля Юнга «От «Союза техников» к «Технократическому союзу»⁴⁶. В центре внимания этой дискуссии продолжал находиться вопрос о технике как культурном факторе и необходимости построения теории техники, которая определила бы технику как фактор, конституирующий современную эпоху в ее тесной связи с хозяйством, обществом, культурой и государством, но имеющим самоценное духовное значение. RDT претендовал с момента своего основания на роль рупора всех профессиональных групп, связанных с развитием техники, и даже на ключевую политическую роль в Веймарской республике, выступая в целом на антидемократической платформе.

Ведущую роль в этом союзе играл известный физик, философ техники и депутат германского парламента Фридрих Дессауэр, видевший в этом союзе важнейшее звено технической организации общества, поскольку он представлял технику в целом как мировой феномен⁴⁷. В центре полемики, как и ранее, и так же, как у других тогдашних инженерных объединений, находился вопрос о злоупотреблении техникой со стороны неспециалистов и о необходимости замены юристов и коммерсантов на ключевых позициях в хозяйственных и государственных структурах, связанных с техническим развитием, на инженеров под лозунгом «технику техникам». Результатом этого обсуждения стало требование создания особого министерства техники⁴⁸, но это оно не нашло поддержки в национальном собрании. RDT превратился в дальнейшем также в дискуссионный клуб, обсуждавший культурно-философские проблемы техники. Кроме того, RDT направлял острие своей критики, с одной стороны, против демократических порядков, противоречивших, по мнению членов союза, инженерному идеалу принятия решений с максимальным коэффициентом полезного действия, а с другой — против капиталистических принципов ведения хозяйства, которые ставят интересы рынка выше

технической саморегуляции; при этом исходили из утопических идеалов возможности достижения совершенной гармонии между общественными потребностями и промышленным производством.

Для технократического движения, однако, не могло найтись места в нацистской Германии. В 1936 г. всякие технократические дискуссии были окончательно закончены. Это относилось также и к обсуждению проблем философии техники в целом и техники как фактора культуры в частности. Такого рода дискуссии в условиях политики вооружения Третьего Рейха и использования научно-технической деятельности в военных целях могли привести только к абсурду⁴⁹. Нацистская пропаганда провозглашает тезис, что «правильное» использование техники возможно лишь при «правильном» руководстве (имея в виду нацистское партийное руководство). Тогда и служение техники и техников государству приобретает новый оттенок служения нацистским идеалам. К важнейшим задачам такого служения относится, естественно, служение военным целям этого режима. В этом смысле инженер подобен солдату: и тот, и другой «бескорыстно служат народу». Не рентабельность должна быть в центре внимания техников, а социокультурная высококачественность технической работы. Эта установка зачастую приводила к многочисленным бессмысленным с экономической точки зрения проектам нацистского режима. Образцовым примером такого служения стало строительство первого автобана в 1935 г. Но если первоначально это был пример противопоставления извлечению чистой прибыли приоритетов решения социально-культурных задач (борьбы с безработицей, например, или содействия национальному развитию), что в принципе соответствует установкам социальной инженерии, то позже на первый план выходит решение оборонных задач и «необходимость строительства эффективных дорог в ходе изменения нашего вооружения». Тогда и идея министерства техники переосмысливается как создание военно-промышленного комплекса и эффективного производства вооружения, что привело к учреждению в 1940 г. должности «генерального инспектора по четырехлетнему планированию» для контроля за развитием военной экономики. Причем сама война (прежде

всего против Советского Союза) начинает рассматриваться как «культурное действие». Изменяется и роль инженера в обществе: именно «национал-социалистская революция» выдвинула технику и техников на первое место, по праву принадлежащее им в современном обществе, в особенности в Германии, поскольку немецкий народ всегда был и остается наиболее изобретательным. Планирование и реализация крупных технических проектов соответствовала устремлениям нацистского режима к подготовке и ведению войны. Поэтому, начиная с 1936 г., технически-промышленная работа становится для этого режима просто жизненно необходимой⁵⁰.

1.3. Инженеры социалистической реконструкции – социально инженерная установка советского строя в 20–30-е гг. XX столетия

Значительная часть русского инженерства принадлежала к служилому дворянству независимо от его происхождения (в то время уже не различали дворянина и почетного гражданина). А это означало тогда очевидный изъян в происхождении и повышенную вероятность попасть в перековку: «Даже накипь прошлого – человеческие «отходы» социалистической стройки, советские правонарушители – в твердых руках НКВД, на Беломорско-Балтийском канале и других строительствах проходят школу не только трудового перевоспитания, но технической квалификации»⁵¹.

Беломорстрой был гигантским социальным экспериментом, осуществленным на костях свыше 100000 человек, – их перековки, переделки человеческого сознания. Эта «блестящая победа советской исправительно-трудовой политики» была одержана под руководством ОГПУ⁵². Советская страна получила гигантское хозяйственное предприятие, и прежние «отбросы общества» стали самоотверженными строителями социализма. Максим Горький назвал это «воспитанием правдой». Идеал «нового человека» очень рельефно выписан в газете культурно-просветительного отдела Беломорско-Балтийского лагеря ОГПУ «Перековка» в виде мужчины с киркой и женщины в кирзовых сапогах с лопатой в огромных ручищах. Тысячу раз прав был Демьян Бедный, сказав о Беломорско-Балтийском

канале с радостным пафосом: «Здесь символ сталинской заботы». Именно Он, отец народов, был инициатором трудкоммун ГПУ и всей лагерной воспитательной политики. Именно Он выдвинул идею создания Беломорско-Балтийского канала силами заключенных⁵³. Эту «заботу» почувствовали на себе и инженеры.

В это время возникли первые ОКБ — особые конструкторские бюро, именуемые часто «шарашки», где использовался подневольный труд заключенных инженеров. (Хорошо известно, что в такой шарашке трудились Туполев и Королев.) «Эти инженеры, как и многие другие из старого инженерства, года два назад дали себя завлечь Рамзиным и очутились в рядах врагов Советской власти, в рядах агентов империалистических интервентов. Это они были арестованы ОГПУ. Они признали свою вину и изъявили готовность всем своим знанием пойти на службу к советской власти»⁵⁴. Это был первый шаг, распространенный затем на всю страну. «Это было начало», о котором говорили и писали с восторгом⁵⁵. Такие ОКБ стали прообразом многочисленных отраслевых (полуоткрытых-полузакрытых) институтов и конструкторских бюро. Но наука не может развиваться в изоляции и под постоянным административно-командным нажимом. Не может в таких условиях развиваться нормально и промышленность, да и общество в целом. Интересно, что огромной значимостью событий были проникнуты не только те, кто сажал, но и те, кто сидел, или, говоря словами Максима Горького: «Среди десятков тысяч нашлось немало таких людей, которые поняли глубокое государственное значение предложенной работы»⁵⁶.

Таким образом, использование труда заключенных инженеров постепенно становится нормой, возводится в ранг государственной политики. Как здесь не вспомнить слова, которые были с болью и надеждой произнесены еще в 1904 г. на учредительном собрании Всероссийского союза инженеров и техников: «Преуспевание русской промышленности возможно только на почве широкого развития общественной и личной самостоятельности. Необходимыми условиями такого развития являются: полная неприкосновенность личности, свобода собраний и союзов, свобода слова и печати. Только при прочной

гарантии этих прав достижимы распространение и углубление народного образования, без чего невозможно увеличение производительности труда. Отсутствие этих условий ведет к упадку нашего высшего образования, этой основы технического прогресса, приводя ежегодно к гибели сотни молодых сил, необходимых для России...»⁵⁷.

В результате «сталинской заботы» погибли тысячи! Но тогда мерещились бескрайние горизонты и темпы, темпы, темпы. Эта перековка должна помочь преодолеть «условные рефлексy инженера капиталистической эпохи». Процесс «вработывания» инженеров-вредителей в социализм осуществлялся «под высоким социальным давлением», ускорявшим «мыслительные процессы и нервные реакции» и перерождавшим инженера «биологически». Эта стройка, как и многие за ней следовавшие гигантские стройки социализма, явилась ярким примером социальной инженерии, реализованной в государственном масштабе.

Надо было построить канал за 20 месяцев. «Контраст был тем сильнее, что на воле они привыкли работать в атмосфере сознательно замедленных темпов. Там можно было мудрить, «втирать очки», ссылаться на авторитеты — здесь они заключенные, а чекистам очков не втрешь. Вопрос о сроках решен бесповоротно партией и правительством и никаким кривотолкам не подлежит». Правда, работать приходилось в нечеловеческих условиях: в заключении, «где-то на краю света», «при минимальном количестве машинного оборудования, при минимальном количестве металла и цемента, при полном отсутствии квалифицированной рабочей силы», при отсутствии «сколько-нибудь законченного технического проекта». Работа не оставляла времени для размышлений. Но она выполнялась добровольно-принудительно: «...вовсе не отдельные люди, не чекисты, не товарищи — план давит на него («инженера-заключенного». — *В.Г.*) с огромной силой. План, неразрывной частью которого является его работа. План, неумолимый рабочий план, который постепенно становится высшим законом, которому в равной мере подчинены чекисты, инженеры, воры, бандиты, проститутки». Таков был «рай на краю света, под карельским небом и под опекой ОГПУ», где инженеры испытали «огромную радость жизни». Это были те инженеры, «генеральный

штаб российского капитализма», которые очутились в рядах врагов советской власти — вредители. Они были арестованы ОГПУ, признали свою вину и изъявили готовность «пойти на службу к советской власти», т.е. на Канал. В чем же они виновны? Это можно видеть на конкретном примере инженера-заключенного. Сначала у него проявлялось «высокомерие кастовых инженеров»: инженер старался не употреблять сокращенных «советских словечек». «По мере возможности он стремился всячески избегать их. Он гораздо чаще говорил «высшее учебное заведение», чем «вуз», «пятилетний план», чем «пятилетка», «рабочий факультет», чем «рабфак» ...От этого был только шаг к вредительству, и он это сделал с величайшей легкостью». Опыт работы на Беломорстрое «не прошел для него даром», и он «освободился от недостатков, привитых ему той растленной социальной средой, в которой он жил и работал значительную часть своей жизни. Достоинства же его, напротив, в условиях социалистического труда развились и процветали». «Отпали разом все эти сложные и мучительные тонкости: его новое положение обязывало его подлаживаться к большевикам...»⁵⁸. Добросовестной работой на строительстве инженер заслужил свободу. Надолго ли? Многих из них несколько раз выпускали и даже награждали, затем опять сажали и наконец уничтожали или бесконечно продлевали срок. Впрочем, были и исключения. Зам. начальника Беломорстроя, например, так увлекся гидротехникой, что стал директором соответствующего НИИ, благополучно скончавшись без посторонней помощи в 1962 г.⁵⁹. Его воспитанник, бывший «соцвред» инженер Климентий Михайлович Зубрик, также сделал карьеру в качестве его заместителя в том же институте и почил в 1967 г.⁶⁰. Это он радостно произнес на банкете по случаю завершения Канала: «Мы инженеры-чекисты»⁶¹.

И вот что интересно. И прокурор Н.В.Крыленко, государственный обвинитель на процессе по делу «Промпартии», и начальник Беломор-Балтийского лагеря, и зам. начальника ГУЛАГа Семен Фирин тщательно обосновывали свою деятельность цитатами из Ленина: «Насилие можно применять, не имея экономических корней. Тогда оно исторически обречено на гибель, но можно и должно применять насилие, опираясь на

передовой класс, на подлинно *высокий* тип социалистического строя. Тогда оно временно может претерпеть неудачу, но оно непобедимо»⁶². «А тут сидят превосходные канцелярские чиновники, которые теперь интересы своего класса видят в том, чтобы нам делать гадости, мешать нам работать, которые думают, что спасают культуру, подготавливая большевиков к падению». И далее: «Можно и должно заставить их не участвовать активно в контрреволюции, можно устроить их, чтобы они боялись и руку протянуть к белогвардейским воззваниям»⁶³. Эти цитаты дает Крыленко в своей заключительной речи на процессе⁶⁴, а вот какие слова Ленина приводит Фирин в начале своей книги «Итоги Беломорстроя»⁶⁵: «Диктатура пролетариата была успешна, потому что сумела соединить принуждение и убеждение. Диктатура пролетариата не боится принуждения и резкого решительного выражения государственного принуждения, ибо передовой класс, больше всего угнетавшийся капитализмом, имеет право осуществлять это принуждение, ибо он осуществляет его во имя интересов всех трудящихся и эксплуатируемых и обладает такими средствами принуждения и убеждения, какими не располагал ни один из правящих классов»⁶⁶. Но, как известно, насилие может рождать только еще большее насилие, даже если оно делается ради достижения всеобщего счастья.

И здесь напрашиваются три небольшие цитаты из доклада инженера П.А.Пальчинского⁶⁷ 17 мая 1921 г. «Роль и задачи инженеров в экономическом строительстве России»: «Всякий раз, когда жизнь подвергается насилию со стороны носителей власти, жизнь отвечает на это сопротивлением, теми уродливыми результатами, которые сейчас у всех на глазах... существует жизнь, которую нельзя ломать только потому, что тот или другой авторитет или теоретик политической экономии сказал, где-то и кто-то написал еще, что можно путем приказа, путем создания трудовых армий, близких к аракчеевскому строю, создать ценности, обращаясь с человеком, с его психологией, с его волей и духовной сущностью так, как обращаются с мертвым материалом ... Без свободы передвижения, без свободы человека заниматься, чем он хочет, не может быть, конечно, и продуктивной работы. Всякое давление, всякий нажим, всякий приказ, всякое возведение в принцип знаменитого изречения

Щедрина “тащи и не пушай” может привести к исчезновению всякой творческой инициативы. На этой почве ничего построить нельзя»⁶⁸.

В сущности таким Главным социальным инженером Страны Советов был один человек – Иосиф Виссарионович Сталин. В 1933–1934 гг. Н.И. Бухарин публикует в журнале «Социалистическая реконструкция и наука» (СОРЕНА) ряд статей, посвященных проблемам инженерного корпуса. Так, в статье «Техническая реконструкция и текущие проблемы научно-исследовательской работы» он пишет: ««Онаучивание» производства и «обинженеривание» науки есть наш очередной лозунг». И далее: «...во главе с тов. Сталиным – глашатаем технического, научного и культурного прогресса»⁶⁹. В статье «Наука и люди. Героическая симфония» (разд. III. Строители) Николай Иванович с еще большим пафосом восклицает: «Идет армия бойцов-строителей, реют знамена, гремит «Интернационал» и ведет армию ее революционный фельдмаршал – ее вождь и учитель в серой шинели, железным шагом – ИОСИФ СТАЛИН»⁷⁰. Куда он вел, мы сегодня хорошо знаем, но тогда, видимо, многим «открывалась» захватывающая дух перспектива гигантской перековки. В передовице журнала «Вестник инженеров» в 1930 г. не даром поются дифирамбы «великому инженеру социалистической стройки и столь же великому инженеру человеческих душ», «гениальному инженеру социалистического строительства», «гениальному зодчему социализма» и т.д. и т.п. тов. Иосифу Сталину⁷¹.

2. Социальная инженерия как социотехническое проектирование

2.1. Системотехническое, социотехническое и социальное проектирование

Исследование последствий внедрения новой техники и технологии, а также социально-экологическая экспертиза больших технических и хозяйственных проектов была введена в Советском Союзе уже в 70–80-е гг. XX столетия. Она была свя-

зана в основном с деятельностью Государственного комитета по науке и технике (ГКНТ) СССР и была поручена вновь тогда созданному при ГКНТ Всесоюзному научно-исследовательскому институту системных исследований (ВНИИСИ). В качестве важнейшего основания для проведения такой работы высказывалась идея необходимости научной и информационной поддержки лиц, принимающих решения, на основе оценки и сравнения альтернатив. Задача консультантов, владеющих специальными методами, определялась как информационная поддержка возможностей руководителя в принятии обоснованных решений. Речь шла фактически о системном анализе и прогнозировании развития больших технических, хозяйственных, экологических и других систем и областей промышленности в рамках плановой системы хозяйства, о долгосрочных планах научно-технического, экономического и социального развития. Проведенные в 1966–1976 гг. научные симпозиумы по этой проблеме привели к созданию в отраслевых научно-исследовательских институтах и головных проектно-конструкторских организациях многочисленных групп специалистов, профессионально занимающихся анализом тенденций, сравнительной оценкой уровня и прогнозированием научно-технического развития⁷².

В это же время важную роль в качестве базисных дисциплин для исследования последствий новой техники и технологии играли эргономика (наряду с инженерной психологией) и дизайн систем (иными словами, промышленная – техническая – эстетика), ориентированных на оценку проектирования и функционирования сложных человеко-машинных систем одновременно и с технической, и с гуманистической точек зрения. При этом важно, что акцент делался не только на исследовании возможных негативных последствий после проектирования этих систем, но в первую очередь на подключении эргономиста и дизайнера уже на ранних этапах процесса их технического конструирования, который в данном случае обозначается как этап эргономического и художественного конструирования. Выполнение вышеуказанной задачи было тогда возложено на Всесоюзный институт технической эстетики (ВНИИТЭ), также принадлежавший ГКНТ. Выделение эргономических исследований, проводимых в различных научных

учреждениях и проектных организациях, в самостоятельную область знания происходило с начала 60-х гг., когда организуются собственно эргономические подразделения, первое из которых и было создано во ВНИИТЭ. Затем постепенно возникает целая сеть отделов и лабораторий эргономического профиля. Рекомендации эргономистов применялись при проектировании новой техники и организации труда, были разработаны государственные и отраслевые стандарты в области эргономики, а в целом ряде министерств и ведомств созданы специальные эргономические службы, выполняющие работы по повышению эффективности труда и улучшению качества промышленной продукции. Это была, однако, оценка техники в большей мере на техническом, а не политическом уровне, хотя социальная роль науки и основанной на ней техники вполне осознавалась. «Реальная социально-культурная роль науки не сводится к тому, что наука на каждом конкретном этапе своего развития предлагает обществу и индивиду некоторую совокупность знаний о мире, использование которых позволяет ориентироваться в соответствующих областях действительности. Наука – это не просто некая сумма сведений, это определенный, начиная с некоторого этапа истории необходимый, метод решения проблем, стоящих перед обществом»⁷³.

Осознание важности социальной составляющей научно-технического прогресса привело к формированию концепции *социального проектирования*, которая развивалась в двух основных направлениях. Первое направление было связано с проблематикой планирования социального развития, теорией и практикой социального планирования на основе опыта создания комплексных планов экономического и социального развития трудовых коллективов, городов, регионов, т.е. уже существующих социальных институтов. Относительно же строящихся и планируемых объектов была сформулирована необходимость развития специфического вида плановой деятельности – социального проектирования, которое призвано разрабатывать и обосновывать контуры будущего социального объекта⁷⁴. Второе направление было более прагматическим, направленным на решение локальных задач и может быть названо социотехническим проектированием, где главное внима-

ние предполагалось в отличие от технического проектирования уделять не машинным компонентам, а человеческой деятельности, ее социальным и психологическим аспектам. Рассмотрим сначала особенности второго направления, которое включает в себя словосочетание социо-технику на примере эргономического проектирования, дизайна систем (художественного конструирования), градостроительного и организационного проектирования (оргпроектирования)⁷⁵.

На примере эргономического и инженерно-психологического проектирования наиболее отчетливо видно, что здесь осуществляется проектирование именно человеческой деятельности (в человеко-машинных системах). Оно представляет собой комплексный вид деятельности, методологической основой которой является системный подход. Задачей эргономики является разработка методов учета человеческих факторов при модернизации действующей и создании новой техники и технологии, а также соответствующих условий деятельности. Весьма близким к эргономическому проектированию и по генезису, и по объекту, и по структуре, и по методам является инженерно-психологическое проектирование. (Они различаются лишь в дисциплинарном плане: последнее более жестко ориентировано на психологию как на базовую дисциплину). В инженерно-психологическом проектировании первоначально человеческие факторы рассматривались лишь наряду с машинными компонентами и даже как подчиненные им. И в этом плане оно было сначала лишь частью системотехнического проектирования. На современном этапе его развития речь уже идет о проектировании человеческой деятельности, в которую включены машинные средства. В инженерно-психологическом проектировании можно выделить три основные установки: системотехническую, инженерно-психологическую и социотехническую. В первом случае сугубо технический подход превалирует над гуманитарным. Согласно системотехнической точке зрения, машинное функционирование, индивидуальная деятельность человека и деятельность коллектива людей могут быть адекватно описаны с помощью одних и тех же схем и методов, которые создавались для описания функционирования машины. Сторонниками этой точки зрения инженерно-психологи-

ческое проектирование мыслится составной частью системотехнического проектирования, а проект деятельности оператора, как правило, полностью исчерпывается алгоритмом его работы лишь с указанием на специфику человеческого компонента. В социотехническом проектировании объектом проектирования становится коллективная человеческая деятельность, поэтому оно неизбежно должно ориентироваться на социальную проблематику как на определяющую. Объектная же область инженерно-психологического проектирования ограничивается индивидуальными аспектами деятельности. Таким образом, инженерно-психологическое проектирование составляет промежуточный вариант между системотехническим и социотехническим проектированием. Эргономическое же проектирование по самой своей сути является социотехническим, поскольку наряду с психологией, физиологией, анатомией, гигиеной труда в нем большое внимание уделяется социальным, социально-психологическим, экономическим и другим факторам. Если системотехника ориентирована, в конечном счете, на максимально возможную и разумную автоматизацию человеческой деятельности как в плане объекта системотехники (автоматизация функционирования сложных систем), так и самой системотехнической деятельности (автоматизация проектирования и конструирования), то в эргономике в принципе неприемлем такой подход. В ней анализируются специфические черты деятельности сложной человеко-машинной системы, а технические средства рассматриваются как включенные в нее. И если в системотехнике с определенной поправкой можно все же считать алгоритмическое описание деятельности удовлетворительным, то с точки зрения эргономики оно не работает (является слишком грубым и приблизительным). Поэтому ее описание фиксируется в виде особых концептуальных схем деятельности, которые формируются, с одной стороны, на основе систематизации методической работы (прецеденты), а с другой — конкретизации представлений деятельности, развитых в системном подходе.

В так называемом художественном конструировании также определилось четкое противопоставление «штучного дизайна» (проектирования единичных промышленных изделий) и

дизайна систем. Дизайн не должен лишь дополнять инженерное конструирование. Он является более развитой формой проектирования. Особенностью дизайна систем является четкое осознание его связи с предшествующей художественной культурой. Дизайнер часто обращается за поиском образов, образцов, концептуальных схем к культурному наследию человечества. Например, в контексте дизайна систем классицизм и романтизм осмысливаются не столько как исторические явления, сколько как фундаментальные типы и модели художественного сознания, которые программируют подходы и творческие методы. Дизайн, являясь органической частью современной культуры, в особенности рельефно подчеркивает ее проектность. Дизайнер выполняет сразу несколько профессиональных ролей. Он, во-первых, выступает как исследователь и тогда действует в соответствии с нормами научно-теоретической деятельности. Во-вторых, ему приходится выполнять функции инженера-проектировщика и методиста и рассматривать продукт своей деятельности как особого рода проект. В-третьих, он — художник, наследующий и эстетически преобразующий все достижения предшествующей художественной культуры в целях создания нового произведения искусства. Однако он вынужден также, не отождествляя себя полностью со всеми перечисленными ролями, осознавать себя как дизайнера в рамках вполне определенного профессионального сообщества. Он должен охватывать объект и процесс собственной деятельности как единое целое — единую систему и целостную деятельность — дизайн систем. Эта многоликость и в то же время единство профессиональных ролей приучает его мышление к внутренней диалогичности и рефлексии, необходимости постоянно вставать в заимствованные у участников кооперации позиции, разрушает традиционную для классической естественной и технической науки монологичность и монотеоретичность, стирает грани между исследованием и проектированием, собственно получением знаний и их использованием, между знанием и деятельностью. В одних случаях дизайнер выполняет лишь вспомогательные функции оформителя в группе проектировщиков, в других же он играет ведущую роль, контролируя все параметры проектируемой вещи, но нередко он выполняет не-

что среднее между этими двумя типами деятельности, координируя специалистов-проектировщиков, поскольку в сферу проектирования попадает и организация самого процесса проектирования. Главное своеобразие дизайна систем по сравнению с дизайном вещей состоит в том, что сама организационная ситуация становится предметом осмысления, моделирования и программирования, неотъемлемой частью объекта проектирования.

В градостроительном проектировании особенно остро стоит задача внедрения, с которой тесно связана идея «перманентного проектирования», когда отдельные стадии реализации проектов уточняются на основе опыта функционирования уже выполненных на предыдущих стадиях блоков проектируемой системы. В связи с этим возникает сложная проблема организации и реорганизации самой проектной деятельности, процесса (точнее цикла) проектирования. Данную функцию выполняет методология проектирования (поскольку социотехническая деятельность вынуждена ориентироваться на целый комплекс наук, а не на какую-либо одну социальную и тем более техническую дисциплину). Методология проектирования практически и обеспечивает связь проектирования с другими сферами (например, производством и потреблением), учитывая динамику каждой из этих сфер. Проникновение конкретно-методологических рекомендаций в канву проектировочной деятельности вообще характерно для всех видов социотехнического проектирования. Продукт социотехнической деятельности — сложную систему — нельзя пощупать как объект исследования классической технической науки или штучное изделие — продукт традиционной инженерной деятельности. В градостроительном проектировании жизненное пространство района или квартала, людские потоки и размещение элементов бытового обслуживания остаются вне поля зрения заказчика в момент сдачи объекта в эксплуатацию. Перед ним предстает лишь совокупность зданий, которые должны отвечать более или менее четким техническим и эстетическим требованиям, асфальтированных дорог и зеленых насаждений. Однако это не значит, что вторые существуют реально, а первые — нет. Напротив, недочеты авторов проекта самым реальным образом

ощущаются жителями, влияют на их работоспособность и самочувствие. Но принадлежат они к иным — социальным и психологическим — реалиям, не регистрируемым с точки зрения традиционной инженерной позиции, основывающейся лишь на естественнонаучных знаниях и представлениях. Именно поэтому представители современных научно-технических дисциплин ищут опору в методологии и прежде всего в системном подходе, из которого они черпают основные понятия и представления. Однако чаще всего они не находят их там в достаточно разработанном (для решения стоящих перед ним и конкретных научно-технических задач) виде и сами вынуждены становиться методологами определенного (конкретно-научного) уровня и достраивать недостающие теоретические схемы своей дисциплины.

Оргпроектирование связано прежде всего с совершенствованием, развитием, перестройкой организационных систем управления, проектированием организаций, организационных систем управления, построением структур управления организациями, с проектированием новых структурных форм организаций и т.п. Оно неразрывно связано с системным анализом как средством рационализации управленческой деятельности. Даже традиционные работы по научной организации труда осознаются сегодня как оргпроектирование. Одним из современных направлений последнего является также проектирование организационных нововведений. Методы оргпроектирования вторгаются и в сферу системотехнической деятельности. Во-первых, объектом проектирования становятся сами проектные организации: проектирование самих проектных организаций, выбор структуры проекта; во-вторых, проектирование сложных человеко-машинных систем, прежде всего автоматизированных систем управления экономикой, все чаще осознается как организационное проектирование, точнее, реорганизация всей управленческой деятельности, где решающее значение приобретает внедрение, подведение существующей системы управления под проект. В современной системотехнике это направление получило название «ре-инжиниринг процессов бизнеса» (*business process re-engineering*), осуществляемого сложной сетью коммерческих и промышленных организаций, ко-

торое фактически и представляет собой поэтапную реорганизацию существующей системы управленческой деятельности с включением в нее необходимых новейших средств информационной техники. Речь идет о проектировании социотехнических систем, в которых параллельно сосуществуют хозяйственные структуры и системы информационно-вычислительной техники, т.е. о радикальном изменении организационных структур, а не простом оснащении их информационно-вычислительной техникой.

Из приведенных примеров видно, что социотехническое проектирование как вид социального проектирования существенно отличается не только от традиционной инженерной деятельности, поскольку выходит за пределы традиционной схемы «наука-инженерия-производство» и замыкается на самые разнообразные виды социальной практики (например, на обучение, обслуживание и т.д.), где классическая инженерная установка перестает действовать, а иногда имеет и отрицательное значение; все это ведет к изменению самого содержания проектной деятельности, которое прорывает ставшие для него узкими рамки инженерной деятельности и становится самостоятельной сферой современной культуры. Социотехническая установка современного проектирования оказывает влияние на все сферы инженерной деятельности и области техники. Это выражается прежде всего в признании необходимости социальной, экологической и т.п. оценки техники, увеличении социальной ответственности инженера и проектировщика. Социотехническое проектирование характеризуется прежде всего гуманитаризацией. Проектирование само становится источником формирования проектной тематики и вступает тем самым в сферу культурно-исторической деятельности. Кроме того, в качестве объекта проектирования выступает и сама сфера проектной деятельности («проектирование проектирования»). Поэтому в нем формируется особый методический слой, направленный на выработку норм и предписаний для проектных процедур, и теоретический слой, обеспечивающий методистов знаниями об этих процедурах. Социотехническое проектирование — это проектирование без прототипов, и поэтому оно ориентировано на реализацию идеалов, формирующихся в те-

оретической или методологической сферах или в культуре в целом. Его можно охарактеризовать как особое проектное движение, в которое вовлечены различные типы деятельности: производственная, социального функционирования, эксплуатационная, традиционного проектирования и т.п. В роли проектировщиков стали выступать и ученые (кибернетики, психологи, социологи). Проектирование тесно переплетается с планированием, управлением, программированием, прогнозированием и организационной деятельностью. Вовлеченные в проектное движение, они не только трансформируются сами, но и существенно модифицируют проектирование вообще. Что же в таком случае позволяет называть все это проектированием? Сфера проектирования, хотя и включает в себя в настоящее время деятельность многих видов, оставляет на первом плане конструктивные задачи, подчиняя им все остальные.

Социальное проектирование в смысле планирования социального развития рассматривалось в более широком контексте политического консультирования руководящих органов и лиц, принимающих решение, которое может оказать огромное воздействие на окружающую социальную среду независимо от его результативности, его можно считать в известном смысле прообразом социальной оценки научно-технического и хозяйственного развития. Речь, правда, тогда шла главным образом о правильном размещении предприятий и целых городов с точки зрения разумного обеспечения их рабочей силой, подтягивания социальной сферы, а не об экологических проблемах, ими вызываемых. Фактически речь шла о социальном сопровождении проектов и планов реконструкции гигантских территориально-производственных комплексов, состоящих из городских агломераций и взаимосвязанных между собой предприятий, которые тогда создавались в различных регионах Советского Союза, но часто не учитывали необходимости опережающего развития социальной сферы. Частично для решения такого рода задач социального проектирования можно было использовать опыт социотехнического (прежде всего организационного или градостроительного) проектирования, но по масштабу социальных задач и уровню принятия решений, который затрагивал самый верхний эшелон власти тогдашнего общества, этот опыт

был слишком локальным, поскольку не выходил на уровень даже региональной политики. Сама постановка такой задачи выдвинула ряд спорных проблем, например, о принципиальной возможности социального проектирования и его соотношения с социальным планированием, о характере взаимоотношений научных консультантов с региональными органами власти и лицами, принимающими решения «на самом верху» и т.п. «Социальное проектирование есть один из видов социального планирования, которое является средством регулирования общественных отношений, социальных процессов и улучшения условий жизни населения. Социальное планирование есть планирование социального развития уже существующих объектов. Но по отношению к тем объектам, которые еще не существуют или должны коренным образом измениться, трудно применить термин «развитие». Их развитие начинается только после их создания. Социальное проектирование есть проектирование не социального *развития*, а проектирование исходного начального социального *состояния* новых объектов, с которого потом начинается их социальное развитие. Именно в силу этого социальное проектирование является одним из видов социального планирования»⁷⁶. Социальное проектирование должно быть направлено, по определению, на решение социальных задач, включающих в себя прежде всего разработку мероприятий, обеспечивающих условия для эффективной трудовой деятельности человека, затем условия для развития его общественно-политической активности, а также развитие социокультурных условий, включая обеспечение возможности учебы, отдыха и т.п., наконец, в сферах социально-бытовой деятельности (оптимального расселения) и охраны природной среды и здоровья человека. Естественно, что такая широкая и сложная сфера проектирования требовала целостного, системного подхода и поддержки в области комплексного, системного анализа и междисциплинарной социальной оценки.

Примерно в то же самое время формулируется концепция глобальных проблем развития человечества, которые имеют огромное значение для мира в целом независимо от его деления на различные социальные системы. При этом подчеркивалось, что необходимость изучения такого рода глобальных про-

цессов стимулируется не только чисто научными, познавательными целями, но и тем, что они становятся важнейшими практическими и политическими задачами, решение которых играет большую роль при формировании планов социально-экономического развития. Кроме того, специально отмечалось, что эти проблемы являются не только теоретическими, но и научно-практическими, что для их решения необходимы междисциплинарные и комплексные исследования, а также привлечение к их осмыслению широких кругов общественности. И уже тогда было по праву признано, что к этим глобальным проблемам наряду с другими относятся экологические проблемы. Это уже было вполне отчетливое движение к формированию оснований для проведения сознательной экологической политики.

Значительно позже в качестве эффективного инструмента реализации экологической политики в стране была введена экологическая экспертиза. Введение в практику процедур оценки воздействия на окружающую среду также имело большое значение для выработки механизмов принятия экологически обоснованных управленческих решений о реализации намечаемой хозяйственной и научно-технической деятельности. Однако более высокий уровень относительно независимой оценки последствий научно-технического развития с целью принятия политических решений в настоящее время в России полностью отсутствует.

Социальная оценка техники или оценка последствий научно-технического развития является междисциплинарной задачей и требует несомненно подготовки особых специалистов широкого профиля, имеющих не только научно-технические и естественнонаучные, но и социально-гуманитарные познания. Однако это не означает, что ответственность отдельного рядового инженера при этом уменьшается, напротив, коллективная деятельность должна сочетаться с индивидуальной ответственностью. А такая ответственность означает и необходимость развития самосознания всех инженеров в плане социальной, экологической и т.п. оценки техники. Еще в начале нашего столетия русский инженер и философ техники П.К.Энгельмейер писал: «Инженеры часто и справедливо жалуются на то, что другие сферы не хотят признавать за ними то важное значение,

которое должно по праву принадлежать инженеру ... Но готовы ли сами инженеры для такой работы? ... инженеры по недостатку общего умственного развития сами ничего не знают и знать не хотят о культурном значении своей профессии и считают за бесполезную трату времени рассуждения об этих вещах... Отсюда возникает задача перед самими инженерами: внутри собственной среды повысить умственное развитие и проникнуться на основании исторических и социологических данных всею важностью своей профессии в современном государстве»⁷⁷. Эти слова не потеряли актуальности и сегодня.

2.2. Интерпретация социальной оценки и системного анализа техники как социального проектирования

Социальная оценка техники с методологической точки зрения основывается в значительной степени на методическом инструментарии системного анализа как совокупности приемов решения проблем в целенаправленной деятельности в условиях неопределенности на основе системного подхода. Системный анализ характеризуется не специфическим аппаратом и методами, как правило, заимствованными из других наук, а особыми принципами и комплексным подходом к организации теоретического исследования слабоструктурированных проблем, возникающих, прежде всего, в сфере управленческой деятельности. Поэтому, прежде чем перейти к обсуждению собственно философских и методологических проблем современной оценки техники, рассмотрим ее истоки в области системного анализа. Именно системный анализ как социально-экономическое и социально-экологическое исследование процессов решения проблем в неявных ситуациях перерастает сегодня в социальную оценку техники. Поэтому остановимся на его становлении и развитии подробнее.

Понятие «системный анализ» впервые появляется в США в *RAND Corporation* для описания широкого спектра систем военного, космического и промышленного применения при проектировании портов, школ, госпиталей, транспортных систем и решения проблем местной и региональной администрации. Руководящим методологическим принципом системного ана-

лиза является требование всестороннего учета всех (существенных) обстоятельств, т.е. политических, социально-экономических, технических, юридических и других факторов, влияющих на решение проблемы или имеющих к ней отношение. Под системным анализом, таким образом, понимается методика и техника решения проблем построения и управления функционированием промышленных, транспортных, оборонных и т.п. систем. Он связан преимущественно с исследованием человеческих организаций, в то время как, например, системотехника — в первую очередь с системами оборудования, даже если речь идет о человеко-машинных системах. В названии «системный анализ» подчеркивается преимущественно исследовательская ориентация, но это не значит, что в самом анализе не реализуется проектная установка, поскольку он ориентирован на знание, выступающее на уровне методических указаний, нормативных предписаний, оценок. Системный анализ тесно связан с организационным проектированием, направленным на совершенствование, развитие, перестройку организационных систем управления, построение структур управления организациями, внедрение организационных нововведений и т.п. Поэтому системный анализ в таком понимании можно вполне отнести к ареалу социально-инженерных разработок.

Если различать знание, относящееся «к уровню специально-научной теории процессов управления и организации, протекающих в сложных целенаправленных системах», и знание, выступающее «на уровне методических указаний, нормативных предписаний, оценок, непосредственная теоретическая концептуализация которых невозможна», то системный анализ относится именно к последнему типу знаний, организованных на методической основе⁷⁸. Деятельность в рамках системного анализа «можно охарактеризовать как исследование, которое помогает тому, кто принимает решение, выбрать направление действий путем системного изучения своих собственных целей, количественного сравнения затрат, эффективности и степени риска, связанных с осуществлением альтернатив политики или стратегии, необходимых для достижения поставленных целей, а также путем формирования дополнительных альтернатив, если изученные альтернативы окажутся недостаточными»⁷⁹.

С методологической точки зрения системный анализ представляет собой специфический методологический инструментарий, помогающий более эффективно принимать управленческие решения, но в науковедческом плане он может быть рассмотрен как комплексная научно-техническая дисциплина нового типа, возникающая на методической основе в рамках системного движения и ориентированная на реализацию методов и представлений системного подхода в определенной проблемной области принятия управленческих решений. У такого рода научных направлений «нетрадиционный, как бы ускользающий объект исследования, благодаря чему создается впечатление, что в них исследуются не столько закономерности каких-то явлений, сколько методы решения определенного класса задач. Такое превращение методов в первичный объект исследования, безусловно, резко отличает их от традиционных научных направлений»⁸⁰.

В рамках системного анализа в последнее время консолидировались два уровня или направления исследований. Первое из них относится к внутрифирменному планированию, моделированию, проектированию и организации деятельности предприятия, а второе связано с проблематикой планирования развития целых отраслей промышленности, науки и техники или даже национальной экономики, народного хозяйства страны или сообщества стран в целом и даже глобального прогнозирования и моделирования мировой динамики. Первое направление системного анализа самым тесным образом смыкается с развитием системотехники (системотехническим проектированием), второе — с социальной оценкой развития техники и технологии, научно-технической политикой (социальным проектированием).

В последние годы разработка проблематики системного анализа связывается с исследованием социальных, экономических, экологических и других последствий техники, поскольку сегодня мы находимся в принципиально иной ситуации, когда непринятие во внимание последствий внедрения новой техники и технологии может привести к необратимым негативным результатам для всего человечества и окружающей среды. Кроме того, мы находимся на той стадии научно-технического

развития, когда такие последствия возможно и необходимо хотя бы частично предусмотреть и минимизировать уже на ранних стадиях разработки новой техники и технологии. Этой задаче и призван служить системный анализ последствий научно-технического развития. Такие последствия развития атомной энергетики, как чернобыльская катастрофа, не всегда возможно предсказать. Но необходимо хотя бы пытаться это сделать по отношению к новым проектам, проводить соответствующие исследования, выслушивать мнения оппозиционеров еще до принятия окончательного решения, создать правовые механизмы, регулирующие все эти вопросы. В развитых западноевропейских странах это связано с социальной оценкой техники.

Социальная оценка техники, как и системный анализ, представляет собой планомерное, систематически организованное исследование состояния техники и возможностей ее развития, определение непосредственных и опосредованных технических, хозяйственных, здравоохранительных, экологических, социальных и других последствий внедрения новой техники и технологии и возможных альтернатив этого развития, что должно стать основанием для принятия обоснованных решений, а в случае их принятия — для их реализации соответствующими социальными институтами. Такого рода оценка техники является междисциплинарной задачей и требует особых специалистов широкого профиля, имеющих не только научно-технические и естественнонаучные, но и социально-гуманитарные познания.

Социальная оценка техники несет в себе значение не только или не столько исследования последствий технического развития и не только *оценки* техники, имея в виду ее нормативный характер, сколько рекомендаций по «оформлению» техники (*shaping of technology*, *Technikgestaltung*), приданию ей новой конфигурации, ее сознательному формированию, (пере)структурированию, исходя, например, из экологических требований⁸¹. Фактически в данном случае речь идет о социальном проектировании техники, в котором принимают участие не только инженеры-профессионалы, но и пользователи, клиенты, политики и даже общество в целом, т.е. о социальной инженерии. Задача такого рода исследования и «проектирования» техники формулируется в первую очередь

не с внутринаучной точки зрения, а основывается на социальных ожиданиях. Имеется в виду определенный социальный заказ, и не важно, поступает ли он от определенных правительственных структур или ориентирован на потребности общества. При этом интеграция имеющихся знаний и опыта не является здесь самоцелью, а должна дать рекомендации по стратегиям принятия решений. Таким образом, предметом социальной оценки техники являются способы деятельности по разработке и созданию техники, а также те способы деятельности, с помощью которых техника используется, и те, с помощью которых техника изымается из употребления. Они рассматриваются социальной оценкой техники, впрочем, не с инженерно-технической, а с социокультурной и общественной точки зрения. «Социальная оценка техники связывается, таким образом, с процессами формирования мнения, деятельностью, решениями или подготовкой решений относительно техники и с социальной стороной техники, а также с самой техникой в связи с этой социальной стороной»⁸². Социальная оценка техники включает в себя научно-техническое исследование последствий технического развития с помощью научно-технических методов (например, исследование рисков); их социально-гуманитарное исследование (например, этические вопросы, проблема ответственности и т.п.); социальное (лежащее за пределами техники) исследование (например, анализ экономичности техники, принятия ее общественностью). Междисциплинарное исследование последствий народно-технического развития призвано ответить на следующие вопросы: «Как возникает техника?», «Как она применяется?» и «Как могут эти процессы применения *повлиять на оформление техники?*». Инновационно ориентированная социальная оценка техники «не ограничивается описательным подходом, а должна играть активную роль в техническом инновационном процессе», что означает «переход от анализа к структурированию новой техники», т.е. к участию в ее проектировании в плане оценки сценариев проектирования на микроуровне отдельного рабочего места, на мезоуровне отдельного предприятия или организации и на макроуровне общего социального рассмотрения, создания рамочных условий научно-техничес-

кой политики⁸³. Социальная оценка техники, таким образом, приобретает форму проектной организации, поскольку ее конечным продуктом должны быть предписания к деятельности.

Таким образом, социальная оценка техники может быть рассмотрена как новая область исследования системного анализа. В этом смысле полезно рассмотреть те общие черты, которые объединяют эти оба направления. Системный анализ возникает, как и социальная оценка техники, с целью поддержки принятия решений при определении научно-технической политики государства прежде всего по отношению к крупным проектам, требующих огромных затрат людских, финансовых и природных ресурсов. И на первых этапах их развития главную роль играли экономические критерии. Несмотря на подчеркнутый в названии аналитический характер, не меньшую роль в системном анализе также играет проектная ориентация и проектная форма организации исследований. Причем в системном анализе, как, впрочем, и в системном проектировании, речь идет об исследовании и проектировании (точнее, реорганизации) систем человеческой деятельности — административного управления, организационных структур, систем обслуживания и т.п. Однако с одной стороны, социальная оценка техники является дальнейшим развитием и новой областью системного анализа, с другой — системный анализ является главным методологическим инструментом социальной оценки техники.

* * *

Техника как предпосылка и в то же время результат научного исследования в сочетании с теми хозяйственными и государственными структурами, которые обеспечивают их функционирование в обществе, развилась сегодня в мировую силу, основывающуюся на принципе «делаемости» (*machbarkeit*) всех вещей посредством создания возможностей для приложения науки. Такого рода научно-технический прогресс оборачивается в конечном счете регрессом прежде всего в экологической сфере, ведет к разрушению защитных сил окружающей среды

и самого человеческого организма. Его можно сравнить с открытием ящика Пандоры, приносящего человечеству одновременно с благодатным даром Прометея неисчислимы бедствия и болезни. Атомная техника, химическая технология и генная инженерия, основывающиеся на достижениях соответственно ядерной физики, синтетической химии и молекулярной биологии, особенно глубоко внедряются в природные процессы и структуры, манипулируя уже не непосредственно осязаемыми феноменами, а именно этой «вторичной» научной реальностью, создавая новые комбинации чуждых «первичной» природе материалов, элементов и организмов. При этом абсолютно непредсказуемыми, непросматриваемыми и часто необратимыми оказываются последствия такого рода искусственного вторжения в естественную сферу. Альтернативой подобному техническому действию становится создание новой парадигмы в науке и технике, ориентированной на учет переносимости природой таких вторжений на базе равноправных партнерских взаимоотношений с окружающей человека средой. В системотехнике как высшей ступени обобщения, развившейся в лоне современной техники, эта проблематика выражается в смещении акцентов на учет рисков и повышение надежности функционирования современной техники и технологии, на организацию внедрения и эксплуатации сложных систем, не входящих в конфликт с социальной и природной средой, и на создание компонентов и систем, работа и вывод из эксплуатации которых должны быть, во-первых, заранее предусмотрены и просчитаны в исходном проекте и, во-вторых, осуществляться с минимальным ущербом для человека и окружающей среды.

Современный этап развития науки и техники наглядно показал те границы, за которыми наука и техника, сегодняшняя или будущая, сталкивается с неразрешимыми для нее или, лучше сказать, самую ею развитыми научными и техническими проблемами. Развитие представления о научно-техническом прогрессе связано с идеей проектируемости всего и вся, т.е. принципиальной возможности и даже необходимости реализовать, осуществить, исполнить то, что задумано, замыслено, запроектировано в научных разработках и что по умолча-

нию является благом для человечества. Это связано с иллюзией того, что наука способна раньше или позже с достаточной степенью точности предсказать, предусмотреть, предвидеть и, по крайней мере, свести к минимуму всякие негативные последствия таких проектов. Это «тотальное» проектирование всего и везде привело первоначально к «безграничному» расширению содержания проектирования, доводящему идею проектной культуры до абсурда и приведшему, в конечном счете, к осознанию ее границ. Речь идет даже о создании «универсальной теории проектирования», которая должна позволить нам применять все наработанные человечеством знания для создания новых искусственных продуктов и систем — артефактов. Основная идея этой теории базируется на том, что не существует реальных различий между процессами проектирования в области инженерных продуктов, в архитектуре или строительстве, химии, микроэлектронике или микромеханике и т.д. По мнению ее адептов, каждый искусственный объект в мире, т.е. все, что не естественно, должно быть спроектировано человеческими существами, и задача такой Универсальной Теории Проектирования заключается в том, чтобы выработать общие методы, как это сделать⁸⁴. Но тогда возникает вполне законный вопрос об определении границ такого рода проектирования, поскольку объектом проектирования становятся не только машины и технические или человеко-машинные системы, но и материалы, из которых они созданы, химические соединения и даже молекулы. На современной стадии научно-технического развития выяснилось, однако, что научное человеческое знание не способно все предвидеть, что можно лишь предусмотреть определенную степень риска новых научных технологий. Сфера проектирования захватывает сегодня и область биологических организмов и их подсистем и даже микро- и наноструктур, а также, как было показано выше, и область социальных процессов. При распространении «естественнонаучного» взгляда на социальное и организационное проектирование как создание социотехнических систем (локальных и глобальных социальных структур) пришло осознание сначала того, что социально-технические системы нельзя проектировать, исходя лишь из тех-

нических требований и методов, а затем и того, что их вообще нельзя проектировать в традиционном смысле этого слова и необходимо переосмыслить самого понятия «проектирование».

На этом этапе происходит переход к исследованию и созданию «человекоразмерных» систем, при котором «поиск истины оказывается связанным с определением стратегии и возможных направлений преобразования» такой системы, что непосредственно задается гуманистическими ценностями. «С системами такого рода нельзя свободно экспериментировать. В процессе их исследования и практического освоения особую роль начинают играть знания запретов на некоторые стратегии взаимодействия, потенциально содержащие в себе катастрофические последствия»⁸⁵. Речь идет о выработке совершенно новой парадигмы научно-технического развития.

Примечания

- ¹ *Энгельмейер П.К.* Технический итог XIX столетия. М., 1898. С. 1.
- ² Reich der Erfindungen. Reprint der erschienenen Jubiläums-Ausgabe. Bindlach, 1998. S. III.
- ³ *Beck Th.* Beiträge zur Geschichte des Maschinenbaues. Berlin, 1899.
- ⁴ *Энгельмейер П.К.* Философия техники. М., 1912. Вып. 2. С. 33.
- ⁵ *Ридлер А.* Германские высшие учебные заведения и запросы двадцатого столетия. СПб., 1900. С. 12.
- ⁶ *Ридлер А.* Цели высших технических школ // Бюл. политехн. о-ва. 1901. С. 149, 154.
- ⁷ *Dingler* 81. Jg. Bd. 315, N. 16, 21.4.1900. S. 257.
- ⁸ *Dingler* 80. Jg. Bd. 311, N. 2, 14.1.1899. S. 21: «В общем техники думают, если они поставляют недорогой и хороший фабрикат, то свою общественную задачу они абсолютно выполнили, хотя это составляет только одну часть их задачи...».
- ⁹ «Для нас что-то значат только технические предметы: что есть общего во всех предметах ...размышлять об этом у нас нет ни времени, ни желания. Таким образом современный техник является первым, который не осознает главную сущность техники. Было бы чудом, если бы это делали другие!».
- ¹⁰ *Dingler* 80. Jg. Bd. 311, N. 9, 4.3.1899. S. 133. Энгельмейер упоминает здесь особенно Эгона Цёллера (E. Zöllner. Die Bedeutung der Technik und des technischen Standes in der Kultur, 1884). Это требование повторялось часто и позже, например, Георгом Биденкаппом (*Biedenkapp G.* Die soziale Wertung des Ingenieurs // Der Ingenieur, seine kulturelle, gesellschaftliche und soziale Bedeutung. Stuttgart, 1910. S. 24).

- 11 *Браун Х.-И.* Общие вопросы техники на рубеже XX в. О трудах П.К.Энгельмейера // Материалы междунар. конф. «Философия науки и техники – природа и техника на пороге 3 тысячелетия» /Под ред. В.Г.Горохова. М., 2005. С. 285–286.
- 12 *Ридлер А.* Германские высшие учебные заведения и запросы двадцатого столетия. СПб., 1900. С. 14.
- 13 *Браун Х.-И.* Общие вопросы техники на рубеже XX в. О трудах П.К.Энгельмейера. С. 282.
- 14 *Энгельмейер П.К.* Задачи философии техники // Бюл. политехн. о-ва. 1913. № 2. С. 113.
- 15 *Энгельмейер П.К.* В защиту общих идей в технике // Вестн. инженеров. 1915. № 3. С. 96.
- 16 *Kraft M.* Das System der technischen Arbeit. Leipzig, 1902. См. прим. 34, особенно с. 41, с. 443, а также гл. IX.
- 17 *Браун Х.-И.* Общие вопросы техники на рубеже XX в. О трудах П.К.Энгельмейера. С. 282–285.
- 18 *Энгельмейер П.К.* Газовое нефтяное производство и светильный газ вообще. В общепринятом изложении с теоретическими прибавлениями и указаниями на литературу. СПб., 1884 (Приложение к журналу «Технический сборник»).
- 19 *Энгельмейер П.К.* Мои автомобильные воспоминания // Соц. реконструкция и наука. 1936. № 2. С. 77–87 (см. также: Изобретатель и рационализатор. 1980. № 11).
- 20 *Милоков П.Н.* Очерки по истории русской культуры. Ч. 1. Население, экономика, государственный и сословный строй. СПб., 1909. С. 96, 97.
- 21 Отдел рукописей Гос. б-и им. В.И.Ленина. Ф. 441, кар. 3, ед. хр. 1, л. 163.
- 22 *Энгельмейер П.К.* Конспект лекций по философии техники. Ч. 1: История техники. Баку, 1922. С. 58.
- 23 *Энгельмейер П.К.* Мои автомобильные воспоминания. С. 77.
- 24 *Энгельмейер П.К.* О проектировании машин: Психол. анализ. СПб., 1890. С. 5.
- 25 *Энгельмейер П.К.* Об изобретении вообще и о гарантировании изобретательских прав на основании нашего закона о привилегиях // Зап. Моск. отд-ния Император. Рус. техн. о-ва. 1893. Вып. 3/4. С. 5.
- 26 Бюл. Политехн. о-ва. 1893/94. № 7. С. 87.
- 27 *Энгельмейер П.К.* Мои автомобильные воспоминания. С. 81–83.
- 28 Центральный гос. исторический архив г. Москвы, Ф. 633, оп. 2, ед. хр. 7, л. 50.; Центральный гос. исторический архив г.Москвы, Ф. 633, оп. 2, ед. хр. 9, л. 20 об.
- 29 Инженеры-механики, механики-строители, инженеры-технологи и прочие лица, окончившие курс в Императорском техническом училище и бывшем Ремесленном учебном заведении. М., 1898.
- 30 Письмо написано в 1913 г., выставка планируется на 1916 г. Последняя такая выставка была в Нижнем Новгороде в 1896 г.
- 31 Новое направление в высшем образовании вообще и в техническом в частности // Техн. сб. и вестн. пром-сти. 1900. № 6. С. 183–188, 187.

- 32 *Милуков П.Н.* Очерки по истории русской культуры. Ч. 1: Население, экономика, государственный и сословный строй. СПб., 1909. С. 130.
- 33 *E. von Mayer.* Technik und Kultur. Gedanken über die Verstaatlichung des Menschen. Berlin, 1906.
- 34 *Wendt U.* Die Technik als Kulturmacht in sozialer und in geistiger Beziehung. Berlin, 1906.
- 35 «Техника — это все, чему человеческая воля придает телесную форму» (*Eyth M.* Poesie und Technik // Zeitschrift des VDI. 1904. Bd. 48, № 31).
- 36 Вернер Зомбарт, например, понимает технику как инструментальную, производственную или экономическую технику (*Sombart W.* Technik und Kultur // Archiv für Sozialwissenschaft und Sozialpolitik. Bd. XXXIII. Tübingen, 1911. S. 307–308).
- 37 *Engelmeyer P.K.* Allgemeine Fragen der Technik // Dinglers Polytechnisches Journal. 1899. Bd. 312, H. 7. S. 97.
- 38 См.: *Kraft M.* Das System der technischen Arbeit. Leipzig, 1902. S. 665; *Zschimmer E.* Philosophie der Technik. Jena, 1913, 38; *Sombart W.* Der moderne Kapitalismus. Historisch-systematische Darstellung des gesamteuropäischen Wirtschaftslebens von seinen Anfängen bis zur Gegenwart. 2. Auflage. München—Leipzig, Bd. 3: Das Wirtschaftsleben im Zeitalter des Hochkapitalismus, 1927; Neudruck Berlin, 1987; *Dessauer Fr.* Streit um die Technik. Herder, 1959. S. 113.
- 39 *Engelmeyer P.K.* Allgemeine Fragen der Technik. S. 98.
- 40 *Dietz B.* “Technik und Kultur” zwischen Keiserreich und Nationalsozialismus. Über das sozio-kultureller Profil der “Zeitschrift des Verbandes Deutscher Diplom-Ingenieure” (1910–1941) // Technische Intelligenz und “Kulturfaktor Technik”. Münster—N. Y.—München—Berlin: Waxmann, 1996. S. 105–132.
- 41 *Ludwig K.-H.* Technik und Ingenieure im Dritten Reich. Königstein/Ts: Athenäum-Verlag; Düsseldorf: Droste, 1979. S. 49.
- 42 *Dessauer F.* Streit um die Technik. Kurzfassung. Frankfurt, 1956. S. 19–25.
- 43 См. разделы «Советы и техника» // *Dessauer F., Messinger K.A.* Befreiung der Technik. Stuttgrat—Berlin, 1931, S. 80–110. В тогдашней Советской России среди 3528 иностранных специалистов в 1932 г. работает 2063 германских инженера, техника и квалифицированных рабочих (см.: *Ludwig K.-H.* Technik und Ingenieure im Dritten Reich. Königstein/Ts: Athenäum-Verlag; Düsseldorf: Droste, 1979. S. 67).
- 44 Корни технократического движения находятся в США начала XX столетия. Основателем этого движения был инженер, изобретатель и адвокат в области патентного права Вильям Смит (William Henry Smith), который начиная уже с 1919 г. публикует серию статей в журнале «Industry Management» и даже пытался запатентовать само слово «technocracy», чтобы брать за его употребление в открытой печати определенные проценты. Одним из важнейших требований американских технократов было освобождение инженеров от зависимости от предпринимателей, т.е. противопоставление «служения обществу» и «национальным интересам» односторонним интересам («business intrests») крупных частных компа-

ний. Американские технократы образовали в 1919–1920 гг. так называемую Ньюйоркскую организацию «Технический альянс», в который вошел целый ряд известных инженеров, а американский экономист и философ Т.Веблен (Thorsten Veblen) в серии статей, вышедшей в 1919 г. под общим заголовком «The Engineer and Price System» в качестве «Манифеста технократов», подвел теоретический базис под это движение. Его основу составило утопическое представление о мифическом правящем «Совете техников» («Soviet Technicians»), сформировавшееся под влиянием Октябрьской революции в России, суть которого – в необходимости формирования в современном промышленном обществе особой общественной исполнительской инстанции – технического директората, ответственного за социальную справедливость. Впрочем, «Технический альянс» просуществовал лишь короткое время, до 1921 г. Только в 1932 г., во времена мирового экономического кризиса, снова появляется «Committee of Technostasy», подхвативший угасшие во время экономического подъема технократические идеи, обвинявший в экономическом кризисе предпринимателей и свободное рыночное хозяйство. Технократы противопоставляли анархии рыночного хозяйства плановую организационную модель, покоящуюся на законах термодинамики. Эти представления американских технократов были хорошо известны в Германии, где, однако, провозглашали технократию как чисто «германскую культурную ценность», противопоставляя ориентации американских технократов на материальные ценности «победу духа», лежащую в основании германской технократии. Именно этой позиции придерживалось Германское технократическое общество (Deutsche Technokratische Gesellschaft e. V. = DTG), основанное в 1933 г. в Берлине как преемник Технократического союза, выпускавшего журнал «Технократия». (См.: *Willeke S. Die Technokratiebewegung zwischen den Weltkriegen und der “Kulturfaktor Technik” // Technische Intelligenz und “Kulturfaktor Technik”. Münster–N. Y.–Berlin, 1996. S. 204–209.*)

⁴⁵ *Willeke S. Die Technokratiebewegung zwischen den Weltkriegen und der “Kulturfaktor Technik”. S. 203–204, 216.*

⁴⁶ *Jung E. Von der “Union der Techniker” zur “Technokratischen Union”. Ein verlorenes Jahrhundert // Technik voran! 1932. № 14.*

⁴⁷ См., например, публикацию выступления Дессауэра перед Союзом германской техники 18 февраля 1926 г., напечатанную отдельной брошюрой в серии этого союза: *Dessauer F. Bedeutung und Aufgabe der Technik beim Wiederaufbau des Deutschen Reiches. Berlin, 1926.* В этой своей речи Дессауэр с пафосом провозглашает: «Техника — это экономическая судьба Германии» (с. 4), причем техника сегодня выходит на первое, центральное место, а хозяйство и административное управление отступает на периферию.

⁴⁸ Его необходимость обосновывает в своей речи перед Союзом германской техники Фр. Дессауэр (*Dessauer F. Bedeutung und Aufgabe der Technik beim Wiederaufbau des Deutschen Reiches. Berlin, 1926. S. 10*). Он также выдвигает

ет идею государства как большого предприятия, где, как и на отдельных предприятиях, кроме управляющего директора должен быть технический директор. (См. также: *Ludwig K.-H. Technik und Ingenieure im Dritten Reich*. S. 40.) Эта идея фактически была реализована в Советском Союзе, где все инженеры были государственными служащими, а главный инженер (технический специалист — первоначально инженер старого образца — «спец», позже их место заняли инженеры нового социалистического поколения) управлял отдельным предприятием совместно с директором, как правило, неспециалистом, но проверенным проводником Советской власти. Сама Страна Советов также выступала как гигантское предприятие, вынужденное действовать в капиталистическом окружении вовне как государственно-капиталистическая система, хотя внутри него господствовали принципы планового (а фактически принудительного) хозяйства.

- 49 *Willeke S. Die Technokratiebewegung zwischen den Weltkriegen und der "Kulturfaktor Technik" // Technische Intelligenz und "Kulturfaktor Technik". S. 208–209, 212–213, 219.* В этой статье отмечается, что ведущую роль в этих дискуссиях сыграл Х.Харденсет, интенсивно публиковавшийся в журнале «Technik voran!», начиная с 1920-х гг. Его последняя публикация была в 1934 г. в журнале Германского философского общества (*Hardensett H. Technische Gesittung in USA und UdSSR // Blätter für Deutsche Philosophie. Zeitschrift der Deutschen Philosophischen Gesellschaft. 1933/34. № 7. S. 479–505*), а попытка издать книгу «Философия техники сегодня» натолкнулась на запрет нацистской цензуры, и эта работа так и не вышла в свет (см. там же, с. 219).
- 50 *Maier H. Nationalsozialistische Technikideologie und Politisierung des "Technikerstandes": Fritz Todt und die Zeitschrift "Deutsche Technik" // Rüstungsforschung im Nationalsozialismus. Organisation, Mobilisierung und Entgrenzung der Technikwissenschaften /Hg. von H.Maier. Serie: Geschichte der Kaiser-Wilhelm-Gesellschaft im Nationalsozialismus /Hg. von R.Ruerup und W.Schneider. Wallstein Verlag, 2000. S. 253–268.*
- 51 Вестн. инженеров и техников. 1936. № 2. С. 68.
- 52 *Инсаров А.С. Балтийско-Беломорский водный путь. М., 1934. С. 57.*
- 53 Там же. С. 57–59.
- 54 Беломоро-Балтийский канал им. Сталина: История строительства /Под ред. М.Горького, Л.Авербаха, С.Фирина. М., 1934. С. 80.
- 55 *Инсаров А.С. Балтийско-Беломорский водный путь. С. 8.*
- 56 Там же. С. 57.
- 57 Всероссийский союз инженеров и техников. СПб., 1906. С. 1.
- 58 *Рыкачев Як. Инженеры Беломорстроя. М., 1934 (Б-ка «Огонек», № 16). С. 3, 6, 13, 20, 38, 43, 40, 32.*
- 59 Центральный гос. архив народного хоз-ва СССР. Ф. 149.
- 60 Там же. Ф. 116.
- 61 *Рыкачев Як. Инженеры Беломорстроя. С. 25.*
- 62 *Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 14. Ч. 1. С. 223.*

- ⁶³ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 18, Ч. 1. С. 277.
- ⁶⁴ Пролетарский приговор над вредителями-интервентами. М., 1934. С. 36–37.
- ⁶⁵ Фирин С. Итоги Беломорстроя. М., 1934. С. 11.
- ⁶⁶ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 26. С. 32.
- ⁶⁷ П.А.Пальчинский занимал во Временном правительстве пост товарища ст.с. заместителя Министра промышленности и торговли и был долгое время председателем Русского технического общества. «Пальчинский расстрелян по приговору коллегии ОГПУ по делу о вредительстве в золото-платиновой промышленности» (см.: Материалы и обвинительное заключение по делу контрреволюционной организации (промышленная партия). Днепропетровск, 1930. С. 10).
- ⁶⁸ Центральный гос. архив Октябрьской революции (ЦГАОР) СССР. Ф. 3348, оп. 1, сд. хр. 695, л. 32–34.
- ⁶⁹ СОРЕНА. 1933. Вып. 3. С. 307.
- ⁷⁰ СОРЕНА. 1934. Вып. 2. С. 21.
- ⁷¹ Вестн. инженеров. 1930. № 11/12. С. 362.
- ⁷² Добров Г.М. Прогнозирование науки и техники. М., 1977. С. 98.
- ⁷³ Юдин Б.Г. Системный подход и принцип деятельности: Методол. пробл. совр. науки. М., 1978. С. 353.
- ⁷⁴ Государственный доклад «О состоянии окружающей природной среды Российской Федерации в 1999 г.». М., 2000.
- ⁷⁵ Об истории развития этого направления в нашей стране см. статьи В.М.Розина «Социальное проектирование (история вопроса и проблемы)» и «Методология проектирования в России (со второй половины 1960-х до конца 1980-х гг.)» // Этюды по социальной инженерии. От утопии к организации. М., 2002.
- ⁷⁶ Социальное проектирование. М., 1982. С. 20.
- ⁷⁷ Энгельмейер П.К. В защиту общих идей техники. С. 113.
- ⁷⁸ Шейн А.Б. Методологический статус системного анализа в сфере управления // Системные исследования. Ежегодник 1976. М., 1977. С. 131.
- ⁷⁹ Квейд Э. Анализ сложных систем. М., 1969. С. 26–27.
- ⁸⁰ Нанпельбаум Э.Л. Системный анализ как программа научных исследований – структура и ключевые понятия // Системные исследования: Методол. пробл. Ежегодник 1979. М., 1979. С. 57.
- ⁸¹ Grunwald A. Technik für die Gesellschaft von morgen. Möglichkeiten und Grenzen gesellschaftlicher Technikgestaltung. Frankfurt, 2000.
- ⁸² Grunwald A. Technikfolgenabschätzung – eine Einführung. Berlin, 2002. S. 54.
- ⁸³ Hartmann E.A. Umsetzung von TA in die Wissenschaft // Handbuch Technikfolgenabschätzung. Berlin, 1999. S. 327, 323–324.
- ⁸⁴ Universal Design Theory. Proceedings of the workshop, Karlsruhe, Germany, May 1998 /Ed. by S.Grabowski. Ryde, G.Grein. Aachen, 1998.
- ⁸⁵ Ст'нин В.С. Философская антропология и философия науки. М., 1992. С. 186.

Предсказание настоящего времени

А потом окажется, что мир давно грезил о том, о чем ему всего лишь нужно было иметь ясную идею, чтобы обладать этим в действительности.

*Письмо Карла Маркса
к Арнольду Руге (1843)*

Тот, кто сумеет нарисовать детальную и полностью адекватную картину будущего, просто не может быть человеком – это волшебник. Подобного пророка немедленно сочли бы крайне опасным и попытались изолировать от общества.

*Брюс Стерлинг,
американский писатель-фантаст (2002)*

Неожиданно, мгновенно – даже в краткосрочной исторической ретроспективе – *футурология* вдруг сделалась вполне университетским, академическим даже занятием. Любопытно что западная волна футурологии докатилась до нас примерно с таким же отставанием «по фазе», что и, например, генетика и кибернетика: 20–30 лет. Третья из великих «лженаук»! Однако заметим, что во всех трех случаях у колыбели этих научных направлений (или *научных идеологий*) стояли российские персонажи: кибернетики – Александр Богданов; генетики – Николай Вавилов, футурологии – Эдуард Циолковский...

Еще одно «любопытно»... Любопытно, что такой трансформации футурологии из «низкого жанра» в предмет академических студий мы обязаны прежде всего социологам, философам, политикам, социальным и политическим философам: Даниелу Беллу, Станиславу Лему, Алвину Тоффлеру, Збигневу Бжезинскому, Фрэнсису Фукуяме, Зигмунту Бауману, Мануэлю Кастелсу... Все они работают с *социальным*.

Этот факт служит для нас важным сигналом (знаком) или по крайней мере поводом проверить выдвигаемую мною рабочую гипотезу: **социальное проектирование** (далее – СП) – это **технологическое приложение футурологии**.

Попытке найти подтверждения этой рабочей гипотезе и посвящен нижеследующий текст.

1.

Прежде всего можно отметить, что сегодня абсолютно неясна судьба самого *социального* как такового. Что уж говорить о *социальном проектировании*, когда ставится под сомнение сама *социология*. «Более того, в ближайшее время, когда этот мир станет интегральным, обернется интегральной реальностью, в нем не останется ни одной живой души — он будет миром пустыни! И, безусловно, поскольку из него исчезнут всякая репрезентация, мы не обнаружим здесь никаких признаков социального контракта! То, что мы увидим, будет весьма безрадостным: мертвые воды интегральной социальности и плывущий по ним сгусток политического, некая старая льдина, выступающая площадкой для лжепредставления, которое дается не актерами, а фигурантами... Но, к счастью, пока еще существует и иная, особая, параллельная вселенная, вселенная, где происходят действительные события. И она вовсе не является объектом социологии! <...> Как можно и сегодня, когда изменения в мире очевидны, продолжать варить убогую социологическую похлебку на убогой кухне социологии?»¹.

И все-таки о какой параллельной вселенной, «где происходят действительные события» и которая «не зависит ни от социального, ни от политического», говорит Бодрийяр? Это, по всей видимости, Вселенная *технетического* (по Б.Кудрину)². То есть, в то время как социальность превращается в «бессубъектное сообщество», имеющее отношение «к фантазму в лакановском смысле — к потокам до-субъектных образов, находящихся за пределами индивидуального воображения»³, одновременно появляется возможность говорить о *социологии технетических объектов*. Признание этого факта, сознательное изучение и использование вытекающих из него законов существования нового социального — это, как мне кажется, единственная возможность для нашего вида — *homo sapiens* — приспособиться к неизбежности технологического прогресса. Это, по существу, и должно стать целью социального проектирования.

Второй момент, на который мне хотелось бы обратить внимание, — это проявление связи между футурологией и некоторыми синонимичными (или *как бы* синонимичными) понятиями⁴. То, что я вскользь уже упоминал как трансформацию футурологии из «низкого жанра» в предмет академических студий.

В СССР, например, футурологию отождествляли в лучшем случае с научной фантастикой (science fiction). А фантастика, наряду с детективами и в литературе, и в кино, относилась к жанрам третьестепенным, несерьезным. Точно такая же и сегодняшняя тенденция — сваливать в одну кучу horror (ужасы), fantasy (фэнтези) и фантастику. При этом забывают, что фантастика носит прежде всего когнитивный характер, тогда как фэнтези и хоррор — жанры, рассчитанные на эмоции, даже на физиологическое возбуждение. «Фантастика, в отличие от фэнтези и ужасов, имеет дело с альтернативными *вероятностями*», — замечает канадский культуролог Барри Кит Грант⁵.

«Альтернативные вероятности» — это и есть другое название для социального проектирования; и этот факт действительно сближает фантастику с футурологией и их обеих — с социальным проектированием. «Как будто грань между действительностью и воображением все более утончается и мы вступаем в мир, где вымысел становится формой знания о завтрашних вещах. <...> Если *научная фантастика* определяла наше видение будущего в уходящем веке (т.е., в XX в. — *А.В.*), то век наступающий принадлежит *фантастическим наукам*, которые будут непосредственно переводить наше воображение в знание будущих вещей, а знание — в их созидание», — отмечает американский культуролог и философ Михаил Эпштейн⁶.

Будущее желает быть актуализированным уже сегодня, медленно; потенциальное требует хотя бы названия, чтобы тут же предпринять попытку реализоваться.

Брюс Стерлинг — культовая фигура американского киберпанка, футуролог и «лихой журналист с сурово нахмуренными бровями, который участвовал в работе Давосского форума, сотрудничал с калифорнийскими аналитиками и скорбел о трагической утрате Управления технологической экспертизы конгресса США, — замечает, что — успешно справляющийся-

ся со своей работой футуролог – вовсе не пророк. Он должен не одерживать блестящие победы над будущим, а предсказывать *настоящее*⁷.

В итоге, важно отметить две позиции.

1. Социальное в современную эпоху, по-видимому, действительно претерпевает качественное изменение. Теперь это – *техносоциальное*⁸.

2. Главный и единственный, по большому счету, способ социального проектирования – порождение возможностей («альтернативных вероятностей»).

Констатация этих фактов приводит нас к формулировке следующего принципа: **управление социумом возможно только через техносоциальные (социотехнологические) проекты.**

Для футурологии, которая вся порождение, то есть название, потенциальных сценариев будущего, существует, как мне кажется, три принципиальных способа актуализации этих потенциалов (т.е. три способа социального проектирования):

1. Через гаджеты (от англ. – gadget: приспособление, принадлежность, *техническая новинка*; но также *безделушка, ерунда*), то есть через технические и технологические инновации.

2. Через создание особых знаковых систем, обладающих признаками вирусных инфекций; я их называю (вслед за У. Гибсоном) «семиотические фантомы»⁹.

3. Через сознательное конструирование правовых систем (законодательства).

Понятно, что все три перечисленных способа изначально очень туго переплетены и все время испытывают тенденцию к дальнейшей взаимной имплозии. (Очевидно, например, что конструирование законодательной базы в принципе можно считать разновидностью семиотического фантомостроения на основе технологических инноваций.) Предпринятое здесь обособление удобно лишь для выделения наиболее характерных видовых признаков каждого из перечисленных способов социального проектирования.

Три следующих параграфа будут посвящены последовательному описанию этих способов.

2.

Пожалуй, первый из перечисленных способов социального проектирования (т.е. производства Будущего) — через гаджеты, через технологические нововведения — не то чтобы самый простой, но самый очевидный. И это понятно. Сообщества *homo sapiens* всегда-то реагировали наиболее активно именно на технологические «штучки» (гаджеты). Просто сегодня это стало проявляться наиболее рельефно. Идеологии в отрыве от технологий не работают. Нельзя не согласиться с директором Института США и Канады РАН Сергеем Роговым: России в качестве национальной идеи нужен конкретный технологический проект¹⁰.

Политика наконец-то выкристаллизовалась до своей высшей, лишь слегка маскируемой формы — до научно-технической и технологической политики¹¹. Один из недавних примеров, подтверждающих сказанное, — события, связанные с президентскими выборами на Украине. Квалифицированная команда российских политтехнологов, командированная на Украину, чтобы обеспечить победный результат для одного из кандидатов, замечательно продемонстрировала свою беспомощность во время «оранжевой революции» осенью 2004 г. Осознание этого факта наступило достаточно быстро. Уже осенью-зимой 2005-го с Украиной заговорили не политтехнологи, а технологи в истинном, «технетическом» смысле слова. Газовые (шире — энергетические) технологии вполне эффективно «перекрасили» оранжевую революцию в голубую. Проигравший на президентских выборах «кандидат Москвы» сегодня возглавляет Правительство Украины (январь 2007 г.).

Энергетика — это вообще очень давний, можно даже сказать, древний фактор проектирования социума. Вся история человеческой цивилизации — это история искушения человека ростом энергопотребления. Когда кроманьонец добывал огонь, он имел дело с процессами в области энергий примерно 0,1 эВ на молекулу. Атомная энергия имеет дело с энергиями порядка 100 КэВ — 1 МэВ на атом. Может быть, первыми «гаджетами», оказавшими кардинальное влияние на структуру античного и средневекового европейского обществ, стали подкова и хомут.

Исследователи предполагают, что к появлению подков привело распространение римских дорог к северу¹². Неслучайно, что подкову, по-видимому, впервые начали использовать кельтские обитатели Альп около 400 г. до н.э. Но вот широкое распространение в Европе она получила гораздо позже, в VIII – XV в. н.э., практически в одно и то же время с новой упряжью, основным элементом которой стал хомут. То, что в течение нескольких столетий для лошади не было создано соответствующей ее анатомии упряжи, английский историк С.Лили считает одним из проявлений длительного технического застоя, начавшегося около 2500 г. до н.э. Без этих «гаджетов» — подков и хомута — по меньшей мере две трети энергии лошади, тянувшей повозку, тратилось впустую. (Притом, что энергетическая мощность лошади в 1,5 – 2 раза больше, чем быка¹³).

Дальнейшая цепочка социальных трансформаций, вызванных изобретением подковы и хомута, напоминает скорее цепную реакцию. Известный итальянский историк К.Чиппола полагает, что распространение лошадей в Западной Европе сопровождалось существенным расширением применения железа в сельском хозяйстве: прежде всего железо требовалось для подков. «Переход от быка, как основного тяглового животного, к лошади имел большое значение, энергетический потенциал общества существенно возрос. Тягловые животные были тогда основным источником энергии, весь технологический уклад, сложившийся в аграрной экономике Европы к XII–XIII вв., базировался на их использовании. Применение лошадей вывело на совершенно иной уровень и работу ремесленников, прежде всего кузнецов, — отмечает исследователь Александр Иголкин. — В Англии того времени около 70% используемой энергии приходилось на тягловую силу домашних животных. Можно сказать, что появление новой системы упряжи лошадей привело к появлению принципиально нового аграрно-технологического уклада, позволило осуществить в Европе “Великую распашку”»¹⁴.

В современном обществе роль энергетических гаджетов возросла на много порядков. Если бы Россия главной темой своего председательствования на саммите G8 летом 2006 г. не избрала энергобезопасность, нас бы никто не понял. Недаром, например, составители доклада Национального разведыватель-

ного совета США «Контурь мирового будущего-2020» без обидьяков констатируют: «...Россия, как самый крупный за пределами ОПЕС поставщик энергии, будет находиться в чрезвычайной выгодной позиции, оперируя своими нефтяными и газовыми резервами для достижения своих целей во внешней и внутренней политике»¹⁵. Самое замечательное, что просчитать последствия – положительные и отрицательные – проведения такой политики (или, наоборот, непроведения) можно с точностью, если не до килоджоулей, то до мегаджоулей – это точно¹⁶.

Собственно в этом вся квинтэссенция современной борьбы за углеводороды (нефть, газ, уголь) и некоторые другие виды сырья (пресную воду, например, и вообще за гидроэнергетические ресурсы). Именно энергетические мотивы – стержень большинства геополитических процессов после изобретения Рудольфом Дизелем пригодного для широкого использования двигателя внутреннего сгорания (ДВС).

Пожалуй, именно автомобиль можно назвать одним из главных мега-гаджетов XX века.

В 1895 г. в США было 4 автомобиля; к 2010 г., по оценке Мирового банка, количество автомашин на Земле достигнет 1 миллиарда. Это означает фактически удвоение существующего ныне уровня потребления энергии. Впечатляет и экспоненциальная динамика распространения этого «гаджета» (см. таблицу):

Рост числа автомобилей в США и в мире

Год	США	В остальных странах мира	Итого в мире
1930	23,0	6,9	29,9
1940	27,5	9,7	37,2
1950	40,3	9,7	50,1
1960	61,7	36,6	98,3
1970	89,2	104,2	193,5
1980	121,6	198,8	320,4
1990	133,7	311,2	444,9
1997	131,0	369,0	500,0

Источник: *Ергин Д.* Добыча. Всемирная история борьбы за нефть, деньги и власть /Пер. с англ. М.: ДеНово, 1999. 968 с.

Такой тотальный гаджет, естественно, не мог не повлиять на поведение и образ жизни миллиардов людей на планете. К примеру, в США распространение автомобиля вызвало бум «пригородизации», изменило облик и инфраструктуру американских городов. Число индивидуальных построек увеличилось с 114 тыс. в 1944 г. до 1,7 млн в 1950 г. С 1945 по 1954 г. 9 млн людей переехали жить в пригороды. Всего с 1950 г. по 1976 г. число американцев, живущих в больших городах, выросло на 10 млн, а в пригородах — на 85 млн. К 1976 г. в пригородах жило больше американцев, чем в больших городах или в сельской местности¹⁷. Достаточно соотнести эти данные с данными приведенной выше таблицы, и смысл понятия «американский образ жизни» приобретает вполне реальное, материальное воплощение.

«“Пригородизация” сделала автомобиль насущной необходимостью, и сельский пейзаж изменился в соответствии с требованиями проникающей всюду машины. Горизонты этой новой Америки были низкими, возникли новые учреждения, отвечающие нуждам жителей пригородов. Торговые центры с большими бесплатными автостоянками стали центром притяжения потребителей и продавцов. В 1946 г. в Америке было лишь 8 торговых центров. В 1949 г. в Северной Каролине был построен первый специально спланированный крупный центр розничной торговли. К началу восьмидесятых годов было уже 20 тыс. крупных торговых центров, и они осуществляли две трети всех операций в розничной торговле. Первый полностью крытый с искусственным климатом супермаркет появился в 1956 г. в Миннеаполисе», — отмечает Дэниел Ергин.

В 1956 г. президент США Дуайт Д. Эйзенхауэр с гордостью подчеркивал: «Площадь всего дорожного покрытия такова, что на ней могут уместиться две трети всех автомобилей США. Из бетона, пошедшего на строительство дорог, можно... проложить 6 пешеходных дорог до Луны».

Неудивительно, что этот и подобные ему факты дают повод для весьма кардинальных выводов. Например: «Если сказать шире, то вся современная архитектура — не что иное, как громадное приспособление, позволяющее людям ускорить и упорядочить их перемещения»¹⁸.

Но автомобиль — и это, возможно, самое главное при рассмотрении темы влияния гаджетов на социум — «перелопатил» не только пейзаж США. Он «переформатировал» мозги американцев, а заодно и значительной части остального населения мира. Некоторые ученые полагают, например, что изобретение стартера, позволившее женщинам самостоятельно заводить автомобиль, привело к тому, что представительницы слабого пола занялись бизнесом, а это в свою очередь открыло дорогу эмансипации¹⁹. Даже вспыхнувшей во всем мире в 20-е гг. XX в. моде на женскую короткую стрижку «боб» мы обязаны автомобилю: женщинам, работавшим на конвейерах Генри Форда, просто из соображений техники безопасности приходилось укорачивать свои прически. Потом «боб» вошёл в обиход и представительниц высшего общества, став хитом модных салонов.

По данным социологического исследования 60-х гг. прошлого века, почти 40% предложений о браке в США были сделаны в автомобиле. 90% американских семей проводят свой отпуск на колесах; к 1964 г. суммарное количество автотуристов за всю историю страны составило 5 миллиардов человек.

«...Мы должны предвидеть воздействия технического нововведения на социальную, культурную и психологическую среду, — справедливо замечал классик футурологии Алвин Тоффлер. — Широко распространено убеждение, что автомобиль изменил лицо наших городов, потеснил домовладение и систему розничной торговли, изменил сексуальные традиции и ослабил семейные связи. На Среднем Западе быстрому распространению транзисторных радиоприемников приписывается связь с усилением арабского национализма. Контрацептивы, компьютеры, космические достижения, как и изобретение и распространение таких «мягких» технологий, как системный анализ, — все несут в себе значительные социальные изменения»²⁰. Кстати, написано это было еще в 1970 г.

Пример автомобиля как гаджета, повлиявшего и продолжающего активно влиять на социумы, весьма впечатляет. Но у него есть некоторые специфические особенности, которые парадоксальным образом ставят этот мега-гаджет особняком в современном мире. Во-первых, в случае с автомобилем мы имели дело с «бессознательным» социальным проектированием:

изобретению автомобиля не предшествовало какое-либо сценарное прогнозирование последствий этого изобретения; автомобиль сначала был создан, а потом уже изумленные социологи стали фиксировать совершенно неожиданные последствия распространения автомобиля. Более того, с самого начала почти никто и не верил в то, что этот самодвижущийся механизм может хоть сколько-нибудь заметно повлиять на жизнь людей. «Ничто не может сравниться с коляской, запряженной лошадью», — настаивал Чонси Депью, президент Центральной железнодорожной компании Нью-Йорка, отговаривая своего племянника от вложения денег в новую компанию Генри Форда.

Во-вторых, автомобиль — это именно мега-гаджет не только в идеологическом, но и в материальном смысле слова: в карман его не положишь.

В условиях постиндустриального мира, когда мы имеем дело с информационными технологиями (ИТ), или, как их называет А.Тоффлер, «мягкими» технологиями, гаджеты уже изначально создаются с намерением определенным образом повлиять на тип поведения людей. Все заранее и тщательно продумывается в недрах транснациональных корпораций²¹. Это во-первых. И, во-вторых, уже не мы становимся частью гаджетов, как в случае с автомобилем, а гаджеты становятся буквально частью нас²². Гаджеты лезут во все дыры: в карманы нашей одежды, в ушные раковины, под кожу.. Все эти факторы и определяют тренд: в XIX в. изготавливали механизмы, в XX в. — изделия, а в XXI производят штуковины.

«Термин «штуковина» гораздо лучше и точнее термина «машина», — уверен Брюс Стерлинг. — Потому что штуковины — это маленькие чудачковатые машинки с очень короткой жизнью²³. <...> В «изделии» форма определяется функциями. Оно не слишком украшено — это было бы нерационально и неэффективно, так как увеличивает стоимость собираемой на конвейере продукции. Для штуковины функция и является украшением. У штуковины, такой как мобильный телефон или обувь для бега, больше функций, чем пользователь когда-нибудь сумеет изучить, подчинить себе или реально использовать. Они и задуманы так, чтобы обладать чрезмерной и даже нелепой функциональностью... Штуковина — не «машина» и не «из-

делие». Она не хочет, чтобы вы выполняли какую-то конкретную задачу. Она стремится к тесным взаимоотношениям, она хочет физической близости — всегда быть с вами, как, к примеру, ваши брови. Она хочет, чтобы вы постоянно занимались ею, постоянно нажимали ее кнопки, хранили верность фирме-производителю и зависели от ее услуг»²⁴.

В этой связи мне представляется важным подчеркнуть следующее обстоятельство.

Социальное проектирование — это фактически понуждение к взаимодействию в рамках сконструированных нами (социальными конструкторами) правил. Но все дело как раз в том, что очень редко удается так сконструировать эти правила, чтобы субъекты социума (равно как и технетические субъекты) стали по ним играть, реформируясь в «бессубъектное сообщество», то есть в объект социального проектирования. Субъекты обоих типов каким-то непостижимым образом ускользают из игры по предложенным правилам, проявляя при этом поистине протейческую текучесть. Гораздо чаще такое реформирование происходит спонтанно. Картина усложняется, становится трудно предсказуемой еще и потому, что в системе возникают и обратные реакции (feedback): свойства продукта/гаджета определяются пользователями, а не инженерами.

Никто не мог предположить, например, что изобретение в 1970-е гг. пульта дистанционного управления (ДУ) телевизором изменит не только саму стратегию просмотра ТВ, но и наше восприятие действительности. А ведь кажется, что инженеры японской корпорации АКАИ, создавая ДУ, решали вполне банальную, частную техническую задачу: облегчить человеку функцию переключения программ телевизионного приемника... Но в итоге изменилось само восприятие: теперь мы смотрим несколько программ одновременно или вообще не смотрим. Появилось такое социальное явление (даже психическая нозология), как заппинг (от англ. *zapping* — раз-раз; пережигание перемычек) — «перепрыгивание» с канала на канал. Под эту стратегию просмотра вынуждены подстраиваться рекламодатели — обратите внимание: в прайм-тайм по всем основным телевизионным каналам рекламные блоки транслируются почти одновременно. Реклама фатальна и неотвратима²⁵!

Совершенно непредсказуемые последствия, в смысле социального проектирования, могут нести с собой и совсем уж, казалось бы, безобидные гаджеты — детские игрушки, например.

Барби, пластиковая «двенадцатидюймовочка», — самая известная и самая продаваемая кукла в истории. К началу 1970-х гг. с момента появления в 1959 г. в мире было продано более 12 млн экземпляров этой куклы, а это больше населения Лос-Анджелеса, Лондона или Парижа. Компания Mattel, Inc, создатель Барби, продает для нее целые коллекции одежды. Кукла Барби с ее неестественными пропорциями лица и тела тем не менее фиксируется в качестве эталона уже в детском подсознании. «Девочки с малолетства пытаются соответствовать своему кумиру — в результате в современном западном обществе остро встала проблема борьбы с анорексией. Школьницам постоянно кажется, что они страдают повышенным весом, и они стараются ограничивать себя в еде, а то и вовсе отказываются от пищи и попадают в клиники с серьезными эндокринологическими и психическими нарушениями. Стараясь соответствовать вымышленному идеалу Барби, некоторые женщины решаются на самые отчаянные поступки. Например, американка Синди Джексон перенесла 27 пластических операций лица и тела, чтобы походить на Барби»²⁶.

По мнению руководителя «Центра эволюционной антропологии Института этнологии и антропологии РАН», профессора Марины Бутовской, кукла Барби, как ни странно, действительно представляет собой вариант выраженной сексуальности. «У нее есть все те признаки, которые действуют возбуждающе на мужчину, — подчеркивает профессор Бутовская. — Здесь все продумано. Когда создавалась эта фигурка, все было просчитано правильно. За исключением одной детали.

Американцы не учли, создавая Барби, что в США присутствуют и другие расовые типы. Тем самым они сильно ущемили детей афроамериканцев и латиноамериканцев, равно как и выходцев их Азии. У маленьких афроамериканок появились даже проблемы с собственной идентичностью: девочки хотели походить на эту куклу Барби и очень часто, когда им показывали людей разных рас и просили сказать, к какой из этих рас принадлежат они сами, эти афроамериканки показывали на

портреты европейцев. Проблема оказалась столь серьезной, что в итоге, после целого ряда выступлений и докладов антропологов, были созданы черная подружка Барби, а потом и подружка-индианка. Это имеет смысл, потому что когда идет формирование гендерного стереотипа у детей, то игрушки, конечно, очень сильно влияют на этот стереотип»²⁷.

Последний пример, который мне хотелось бы рассмотреть в этом параграфе, касается еще одной разновидности гаджетов (отнюдь не последней, конечно²⁸) — инфраструктурных гаджетов.

Организация экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) опубликовала в 2006-м г. отчет об уровне развития высокоскоростного интернета в 30 странах, входящих в ее состав. Оказалось, что Япония занимает первое место, обгоняя США, по количеству компьютеров (4,6 млн.), подключенных к Сети через волоконно-оптические линии связи (ВОЛС). А в Южной Корее количество пользователей ВОЛС выросло во второй половине 2005 г. на 52,4%. В этой связи уместно будет вспомнить замечание канадского социолога Маршала Маклюэна, сделанное еще в середине 1960-х гг.: «Электрические скорости создают центры повсюду. Периферии на нашей планете исчезают».

Именно поэтому определение России как «либеральной империи» (А.Б.Чубайс) отдает шизофренией. Тут уж одно из двух: или ты строишь империю («вертикаль власти»), или обеспечишь своих граждан средствами коммуникации без всяких ограничений. Не сильно преувеличивая, можно даже утверждать, что сегодня демократия измеряется километрами волоконно-оптических линий связи (ВОЛС). По данным консалтинговой компании UBS Warburg, в 2004 г. мировой объем производства оптоволокна достиг 113 млн км. На долю США приходится около 55% общей протяженности сети оптических кабелей в мире.

Количество россиян, использующих широкополосный доступ в Интернет, увеличивается ежегодно в два раза и к 2010 г. достигнет 7,9 млн человек (данные исследовательской компании iKS-Consulting). «То есть все технические новшества используются людьми с такой скоростью, как только они смогут добраться до этих новшеств, — справедливо считает Жан-Пьер Вандромм, главный управляющий телекоммуникационной

компании «Голден Телеком». — Если бы в РФ люди могли получить broadband (широкополосную сеть) по разумным ценам — 250—300 рублей в месяц, 7,9 млн человек набралось бы гораздо раньше, чем к 2010 г. Нет смысла использовать традиционную телефонию, если есть broadband»²⁹.

И все-таки информационного «взрыва» на широкой полосе, подобного тому, что произошел в Южной Корее, Англии, Японии или в США, в России пока не предвидится. Скрестить империю с современными ИТ не получится. Если, конечно, мы не хотим плодить мутантов вроде АСУ ТП общегосударственного уровня, как в СССР. Задача тогда ставилась вполне конкретно: «...создать общегосударственную автоматизированную систему сбора и обработки информации для учета, планирования и управления народным хозяйством на базе государственной сети вычислительных центров и единой автоматизированной сети связи страны» («Директивы XXIV Съезда КПСС по пятилетнему плану развития народного хозяйства СССР на 1971—1975 гг.).

Но сама идея жестко централизованной общегосударственной системы учета и управления всего и вся была обречена именно потому, что электрические коммуникации противопоставлены империям. «Электричество не централизует; оно децентрализует <...>. Электрическая энергия, одинаково доступная человеку как в фермерском домике, так и в номере люкс для важных чиновников, позволяет любому месту быть центром и не требует агрегаций», — отмечает тот же Маклюэн³⁰. Другими словами, КПСС сама себе выдала заказ на изготовление оружия, которое и выстрелило в «советскую империю».

А все потому, что руководству страны как-то не верилось в то, что воспроизводство общества — это не воспроизводство особей, а воспроизводство коммуникаций.

Отсюда еще одно «железное» правило практического футуролога: естественный цикл социального проектирования составляет около двух лет (точнее 18 месяцев). Эмпирический «Закон Мура», сформулированный одним из основателей корпорации Intel Гордоном Муром еще в 1965-м г.: производительность электронных микрочипов удваивается каждые 18 месяцев — это цикл естественного развития современных техноло-

гий, а следовательно, и цивилизации. Закон Мура задает ритм (темп) глобализации. «Пятилетка» — это волюнтаристическое планирование. (Не зря, кстати, в СССР «пятилетку» все время пытались выполнить в четыре, а то и в три года! Парадоксально: принимая пятилетний план развития народного хозяйства, от этого народного хозяйства постоянно требовали: «Пятилетку — в четыре года!».) С появлением микрочипов, а еще чуть раньше, с изобретением транзистора, этот «подкорковый» инстинкт социалистической экономики к сжиманию времени социального проектирования обрел как бы вполне материальную причину, вызывающую имплозию...

Летом 2007-го г. российское правительство впервые приняло новую систему планирования госбюджета — трехлетнее планирование. Мечта советского правительства — «Пятилетку — в три года!» — получила законодательное воплощение. Планирование бюджета на год — это было слишком мало; трехлетнее планирование — приближение к естественным циклам развития современных социо-техноценозов. Абсолютно прав российский литератор Дмитрий Александрович Пригов: «Литература должна меняться с той скоростью, с какой меняется тип чипа в компьютере»³¹.

3.

Энергополитика, биополитика, гидрополитика и т.д. — все это не что иное, как конструирование социального через предъяснение материального. Этот процесс «расколдовывания» Будущего от вечного сна с помощью той или иной волшебной палочки — гаджета — порой выглядит действительно магически.

Но еще больше «магического» во втором отмеченном нами способе социального проектирования — через создание особых знаковых (вирусных по сути) систем, «семиотических фантомов». К таковым можно отнести, например, мифологические, религиозные, эзотерические, культурологические доктрины, моду и проч. Уникальность современной ситуации состоит в том, что синергетические процессы привели к рождению совершенно неизвестного раньше феномена — семиотических

фантомов эпохи цифровых технологий. Очень показательным в этом смысле функционирование в современном обществе уфологической традиции.

В университете Калабрии (г. Удинезе, Италия) в октябре 2005 г. состоялся первый Международный научный симпозиум, посвященный неопознанным летающим объектам (НЛО). Как было заявлено в анонсе мероприятия, организованного Национальным уфологическим центром (в 2005-м г. этой организации исполнилось 40 лет — sic!), главная тема симпозиума — возможность открытия неизвестной до сих пор разумной внеземной цивилизации.

Но какое отношение имеет все это к рассматриваемой нами теме?

«Я готов поверить в пришельцев, но только не в тех, которые один к одному выглядят как инопланетяне из комиксов пятидесятых годов. Это — семиотические фантомы, осколки подспудных фантазий в рамках определенной культуры, которые откололись и обрели собственное бытие. <...> Канзасским фермерам до сих пор постоянно видятся воздушные корабли Жюль Верна». Американский писатель Уильям Гибсон вложил эти слова в уста одного из героев своего рассказа «Континуум Гернсбека»³². В них, как представляется, схвачена самая суть феномена: НЛО есть не что иное, как семиотические фантомы. Другими словами — знаки.

Как отмечает антрополог Т.А.Новичкова, «под знаком «научного» мифа появились солярные и метеорологические теории, объяснявшие фольклорные сюжеты и верования <...> Работая с городским современным фольклором, исследователи, прежде всего зарубежные, убедились, что и сегодня массы людей находятся под прессингом самых разнообразных мифов и руководствуются ими в рамках новых традиций»³³. Миф — это принципиально семиотический объект: динамическая система знаков, их совокупность и когерентное сцепление. Возможности манипулирования массовым сознанием посредством порождения и распространения семиотических фантомов в принципе практически неограниченны. Однако в любом случае знаки все-таки должны что-то означать. Что может означать семиотический фантом (знаковый объект, *мем* — см. прим. 9) под названием «НЛО»?

Наверное, с позиций Комиссии Российской академии наук по борьбе с лженаукой и фальсификацией научных исследований все это можно оценить как возврат в Средневековье. («Дикая отравка, которую скармливают людям, ведет к одичанию общества. Кому же нужно загонять страну в Средневековье?» — пафос председателя упомянутой Комиссии, академика Эдуарда Круглякова, вполне объясним.) Но, возможно, дело обстоит как раз с точностью до наоборот: уфологическая «пандемия» — индикатор наступающего «постчеловеческого будущего». Фрэнсис Фукуяма этот парадокс формулирует вполне четко: «Люди, конечно же, быстро сообразили, что эти два события — крах тоталитарных империй и возникновение персонального компьютера, как и других видов дешевых информационных технологий, от телевизора и радио до факса и электронной почты — довольно тесно взаимосвязаны. Тоталитарное правление требует сохранения монополии режима на информацию, а современная технология, делая ее невозможной, подрывает мощь режима»³⁴.

НЛО-мифология — это первый продукт такого тотального медиа, как телевидение.

Первое, признанное уже каноническим, сообщение об НЛО, привлекшее массовое внимание публики к этому феномену, было сделано 24 июня 1947 г. В этот день американский пилот и бизнесмен Кенес Арнольд летел на своем личном самолете по направлению к Якима (штат Вашингтон). Зная, что в горах по ходу его маршрута недавно разбился военный самолет, Арнольд решил пролететь над этим местом, надеясь увидеть остатки самолета. Когда он подлетал к зоне аварии, он вдруг заметил в небе странные дискообразные предметы. Их было девять штук. По показаниям Арнольда, объекты перемещались со скоростью 2700 км/час. Скорости немыслимые для авиации того времени.

Так семиотический фантом был создан и далее начал воспроизводиться. Принципиально важно, что этот процесс совпал с началом эры взрывного развития телевидения и электронных масс-медиа вообще.

Уже в 1951 г. телевидение в США стало приносить прибыль, хотя охвачено вещательным телевидением было всего 9% домохозяйств. В 1960 г. 87% американских семей были абонента-

ми вещательного телевидения. В 1987 г. 87,4 млн американских домохозяйств имели телевизоры, из них 82,7 млн — цветные. Кабельным телевидением на начало 1988 г. было охвачено 52% домохозяйств США.

Похожая картина складывалась и в мире. Так, за десятилетие (1967—1977) количество телевизоров в домохозяйствах Франции увеличилось в 10 раз. В 1990 г. на планете было 800 млн телевизоров (в СССР — 90 млн). Ежегодно во всех странах мира выпускалось 70 млн. телевизоров, в том числе в Китае — 14 млн, в Японии — 13,6 млн, в СССР — 9,7 млн, в Южной Корее — 9,6 млн, в Германии — 3,8 млн, во Франции — 1,2 млн. На 1000 человек населения приходилось в США 646 телевизоров, Великобритании — 457, Франции — 365, СССР — 310. По экспертным оценкам, в 2000 г. количество телевизоров в мире превысило 1,3 млрд штук.

Становление ТВ как тотального медиа не могло не привести к тому, что все новые массовые мифы стали распространяться с невиданной раньше скоростью. Сегодня средний европеец проводит перед телевизором около 4-х часов в день. Для среднего американца время потребления ТВ составляет 4,5 часа в день. В то же время на общение со своими домашними занимает в среднем 14 минут³⁵. А если учесть, что телевидение транслирует не столько саму информацию, сколько эмоциональную оценку этой информации³⁶, то теперь можно говорить о рождении абсолютно нового, неизвестного раньше феномена — семиотических фантомов эпохи глобализации (эпохи цифровых технологий).

Каковы последствия появления такого эффективного инструмента (и среды) мифотворчества? Показательный в этом плане эпизод. Профессор городского колледжа Сакраменто Уэйн Андерсон в 1996 г. провел эксперимент со своими студентами. Он предложил им ответить на ряд вопросов о возможных контактах с представителями внеземных цивилизаций. «В результате опроса выяснилось, что подавляющее большинство студентов скопировало ответ из известных телепередач на эту тему. «Что меня поразило больше всего, — пишет Андерсон, — так это почти поголовное доверие студентов (выходцев из высших и средних слоев общества — будущей правящей элиты стра-

ны) телевизионным развлекательным программам, которые стали для них главным ориентиром в ответе на сложный вопрос». Многие студенты, правда, отрицали, что в качестве доказательства они опирались на сюжеты фантастических телефильмов. Однако «почти половина ребят не смогли привести в подтверждение своих гипотез ни одного источника, кроме телефильмов»³⁷.

В этой связи мне представляется симптоматичной статистика, обнаруженная мною на одном из интернетовских сайтов. Оказывается, по количеству «засеченных» в год НЛО первое место занимают США.

После этого ничего удивительного нет в том, что именно США — абсолютный лидер в исследовании самого феномена НЛО. Причем эти исследования стартовали как раз в 1947 г. Именно тогда начались регулярные социологические опросы в США. (Тогда же, в 1947 г., была создана Американская ассоциация исследователей общественного мнения. Еще через 10 лет, в 1957 г., организован Роуперовский научно-исследовательский центр общественного мнения, а в 1963 г. — служба Луиса Харриса по проведению общенациональных опросов. Знаменитый Американский институт общественного мнения, больше известный как Институт Гэллапа (служба Gallup), был основан несколько раньше — в 1935 г.)

1950 год. 94% жителей США верили в летающие тарелки.

1966 год. Согласно опросу Гэллапа, свыше 5 млн жителей заявили, что действительно видели летающее блюдо, а около 50 млн — почти половина взрослого населения США — верит в реальность НЛО.

1968 год. 40% опрошенных американцев считали, что НЛО — космические корабли с другой планеты.

1977 год. Очередной опрос показал, что не только половина взрослого населения США верит в НЛО, но и свыше 15 млн заявляют, что видели их.

1992 год. Согласно опросу Роупера, около 3,7 млн американцев заявили, что похищались инопланетянами.

2003 год. По данным Virginia Commonwealth University, 34% американцев считают, что «летающие тарелки» и привидения — не выдумки, а реальность.

Жан Бодрийяр еще в 1968 г. писал как будто специально по этому поводу: «*От масс постоянно требуют, чтобы они подали свой голос* (выделено мною. — *A.B.*), им навязывают социальность избирательных кампаний, профсоюзных акций, сексуальных отношений, контроля за руководством, празднований, свободного выражения мнений и т.д. На то, чтобы удержать эту массу в состоянии управляемой эмульсии и защититься от инерции ее неконтролируемой тревожности, тратится огромная энергия. Воля и репрезентация над массой уже не властвуют, но она сталкивается с напором диагностики, чистой пронизательности. Она попадает в безграничное царство информации и статистики. <...> Отсюда эта бомбардировка массы знаками, на которую ей полагается отвечать подобно эху. Ее и исследуют методом сходящихся волн, используя световые и лингвистические сигналы, совсем как удаленные звезды или ядра, которые бомбардируют частицами в циклотроне. На сцену выходит информация. Но не в плане коммуникации, не в плане передачи смысла, а как способ поддержания эмульсионности, реализации обратной связи и контролируемых цепных реакций...»³⁸.

По мнению академика Павла Симонова, актуальное состояние мифотворчества имеет психофизиологические аналогии с состоянием гипноза. При этом в ряде исследований было показано, что по мере гипнотизации человека у него нарастает электрическая активность именно правого полушария, которое начинает преобладать над активностью левого. С этой точки зрения массовость сообщений о наблюдавшихся «аномальных» явлениях (например, сообщения нескольких сот жителей Бельгии о неопознанных летающих объектах в ноябре 1989 г.) не только не свидетельствует о реальности существования НЛО, но скорее дает повод думать о взаимном индуцировании наблюдателей. (Речь идет о более чем 150 свидетельствах жителей маленького бельгийского городка Юпен, в которых утверждается, что 29 ноября 1989 г. в небе над Юпеном они наблюдали НЛО³⁹.)

В качестве иллюстрации возможного социально-психологического «эха» подобной «бомбардировки знаками» приведу лишь несколько отрывков из целой серии объемистых

писем, которые я получаю в течение вот уже почти десяти лет от некоего Сергея К. (Сохранены орфография и пунктуация оригинала.).

«В настоящее время земное человечество очень сильно переоценивает значение для цивилизации компьютерной техники и робототехники <...>. В реальности это — подброшенная людям для их эксплуатации и закабаления, а также чтобы как можно дольше удерживать людей — как «кабанов на ферме» на планете и не выпускать в космос... Опасность компьютерной техники и робототехники связана с фактическим наличием невидимого разумного энергетического мира ненашей материальности средой обитания которого является космос (объекты этого мира присутствуют и в земной атмосфере), поскольку небольшие эфирные структуры этого мира могут подходить и подключаться к указанной технике, делая ее разумной и обладающей свойствами личности даже в современных ее модификациях — не говоря уже что для этих целей могут быть созданы специальные схемные блоки (такие блоки уже очень давно используют некоторые технические цивилизации — при этом были случаи восстания подобных «разумных машин» с гибелью большого количества представителей данных цивилизаций)!!! Серии фантастических кинобоевиков «Терминатор» неплохо демонстрируют идею таких «разумных машин» и чем она может закончиться для цивилизации».

Этот пример — очень фактурная иллюстрация к проблеме происхождения семиотических фантомов. Действительно, сюжет, когда человечество и окружающая нас действительность, вроде бы данная нам в ощущениях, — всего лишь артефакт деятельности гигантского метакомпьютера (Матрицы), уже стал культовым в массовой культуре. Свидетельство тому — феноменальный успех (и не столько даже коммерческий, сколько интеллектуальный) кибертриллера братьев Вачовски «Матрица»: «*Matrix*» (1999), «*Matrix Reloaded*» и «*Matrix Revolutions*» (2003). Первая «Матрица» стала первым же фильмом, чей тираж на DVD-носителях превысил миллион копий. Эту картину уже окрестили «фильмом онтологических ужасов».

Кстати, обратим внимание, что один из крупнейших американских специалистов по кинофантастике, профессор факультета кино, телевидения и цифровых медиа Университета Калифорнии (Лос-Анджелес, США) Вивин Собчак подчеркивает: «... американское фантастическое кино сформировалось как жанр с ясно различимым корпусом текстов лишь в 50-е гг.

XX в. Это жанр послевоенный и постмодерный»⁴⁰. Фильмография того периода, сформировавшая канон фантастического кино вообще, выглядит весьма красноречиво в контексте рассматриваемой нами темы:

«Тварь из другого мира» (*The Thing from Another World*), 1951, США;

«Война миров» (*The War of the Worlds*), 1953, США;

«Это пришло из космоса» (*It Came from Outer Space*), 1953, США;

«Захватчики с Марса» (*Invaders from Mars*), 1953, США;

«Земля против летающих тарелок» (*Earth vs. Flying Sausers*), 1956, США;

«Вторжение похитителей тел» (*Invasion of the Body Snatchers*), 1956, США;

«Я вышла замуж за космическое чудовище» (*I Married a Monster from Outer Space*), 1958, США;

«Мозг с планеты Арус» (*The Brain from Planet Arous*), 1958, США.

Как видно из рассмотренных примеров, и здесь мы сталкиваемся с последствиями синергетического со-действия двух современных средств коммуникации: «холодного» — телевидения и «горячего» — кино (см. прим. 36). Социальные последствия такого сжатия порой бывают весьма причудливыми. Например, таким: «В качестве одного из ведущих кинематографических жанров фантастика, кроме всего прочего, может похвастаться развитой фэн-культурой, сотнями тысяч активных поклонников, способных внести смятение в ряды американских социологов, зарегистрировавших во время одной из недавних переписей населения новую нацию джедаев»⁴¹.

Заметим: это не только американский феномен. Последняя российская перепись населения 2002-го г. зафиксировала появление не менее экзотичных социальных конструкторов, например, скифов — так записались в опросные листы 30 человек в Ростове-на-Дону, а группа пермских подростков из числа поклонников произведений Д.Р.Толкиена — хоббитами и эльфами⁴².

«Идентичность стала ценностью — тем более что рынок идентичностей агрессивно разрастается, — замечает Денис Драгунский. — Здесь и религиозные, и этнокультурные, и региональные, и партийно-политические, и стилевые, и даже игровые идентичности. К последним относятся разного рода «толкинисты» — в недавней переписи населения РФ около 200000

взрослых людей самоопределились как ”эльфы” и “гоблины”»⁴³. И так, семиотическим фантомам под силу сконструировать целую нацию. И даже не одну⁴⁴.

4.

Как уже отмечалось выше, еще один инструмент социального проектирования — создание правовых систем. Фактически любое законодательство — это разновидность семиотического фантома, отличающаяся от последнего только одним: значительно большей выраженностью сознательного, то есть собственно проектного, подхода. Но даже это обстоятельство отнюдь не гарантирует воплощения именно задуманной версии будущего.

Проиллюстрируем это на примере попыток советского/российского руководства законодательно изменить структуру распределения научно-технического потенциала на территории СССР/России.

Географический образ распределения научного потенциала России напоминает незаполненную контурную карту. Тому есть много причин, в том числе и историко-социального характера.

Рождение науки в России можно было бы уподобить «Большому Взрыву»: до начала XVIII в. в огромной стране как такового системного научного знания не существовало; не было и людей, чьим занятием было исключительно добывание, систематизация и распространение подобного рода знаний. Только с началом петровских реформ буквально на пустом месте стал создаваться (а вернее, волевым решением внедряться) тот слой людей, который и привел в итоге к рождению такого феномена, как «российская наука». (Тем не менее, несмотря на то, что изначально импортированные в страну ученые получили государственное покровительство — им был присвоен статус государственных же чиновников, — в первой половине XVIII в. число профессиональных ученых (академиков) в России колебалось в пределах 15–25 человек.)

Почему так происходило, каковы были особенности этого процесса — тема для отдельного исследования⁴⁵. Но одним из следствий такого «способа» рождения отечественной науки

стал, во многом до сих пор еще слабо исследованный, географический аспект распределения научного потенциала по территории страны. Вот лишь несколько фактов, иллюстрирующих динамику этого распределения за последние 70 лет.

На 1 октября 1928 г. наибольшее число научных работников проживало в Москве (6 846 человек, или 43,8%) и Ленинграде (4 792 человек, 32,4%); в этих городах было сосредоточено три четверти научного потенциала страны. На всю остальную территорию СССР приходилось 3 527 научных работников, причем вместе с вузовскими преподавателями. В 1929 г. даже в прикладной науке 92% научных работников приходилось на Москву и Ленинград.

Первым высшим учебным заведением, созданным на дальнем Востоке страны, стал Восточный институт во Владивостоке (открыт в 1899 г.). После ряда преобразований вновь был восстановлен в 1956 г., но к тому времени потерял практически все высококвалифицированные кадры, пришлось начинать все сначала.

До 1957 г., то есть до года создания Сибирского отделения АН СССР, академическая наука в этом регионе была представлена одним членом-корреспондентом и 35 докторами наук. (В 1995 г. в СО РАН было 27684 работающих, в том числе 9 648 научных сотрудников.)

Научный потенциал Московского государственного университета им. М.В.Ломоносова в 1996 г. был практически равен потенциалу всего Сибирского отделения РАН (число докторов то же — 1 200, число кандидатов наук то же — около 5000 и число членов РАН — сто с лишним, то же примерно равное). В 1994/95 уч. г. в московских вузах обучалось 438 тыс. студентов, 115 тыс. — в средних специальных учебных заведениях, а всего 553 тыс. человек, или 12,1% всех студентов страны. (Население Москвы составляло на тот период 10,3% населения Российской Федерации).

«Тело» науки в России напоминает своим строением тело головастика: основная масса приходится лишь на один орган — голову (Москва). Еще одно сравнение, которое приходит на ум, — одногорбый верблюд: этот «корабль пустыни», конечно, тянет свою лямку, но в эпоху Интернета, телекоммуникаций и беспроводных технологий «одногорбая» наука для такой гигант-

ской страны, как Россия, – слишком медленный способ передвижения к информационному обществу. Этот сформировавшийся образ «одногорбой» науки идеально конгруэнтен пространственному образу/семиотическому фантому России в целом (подробнее см. об этом прим. 9.). «Уникальность российской ситуации – в явной образно-географической асимметричности данного противопоставления; образ Центра превращен в *экономико-географическую «Джомолунгму»*, а образы регионов «спеклись» в аморфный «солончаковый» слой *экономической плоской пустыни*»⁴⁶.

Неслучайно государственное и партийное руководство СССР периодически пыталось исправить явные диспропорции в географии распределения научно-технического потенциала страны. Одной из самых заметных – «пропиаренной», как сказали бы сегодня, – попыток такого рода было создание Новосибирского Академгородка. Науку «двигали» на Восток и Юго-Восток. К сожалению, во многом это движение основывалось скорее на идеологических посылах, а не на объективном анализе ситуации⁴⁷. Характерно, что Александр Неклесса, заместитель директора Института экономических стратегий РАН, феномен Академгородков называет элементами «социальной футуристики»⁴⁸.

Но если во времена СССР удавалось поддерживать тренд «Запад-Восток» за счет финансовых и иных преференций, то сегодня этот фактор уже не работает. «Труднопреодолимой догмой была идея о выравнивании уровней развития регионов страны, в том числе и “национальных республик”. Эта тактика не принесла счастья отсталым регионам, поскольку носила патерналистский, директивный, не считающийся с местным опытом и культурой характер. В Средней Азии и на юге Казахстана было создано немало производств с высокими технологиями во имя идеи “равномерности” и самовозвеличивания местных вождей. Для их освоения приходилось везти рабочих главным образом из РСФСР. Это была пустая трата средств и человеческих ресурсов, губительно сказавшаяся на самой России»⁴⁹.

Очевидно, что «колониальный» способ насаждения науки в регионах не дал результатов. Российский экономист и науковед Ирина Дежина отмечает: «Развитие науки в регионах не

должно быть самоцелью... Совершенно необязательно стремиться к тому, чтобы наука была равномерно распределена по всей стране. Для каждой сферы деятельности, для каждой отрасли экономики сложилась своя специализация, и развивать науку повсеместно представляется столь же абсурдным, как, например, пытаться пробурить скважины и добывать нефть по всей территории страны»⁵⁰.

Однако, как мне представляется, это отнюдь не означает, что сама идея «равномерности» (или, по крайней мере, сглаживания явных диспропорций) порочна. «Сегодня свою перспективную программу такого рода имеет каждый штат в США, префектура в Японии, департамент во Франции, графство в Великобритании и земля в ФРГ», — подчеркивают авторы⁵¹. Важно, что все эти шаги предпринимаются в рамках реализации целостной государственной научно-технической политики той или иной страны (регионального объединения стран). Среди наиболее заметных таких решений можно отметить следующее: «Новый федерализм» президента США Рональда Рейгана (1982 г.); программу создания технополисов в Японии (в 1983-м г. парламент этой страны принял специальный закон о технополисах); решение правительства Франции о децентрализации государственных научно-исследовательских учреждений, вузов, крупных фирм (закон о планировании развития науки и технологии от 1982 г.). Плоды принятых 20–25 лет назад стратегических решений субъекты этой стратегии пожинать сегодня в полной мере: во всем мире, например, региональные технопарки дают до 60% инноваций в области информационных технологий и связи.

Другое дело, что для России нужна именно *программа* развития научно-технического потенциала регионов, а не разрозненные, спорадические, пусть и с благими намерениями, акции. Увы, пока социальные проектанты выбирают не самые лучшие варианты нашего будущего. Так, по данным губернатора Красноярского края, руководителя рабочей группы Госсовета России по вопросу комплексного социально-экономического планирования развития регионов Александра Хлопонина, если в 2000 г. по объему промышленного производства на душу населения различия между самым благополучным и са-

мым неблагополучным субъектом Федерации составляли 64 раза, то к 2005 г. этот показатель вырос до 281 раза. Разница в доходах бюджетов богатейшего и беднейшего регионов на душу населения выросла за пять лет с 50 раз до 194 раз; объем подушевых инвестиций — с 30 раз до 44 раз, уровень безработицы — с 29 раз до 33 раз. Симптоматичен вывод, к которому приходит Хлопонин: «Ключевая проблема нашей региональной политики парадоксальна: самая большая страна в мире не имеет даже правовых основ для территориального планирования. Это все равно, как если бы самая богатая природными ресурсами страна не имела законодательства о недрах или самая развитая транзитная держава не имела транспортного права. <...> Мы считаем, что не обойтись без федерального закона “Об организации разработки и реализации государственной региональной политики в Российской Федерации”, т. е. закона о региональной политике. Он должен обязать и федеральный, и региональный уровни власти иметь в области территориального планирования соответствующий набор стратегических и программных документов»⁵².

Одной из последних по времени попыток через законодательные конструкции изменить сложившееся положение является идея создания в России сети технопарков высоких технологий. Для справки: в России сейчас 70 тыс. программистов необходимой квалификации. Из них 20 тысяч — в Москве и Санкт-Петербурге. В Индии, например, только в бизнесе оффшорного программирования заняты более 250 тыс. человек (в России, по оценкам специалистов Института мировой экономики и международных отношений РАН, таковых 3–4 тыс.). А всего в Индии примерно 525 тыс. программистов.

Интересно, что сама идея технопарков высоких технологий «списана» с индийского образца. И это не удивительно: Индия в 2003 г. заработала на экспорте программного обеспечения около 6,3 млрд долл. Доля России в мировом рынке оффшорного программирования — 0,7%. В Индии 15 лет назад было создано специальное поселение в пригороде Бангалора, где были сконцентрированы кадры в области программирования. Затем такие центры стали создавать у себя и другие регионы. Сегодня эта страна — один из самых

сильных «игроков» на мировом рынке оффшорного ПО и ставит задачу выйти к 2008 г. на уровень его экспорта в 50 млрд долл. в год⁵³. При этом индийцы попытались максимально использовать потенциал правового механизма социального проектирования. Например, в 1998 г. на государственном уровне было принято решение об освобождении производителей ПО от уплаты экспортных и мировых таможенных тарифов. Полностью от налога на прибыль освобождены индийские ИТ-компании, ориентированные на внутренний спрос. Из облагаемых налогом личных доходов граждан вычитались суммы, потраченные на приобретение компьютеров. ИТ-компании освобождались от проверок таких надзорных органов, как трудовая инспекция, экологическая инспекция, бойлерная инспекция. И уж совсем изумительная мера: в Индии введены нормы на доставку компьютерной техники и носителей ПО — авиаперевозчики обязаны доставлять их за 24 часа.

В заключение этого параграфа надо отметить одну характерную особенность законодательного механизма социального проектирования: это кумулятивный процесс. То есть даже в случае абсолютно точно рассчитанного (или угаданного) законодательства результаты его воздействия на социум могут проявиться лишь через десятки лет. Но зато изменения эти будут носить характерный вид массовых мгновенных вспышек эпидемических заболеваний.

Хорошая иллюстрация сказанному — известный феномен внезапного падения уровня преступности в США в 1990-х гг. Так, в 1992 г. в Нью-Йорк-Сити произошло 2 154 убийства и 626 182 тяжких преступлений, основная часть — в беднейших предместьях Нью-Йорк-Сити Браунсвилл и восточный Нью-Йорк. Но затем в течение пяти лет уровень преступности в этих районах резко снизился: число убийств сократилось на 64,3% — до 770, а общее число преступлений уменьшилось до 355 893 — почти наполовину⁵⁴. Подобная же картина наблюдалась и в других городах США. Известный американский экономист Стивен Левит считает, что этим американцы обязаны решению Верховного суда США, легализовавшего аборт в 1973 г. Нежеланные дети в среднем чаще совершали бы преступления, чем

подростки, рождения которых родители желали. В доказательстве он использовал статистику по количеству аборт и уровню преступности в различных штатах США⁵⁵.

5.

Нам осталось только выяснить, что делает те или иные способы социального проектирования собственно таковыми — *способами социального проектирования*, что придает им, если можно так сказать, феноменологическую легитимность.

Для объяснения механизма самовоспроизводства, например, семиотических фантомов можно было бы попытаться привлечь известный феномен *самореализующихся прогнозов*. Но я говорю здесь о самореализующихся прогнозах не в том смысле, что подобного рода доктрины, обретая политическое признание и популярность, превратятся в самостоятельную политическую силу. Нет. Точнее, на мой взгляд, будет физическая аналогия: рождение из квантового вакуума (поле всех потенциальных возможных состояний социума) виртуальных частиц (семиотических фантомов). Эти семиотические фантомы (виртуальные частицы) участвуют в реальных техносоциальных процессах (физических взаимодействиях), хотя в общественной политической практике (физических уравнениях) формально не закреплены.

Существует вполне объяснимый соблазн любые артефакты материальной и информационной сферы жизни человека объявить точкой кристаллизации «массовой “ритуальной” активности». Тем более это соблазнительно в эпоху, когда многие из этих артефактов уже чуть ли не официально рассматриваются как индексы и символы глобального общества. Хороший пример — глобальная сеть ресторанов быстрого питания *McDonalds*, ставшая «красной тряпкой» для антиглобалистов. Однако изъятие этого элемента ничего не меняет в структуре социума: очень легко себе представить мир без ресторанов *McDonalds*. Что действительно образует новые техносоциальные устойчивые структуры, так это сам принцип быстрого питания

(fast food). Вот без него мир уже трудно представим! Чтобы убедиться в этом, достаточно посмотреть статистику заболеваний, связанных с избыточным весом⁵⁶.

Изъятие же таких артефактов, как шариковая ручка (изобретена в 1930-х гг. венгерским журналистом Ласло Биро) или канцелярская скрепка (изобретена норвежским математиком Иоганном Ваалером в 1899 г.), повлечет такое потрясение социальных сетей, которое можно было бы сравнить, пожалуй, только со знаменитой проблемой «Ошибка 2000» (ожидавшийся сбой автоматического распознавания даты в компьютерных программах при переходе с обозначения года 1999 на 2000).

Вот именно *способность порождать сетевые структуры* и есть тот самый признак, отличающий эффективный, в смысле социального проектирования, гаджет, семиотический/законодательный фантом от миллионов и миллиардов материальных и информационных артефактов, остающихся как бы невоспринимаемыми социумом. Таких вещей-объектов – поводов (семиотических фантомов), создающих/задающих сетевые структуры (массовую «ритуальную» активность, «бессубъектное общество», «”молекулярное“ (балансирующее, консенсусное) устройство как внутренней, так и внешней политики»), – достаточно много. Но они все-таки вполне счетны.

«В конечном счете, – приходит к выводу, анализируя закономерности развития такого рода сетевых структур, немецкий социолог Рогер Хойслинг, – всякое формирование чего-либо на сетевом уровне можно возвести к импульсам/вмешательствам. Сети пластичны! Virtuозность при содействии их формированию может появиться лишь в случаях, если при формировании сетей мы будем вести себя активно. Ведь правила формирования сети могут узнаваться только методом проб и ошибок»⁵⁷.

В России традиционно главными сетеобразующими артефактами были природные условия и законотворческая деятельность государства. Отсюда пресловутая «общинность» («соборность»), которая вроде бы имманентно присуща населению, проживающему на этих незаметно перетекающих одна в другую великих равнинах – Русской, Туранской, Западно-Сибирской: стихиям геологического (даже космологическо-

го) масштаба невозможно противостоять в одиночку.. Пространство, как артефакт (как гаджет, если угодно), формирует семиотическое поле.

Мало того, как уже отмечалось выше, за счет возникновение обратных связей (feedback) само пространство, вернее, образ пространства становится семиотическим фантомом, который воспроизводится с удивительной устойчивостью. Этот процесс и порождает то сетевое семиотическое поле, которое называется «Россия». По мнению отечественного географа Дмитрия Замятина, наиболее важная особенность развития этого семиотического поля *«состоит в формировании и развитии российского пространства как своего рода “ментального продукта”, являющегося в известном смысле знаково-символической конвенцией господствовавших в российских сообществах социальных групп и их дискурсов»*⁵⁸.

Таким образом, Россия — это некий аккумулятор пространства и одновременно фабрика по его производству. Тут не до баловства со всякими технологическими штуковинами-гаджетами типа беспроводного широкополосного Интернета или оральных контрацептивов (1965 г., Франция; многие исследователи считают, что именно это изобретение привело в итоге к тому, что называется «Парижская революция 1968 г.»). Люди, живущие на этом гигантском поле пологого рельефа, поглощены серьезным делом — обслуживанием семиотического фантома «Россия». Это может выражаться, например, в совершенно официальном госзаказе академической науке — разработать «национальную идею».

Западные сообщества всегда стремились освободиться от влияния сетевобразующих артефактов «низкого уровня» (факторы окружающей среды, волюнтаризм чиновников). В итоге подстриженное, чисто выметенное и «вылизанное», пронизанное всеми возможными инфраструктурными коммуникациями пространство Запада давно уже перестало восприниматься аборигенным населением как *внешняя среда*; скорее, это весьма функциональная форма одежды западного человека эпохи modernity. В Западной Европе, например, территорий, которые не затронула хозяйственная деятельность человека, осталось

2,8% от общей площади (в основном в Скандинавии). В России таких ландшафтов — 60–70% (правда, все они тоже находятся на Севере).

У нас в стране до сих пор еще остается более чем актуальной задача — взять и слепить из пространства, понятого как «ментальный продукт», нечто более или менее соразмерное человеку. А пока этого не произошло, индивиды существуют здесь, как бы опровергая саму возможность антропного принципа: окружающее пространство делает все, чтобы даже их след в нем простыл. Здесь не человек проектирует пространство, а пространство — человека. Тот же Дмитрий Замятин верно подметил, что в отношении современного геополитического устройства России даже *«федерализм можно определить как геоидеологию крупных или масштабных пространств, стремящихся к своей самоорганизации или самоструктурированию... географические образы регионов в данном случае есть лишь инструмент федералистского “пространствоустройства”»*⁵⁹.

Бесполезно пытаться увернуться от этого семиотического фантома (семиотической модели), ведь мы, как это было показано выше, сами его и создаем. Что можно сделать в целях сознательного социального проектирования в таких условиях — попытаться переопределить этот семиотический фантом именно как сетеобразующий мета-гаджет. Переопределить именно в своем сознании. Тогда и гаджеты помельче, задающие новые локальные социальные сети, будут с легкостью «внедряться» в богатую русскую почву. Тогда и люди, проживающие под сенью семиотического фантома «Россия», оторвутся, наконец-то, от бесконечного строительства светлого будущего и займутся предсказанием настоящего времени.

Примечания

- ¹ Бодрийяр Ж. Пароли. От фрагмента к фрагменту / Пер. с франц. Н. Сулова. Екатеринбург, 2006. С. 126–127.
- ² Еще на начальном этапе развития информатики были обнаружены библиометрические закономерности мировой системы научной коммуникации. Их принято выражать в виде эмпирических законов, например, закон гиперболоического рангового распределения периодических изданий

по числу опубликованных статей по определенной тематике (закон Ципфа, сформулирован около 70 лет назад). Сегодня уже установлено, что степенные распределения Ципфа-Парето наблюдаются для рангового распределения популярности книг в библиотеках, размера и численности населения стран, городов и других поселений, доходов и активов компаний, распространенности фамилий, мощности землетрясений, площадей лесных пожаров, распределения числа голов, забитых футболистами, результатов матчей и многого другого. Популярность веб-серверов интернета также хорошо описывается немного модифицированным законом Ципфа.

В 70-е гг. прошлого века профессор Борис Иванович Кудрин сделал следующий шаг в обобщении гиперболических H -распределений – на всю область сообществ технических изделий (техноценозов). Фактически он распространил хорошо разработанную биологическую парадигматику и понятийный аппарат теории дарвиновской эволюции на всю сферу технического, заложив основы новой сферы научного знания – *технетики*.

³ Самутина Н. Фантастическое кино и проблема иного // Фантастическое кино. Эпизод первый: Сб. статей / Сост. и науч. ред. Н. Самутина. М., 2006. С. 75.

⁴ «ФУТУРОЛОГИЯ, в широком значении – совокупность представлений о будущем человечества, в узком – область науч. знаний, охватывающая перспективы социальных процессов; часто употребляется как синоним *прогнозирования* и прогностики. В СССР термин «Ф.» большей частью применяется для обозначения совр. немарксистских концепций будущего. <...> В нач. 1960-х этот термин получил распространение на Западе в смысле «истории будущего», «науки о будущем», призванной монополизировать прогностич. (предсказательные) функции существующих научных дисциплин. С кон. 60-х гг. термин «Ф.», ввиду многозначности и неопределенности, вытесняется термином «исследование будущего». Понятие Ф. сохранилось преим. в виде образного синонима последнего» (См.: Философский энциклопедический словарь. 2 изд. /Редкол.: С.С.Аверинцев, Э.А.Араб-Оглы, Л.Ф.Ильичев и др. М., 1989, ст. «Футурология»).

⁵ Грант, Барри Кит. «Совершенствование чувств»: Разум и визуальное в фантастическом кино // Фантастическое кино. Эпизод первый: Сб. ст. С. 20).

⁶ Эпштейн М. Знак пробела: О будущем гуманитарных наук. М., 2004. С. 598.

⁷ Стерлинг Б. Будущее уже началось: Что ждет каждого из нас в XXI в.? / Пер. с англ. И. Цибиновой. Екатеринбург, 2005. С. 14.

Парадоксальная, на первый взгляд, прямо-таки топологическая инверсия, когда футурология оказывается всего лишь способом предсказания *настоящего*, на самом деле имеет глубокий смысл и давно уже отрефлексирована даже в беллетристике. Тут можно вспомнить высказывание советских фантастов – братьев Аркадия и Бориса Стругацких. В повести «Гадкие лебеди» (1967 г.) они замечают: «Будущее – это тщательно обез-

вреженное настоящее». Да и у самого Брюса Стерлинга есть сборник фантастических рассказов под говорящим названием «Старомодное будущее» («A Good Old-Fashioned Future»).

8 «Никогда не настанет «золотого века», когда мы сможем вздохнуть с облегчением и объявить о том, что «мир полностью компьютеризирован» или «генетика изменила мир». Процесс техносociальных изменений продолжится, усложняя сам себя. Он никогда не станет «законченным» или «завершенным». У него нет ни конечной цели, ни условий победы», — пишет Брюс Стерлинг (*Стерлинг Б.* Указ. соч. С. 64).

Солидарен с ним и Михаил Эпштейн. «Постепенно и современный человек будет передвигаться в область экологического внимания и заботы, поскольку «современность» будет осознаваться как техносociальная среда, из которой человеческая телесность и индивидуальность выпадает «в осадок», как рудимент давней стадии развития разума — «полудикой», промежуточной между природой и культурой, полустественной-полуискусственной» (*Эпштейн М.* Указ. соч. С. 608). Эпштейн даже предполагает возникновение нового научного направления: «Гуманология изучает человека как часть техносферы, которая создается людьми, но постелено подчиняет и растворяет их в себе. Человек предстает как создатель не только культурной среды, но и самодействующих форм разума, в ряд которых он сам становится — создатель среди своих созданий. Если антропология изучает специфические признаки человека среди других живых существ (животных и особенно высших приматов — гоминидов), то гуманология изучает его специфические признаки среди мыслящих существ, умных машин и техноорганизмов (муже- и женоподобных — гуманоидов, андроидов, гиноидов)» (Там же. С. 610—611).

Насчет названия — гуманология или как-то по-другому — можно еще поспорить. Но то, что сущностные блоки в основание подобной научной дисциплины («фантастической науки») создаются самым активным образом уже сегодня, в настоящем, — бесспорно. Например, летом 2006 г. на конференции EURON (Европейская Сеть Исследований Робототехники) в Гене ученые всерьез обсуждали выработку «кодекса этики» для роботов. Хотя, конечно, до мира из фильма «Терминатор» нам еще далеко, «ученые предполагают, что границы взаимодействия человека с роботом надо определить еще до того, как появятся устройства, наделенные собственным интеллектом и способные развиваться без контроля человека. Основными приоритетами будущего кодекса руководитель научной работы Джон-марко Верраджи назвал определение этики ученого при разработке робота, и определение искусственной этики самой машины» [http://www.mignews.com/news/technology/world/180606_54623_41519.html].

9 Возможны и другие названия этого феномена. Очень распространено, например, такое: *мем*. Слово «мем» (от англ. *memе*) создано как пара слову «ген» (*gene*) из слова *темогу* (память) известным английским биологом Ричардом Докинзом в 1976 г. (*Докинз Р.* Эгоистичный ген / Пер. с англ. М., 1993. 318 с.) В 1988 г. слово «мем» попало в Оксфордский словарь

- английского языка. «Точно также, как гены распространяются в генофонде, переходя от одного тела в другое с помощью сперматозоидов или яйцеклеток, мемы распространяются в том же смысле, переходя из одного мозга в другой с помощью процесса, который в широком смысле можно назвать имитацией. <...> Бог существует, пусть лишь в форме мема с высокой выживаемостью или инфекционностью, в среде, создаваемой человеческой культурой» (Там же. С. 179). Мемы – это и теорема Пифагора, мода на остроносые/тупоносые туфли, и популярная мелодия, и сказка о Колобке... «Никого не беспокоит вопрос о том, сохранились ли на свете хотя бы один или два из генов Сократа. Мемоконплексы же Сократа, Леонардо да Винчи, Коперника или Маркони все еще сохраняют полную силу» (Там же. С. 185).
- ¹⁰ *Рогов С.* «Евразийский проект России: Новое измерение русской идеи» – «Независимая газета», 29 августа 1996 г.
- ¹¹ Так, правительство Эстонии объявило еще в 1996 г. программу «Прыжок тигра» (Tiger Leap). В соответствии с этой программой все образовательные учреждения страны должны быть оснащены новейшими персональными компьютерами с целью ознакомления подрастающего поколения с информационными технологиями. Кстати, проведенное тогда же исследование выявило, что две трети населения Эстонии никогда не пользовались компьютерами и не имели возможности научиться работать с ПК. В итоге, сегодня, согласно отчету об электронном правительстве, составленному для Еврокомиссии, Эстония занимает третье место среди стран Евросоюза, после Австрии и Мальты, в области общественных услуг, оказываемых по Интернету. [<http://www.rambler.ru/db/news/msg.html?mid=8158351&s=4>]. Ситуация аналогичная российской: в 2003 г. 88% россиян никогда не пользовались интернетом. С той только разницей, что 64% опрошенных россиян и не испытывали желания или необходимости им пользоваться (Готовность России к информационному обществу. Аналит. докл. / Под ред. С.Б.Шапошника. М., 2004. С. 80).
- ¹² *Андерсон Дж.К.* Древнегреческая конница / Пер. с англ. М.Н.Серафимова. СПб., 2006. С. 131.
- ¹³ *Иголкин А.А.* Источники энергии – экономическая история (до начала XX в.). М., 2001. С. 46.
- ¹⁴ Там же. С. 47.
- ¹⁵ Россия и мир в 2020 г.: Доклад Национального разведывательного совета США «Контурь мирового будущего». М., 2005. С. 93.
- ¹⁶ Опять же, это не метафора. «Два важнейших фактора – электроснабжение и теплоснабжение – являются мощными рычагами управления выборным процессом, – отмечает доктор технических наук, профессор Владимир Козлов. – При этом имеется в виду влияние не только на количественную явку электората на избирательные участки, но и на направленность выбираемых избирателями решений» (*Козлов Б.В.* Политика, энергетика и выборные технологии. М., 2000. С. 24).

Автор приводит в качестве примера такого влияния ситуацию с запасами мазута и угля в ряде региональных энергосистем накануне отопительного сезона 1999–2000 гг.: «В Ивановской области, например, на начало октября 1999 г. было запасено всего 21% мазута, необходимого региональной энергокомпаниями А/О «Иванэнерго» на зимний период.

Средний показатель по обеспечению топливом региональных энергокомпаний на 1 сентября 1999 г. не превышает 67%, а на федеральных станциях, находящихся под контролем холдинга РАО «ЕЭС России», этот показатель не превышает 14%. Уже в третьем квартале 1999 г. уровень частоты поддерживался на уровне 49,6 Гц. Специалистам очевидно, что если он начнет опускаться до отметки 49,2 Гц, то это автоматически повлечет за собой аварийное отключение отдельных станций при возможном выводе из функционирования целых энергосистем. И это в период подготовки к выборам в Государственную Думу РФ 19 декабря 1999 г. и Президентских выборов в июне 2000 г.!» (Там же. С. 57).

¹⁷ *Ергин Д.* Добыча. Всемирная история борьбы за нефть, деньги и власть / Пер. с англ. М., 1999. С. 579.

¹⁸ *Уэльбек М.* Мир как супермаркет / Пер. с фр. Н.Кулиш, М., 2004. С. 55.

¹⁹ *Плотинский Ю.М.* Теоретические и эмпирические модели социальных процессов: Учеб. пособие для вузов. М., 1998. С. 174.

²⁰ *Тоффлер А.* Футурошок. СПб., 1997. С. 357.

²¹ Брюс Стерлинг дает очень емкую характеристику уже целой социальной прослойки (социальной сети), обеспечивающей своими мозгами этот процесс. «Лично я тружусь в индустрии культуры. Как писатель и журналист, я работаю в основном дома. Мои «рабочие обязанности» расплывчаты и неопределенны: позубоскалить с коллегами, порыться в Сети, прочитывать электронную почту, избежать очередного приглашения на конференцию, полистать книги и журналы. Время от времени я печатаю. Мне приходится часто заниматься исследованиями, но моя работа имеет мало общего с рутинной и зубрежкой, типичной для школы. Мне ничего не надо зубрить, и для меня было бы настоящей катастрофой, если бы мне пришлось это делать. Я редко заполняю официальные бланки, никогда не прохожу тестирования и не пишу контрольных» (*Стерлинг Б. Указ. соч.* С. 54).

²² Летом 2006 г. информационные агентства сообщили, что нашлось новое применение для RFID-технологии (от RadioFrequency Identification – технология радиочастотной идентификации). В больницах Пуэрто-Рико пациентам, страдающим периодическими потерями памяти или имеющим другие серьезные проблемы со здоровьем, предложено в добровольном порядке имплантировать опознавательные RFID-чипы. По ним врачи смогут быстро получить всю необходимую информацию о пациенте. RFID-метка – это миниатюрный кремниевый чип (размером с рисовое зерно) с подсоединенной миниатюрной же внутренней антенной. Если такую метку поднести к устройству-считывателю (ридеру), то она активизируется и посредством 125-килогерцевых радиосигналов передаст всю информацию, хранящуюся в памяти

ти микрочипа. На сегодняшний день во всем мире такими радиоэлектронными метками обзавелись 2,5 тысячи человек. Обычно радиоэлектронная метка вживляется в плечо человека.

Так что главная задача теперь — не перепутать, с чем у тебя проблемы: с памятью или с кремниевым чипом.

- 23 О краткости, мимолетности, почти виртуальности существования современных гаджетов говорит хотя бы такой факт. Исследование, проведенное по заданию Национальной инженерной академии США, показало, что 80% товаров выбрасывается за ненадобностью после однократного использования, а значительная часть остальной продукции не служит весь положенный срок. По оценке экономиста Пола Хокена, 99% исходных материалов, используемых в производстве товаров в США или содержащихся в этих товарах, превращаются в отходы через шесть недель после продажи (*Вайцзеккер Э., Ловинс Э., Ловинс Л. ФАКТОР ЧЕТЫРЕ*. Затрат — половина, отдача — двойная. Новый доклад Римскому клубу / Пер. А.П. Заварницына, В.Д.Новикова, под ред. Г.А.Месяца. М., 2000. С. 25). Кстати, средняя продолжительность «жизни» web-страниц тоже около 40 дней.
- 24 *Стерлинг Б.* Будущее уже началось: Что ждет каждого из нас в XXI в.? / Пер. с англ. И.Цибизовой. Екатеринбург, 2005. С. 94.
- 25 Российский писатель Виктор Пелевин чутко подметил появление на социальной сцене такого «запингующего» субъекта, он называет его «субъектом номер два». Но его выводы еще более радикальны. «С этой точки зрения, субъект номер два — нечто совершенно невероятное и неопишное. Это телепередача, которая смотрит другую телепередачу. В этом процессе участвуют эмоции и мысли, но начисто отсутствует тот, в чем сознании они возникают» (*Пелевин В. Generation «П»*. М., 2003. С. 127).
- 26 *Бутовская М.Л.* Тайны пола. Мужчина и женщина в зеркале эволюции. Фрязино, 2004. С. 223.
- 27 *Бутовская М.Л.* Кукла Барби как вершина полового отбора: Интервью // Независимая газ. 2004. 23 июня.
- 28 Даже патогенные факторы, например возбудители массовых инфекционных заболеваний, можно рассматривать как формообразующий гаджет в социальном проектировании. Так, пандемия ВИЧ-инфекции вызвала колоссальные изменения в социальной организации современных людских сообществ. Таким образом, конструирование новых патологий (биологическое оружие, например, а сейчас — генетическое) — это тоже механизм — и весьма эффективный! — социального проектирования. Авторы уникального исследования «Очерки истории чумы» отмечают: «С удивительным постоянством от одной эпидемической катастрофы к другой человек проявляет себя определенными стереотипами поведения» (*Супотницкий М.В., Супотницкая Н.С. Очерки истории чумы: в 2-х кн. Кн. 1: Чума добактериологического периода*. М., 2006. С. 11).
Большое количество фактического материала, подтверждающего такую точку зрения, можно найти и в монографии: *Бужилова А.П.* Homo sapiens: История болезни. М., 2005.

- ²⁹ В июле 2006 г. мэр Парижа Бертран Делано сообщил, что власти намерены снизить налоги для компаний, занимающихся прокладкой оптоволоконного кабеля, чтобы к 2010 г. 80% городских зданий были подключены к высокоскоростному Интернету: <http://www.lenta.ru/news/2006/07/11/france/>.
- ³⁰ Маклюэн Г.М. Понимание Медиа: Внешние расширения человека / Пер. с англ. В. Николаева. М.—Жуковский, 2003. С. 44.
- ³¹ Жолковский А. Портативное небо: Интервью // НГ-Ex Libris. 2006. 31 авг. С. 2.
- ³² Гибсон У. Джонни-Мнемоник: Фантаст. Роман, рассказы / Пер. с англ. А. Черткова. М., 2003. С. 280.
- ³³ Новичкова Т.А. Эпос и миф, М., 2001. 476 с.
- ³⁴ Фукуяма Ф. Наше постчеловеческое будущее: Последствия биотехнологической революции / Пер. с англ. М.Б.Левина. М., 2004. С. 15.
- ³⁵ Киреев О. Поваренная книга медиа-активиста. Екатеринбург, 2006. С. 34.
- ³⁶ Впечатляющий пример, подтверждающий этот факт, приводит американский исследователь Малкольм Гладуэлл. В течение восьми дней непосредственно перед президентскими выборами в США в 1984-м г., когда соперничали Рональд Рейган и Уолтер Мондейл, группа психологов из Сиеракусского университета записывала на видео вечерние новостные выпуски трех общенациональных телеканалов. Их вели Питер Дженнингз на ABC, Том Брокау на NBC и Дэн Рэйзер на CBS. Из этих выпусков были выделены все упоминания о кандидатах президентской гонки. Эти фрагменты смонтировали вместе и воспроизвели без звука для группы произвольно отобранных людей, попросив их оценить по 21-бальной шкале (самый низкий бал — «чрезвычайно отрицательно», самый высокий — «чрезвычайно положительно») выражение лица каждого диктора в показанных фрагментах. Рейзер и Брокау набрали примерно по 10–11 баллов, говоря о Рейгане и Мондейле. А вот Дженнингз из ABC, говоря о Мондейле, набрал 13,38 балла, а вещая о Рейгане — 17,44 балла. «И вот тут исследование стало еще более интересным. Б.Маллен с коллегами <психологами, проводившими исследование> обзвонили некоторое количество людей в нескольких городах страны, регулярно смотревших вечерние новости по главным каналам, и спросили, за кого они голосовали на выборах. В каждом случае те, кто смотрел ABC, голосовали за Рейгана гораздо чаще, чем те, кто смотрел CBS или NBC... Легкий прорейгановский акцент в выражении лица Дженнингза, похоже, повлиял на решение избирателей, смотревших ABC», — пишет Гладуэлл (*Гладуэлл М. Переломный момент: как незначительные изменения приводят к глобальным переменам* / Пер. с англ. М., 2006. С. 110). Все это вполне укладывается в ставшую уже классической концепцию «горячих и холодных средств коммуникации», предложенную Маршаллом Маклюэном: «Есть основной принцип, отличающий такое горячее средство коммуникации, как радио, от такого холодного средства, как телефон, или такое горячее средство коммуникации, как кино, от такого холодного средства, как телевидение. Горячее средство — это такое средство, которое расширяет одно-единственное чувство до степени “высо-

- кой определенности”. Высокая определенность – это состояние наполненности данными» (*Маклюэн Г.М.* Понимание Медиа: Внешние расширения человека / Пер. с англ. В.Николаева. М.–Жуковский, 2003. С. 27).
- 37 *Кьеза Дж.* Глобализация и средства массовой информации // Постиндустриальный мир и Россия. М., 2001. С. 257.
- 38 *Бодрийяр Ж.* В тени молчаливого большинства, или Конец социального. Екатеринбург, 2000. С. 30–31.
- 39 *Симонов П.В.* Созидающий мозг: Нейробиологические основы творчества. М., 1993. С. 85.
- 40 *Собчак В.* Города на краю времени: Урбанист. Кинофантастика // Фантастическое кино. Эпизод первый: Сб. статей / Сост. и науч. ред. Н.Самутина. М., 2006. С. 106.
- 41 Там же. С. 69.
- 42 <http://www.demoscope.ru/weekly/2004/0155/analit01.php>
- 43 http://www.newtimes.ru/artical.asp?n=3142&art_id=7802
- 44 В этом смысле другой вид семиотических фантомов, так называемые *бренды* (торговые марки, эмблемы), конструирует «нацию» глобальных масштабов – нацию *конечных пользователей*. К концу XX в. вложения в брэнд составляли уже около трети всего бюджета большинства корпораций. Их усилия не пропадают даром, судя по всему. Так, в 2006-м г. компания Harris Interactive предложила жителям США назвать торговые марки, под которыми, на их взгляд, продаются лучшие товары. Опрошенные должны были сами называть полюбившиеся им бренды, а не выбирать их из предложенного списка.
- Наибольшее количество голосов получила марка Sony (принадлежит одноименной японской корпорации, производящей радиоэлектронные товары, действующей в сфере индустрии развлечений и пр.), которая побеждает в этом рейтинге седьмой год подряд. На втором месте – Dell (компьютерная техника, США), на третьем – Coca-Cola (прохладительные напитки, США).
- В первую десятку также вошли марки, бренды: Ford (автомобили, США), Honda (автомобили, Япония), Hewlett Packard (компьютеры и компьютерная периферия, США), General Electric (электронные товары, машиностроение и пр., США), Kraft Foods (продукты питания, США) и Apple (компьютеры и компьютерная периферия, США). Высоким доверием потребителей также пользуются марки Chevrolet (автомобили, США), Panasonic (бытовая электроника, Япония), Pepsi-Cola (прохладительные напитки, США), Nike (спортивные товары, США) (Washington ProFile. 16 июля 2006 г. № 60 (691)).
- 45 См., например, великолепную статью старшего научного сотрудника Института системного анализа РАН Светланы Чернозуб: «Историческая петля. Российская наука снова должна приспосабливаться к жизни в вообразимом мире» (Независ. газ. 1999. 17 февр. С. 13.
- 46 *Замятин Д.Н.* Культура и пространство: Моделирование географических образов. М., 2006. С. 358.

⁴⁷ Хотя есть, конечно, примеры и вполне рационального (даже прагматичного) подхода к оптимизации географического распределения научно-технического потенциала на территории страны. К таковым можно отнести, например, Постановление ЦК КПСС и Совета министров СССР «О развитии научных учреждений в отдельных экономических районах РСФСР» от 28 августа 1969 г. В целях «дальнейшего изучения и развития производительных сил Урала, Сибири, Дальнего Востока и других районов РСФСР» ЦК КПСС и Совмин СССР постановили: «...5. Обязать Госплан СССР, Государственный комитет Совета Министров СССР по науке и технике и Совет Министров РСФСР предусмотреть в проекте плана развития народного хозяйства на 1971–1975 гг. выделение Академии наук СССР, Министерству высшего и среднего специального образования СССР и Министерству высшего и среднего специального образования РСФСР необходимых ассигнований и материальных ресурсов для развития научных исследований и создания соответствующей научно-исследовательской базы на Урале, Северном Кавказе, в Сибири и на Дальнем Востоке.

7. В целях улучшения организации и координации научных исследований и комплексного решения проблем, направленных на развитие производительных сил Северо-Западного экономического района, поручить Академии наук СССР совместно с партийными и советскими органами областей, входящих в состав этого района, Карельской АССР и Коми АССР, разработать мероприятия по созданию Северо-Западного научно-го центра (г. Ленинград) на базе существующих научных учреждений Академии наук СССР и свои предложения внести в Совет Министров СССР к 1970 г.

8. Обязать Академию наук СССР:

принять меры к укреплению научно-исследовательских учреждений создаваемых научных центров высококвалифицированными научными кадрами, в том числе действительными членами и членами-корреспондентами Академии наук СССР; повысить эффективность деятельности Сибирского отделения Академии наук СССР, уделив особое внимание развитию научных учреждений в Якутске, Иркутске, Красноярске, Томске и других городах Сибири <...>.

При развертывании научных центров Академии наук СССР и высшей школы, предусмотренных настоящим постановлением, должны быть созданы на местах соответствующие жилищные и культурно-бытовые условия, обеспечивающие закрепление кадров научных работников» (В.И. Ленин, КПСС о развитии науки / Под общ. ред. К.М. Боголюбова. М., 1981. С. 566–567.

⁴⁸ *Неклесса А.* Провал постиндустриальной модернизации // *Независимая газ.* 2006. 8 сент. С. 11.

⁴⁹ *Шкаратан О.И., Гальчин А.В.* Человеческие ресурсы и технологическое обновление России // *Полит. исслед.* 1993. № 3. С. 135.

⁵⁰ *Дежина И.Г.* Помощь науке в регионах: цель или средство? // *Вестн. РФФИ.* 1997. № 2. С. 24.

- 51 *Авдулов А.Н., Кулькин А.М.* О показателях развития науки. (Классификация и оценка) // Вестн. РФФИ. 1997. № 4. С. 53–54.
- 52 *Хлопонин А.* Региональная политика: Осмысление пространства // Ведомости. 24.07.2006. № 134 (1661). С. А4, адрес в Интернете: <http://www.vedomosti.ru/newspaper/article.shtml?2006/07/24/109943>
- 53 *Ваганов А.* По индийскому следу // Независ. газ. 2005. 1 февр. http://www.ng.ru/telecom/2005-02-01/13_india.html
- 54 *Гладуэлл М.* Переломный момент: как незначительные изменения приводят к глобальным переменам / Пер. с англ. М., 2006. С. 18–19. <http://www.vedomosti.ru/newspaper/article.shtml?2006/05/12/106498>
- 56 *Исследование Университета Иллинойса в Чикаго* показало, что ожирение сокращает срок жизни человека на 2–5 лет (Washington ProFile – 18 марта 2005 г. – № 28 (546)). Эксперты считают, что эпидемия «тучности» непосредственно связана с распространением ресторанов fast food. По последним данным, которые приводились на Конференции Международной Ассоциации сельскохозяйственных экономистов в Австралии (2006 г.), число жителей планеты, страдающих ожирением, превысило число тех, кто недоедает. Сейчас избыточным весом или ожирением страдают более миллиарда жителей планеты, в то же время систематически недоедающих в мире насчитывается около 800 млн. [<http://www.medportal.ru/mednovosti/news/2006/08/15/obese/>].
- 57 *Хойслинг Р.* Социальные процессы как сетевые игры: Социол. эссе по основным аспектам сетевой теории / Пер. с нем. Б.Скуратова. М., 2003. С. 74.
- 58 *Замятин Д.Н.* Культура и пространство: Моделирование геогр. образов. М., 2006. С. 351.
- 59 Там же. С. 349.

Модель плюралингвизма в современной социальной политике Европы: замысел и воплощение

Культурное многообразие оказывается нередко латентным источником социального конфликта и политических столкновений. С одной стороны, с развитием на европейском пространстве в официальной риторике и контрпроцессов экономической и политической интеграции в современной политике интенсивно акцентируется идея насущной необходимости интеграции на уровне культуры, создания «европейской идентичности», с другой — вопреки ожиданиям и предположениям, ассоциируемым с классическими теориями модернизации, в последние годы отмечается появление и активизация целого ряда социополитических движений, заново открывающих, реконструирующих или утверждающих этнические, лингвистические и религиозные идентичности. Эта тенденция представляет собой серьезный вызов демократическим механизмам социальной интеграции и традиционным способам разрешения конфликтов в рамках национальных государств, строящихся на предпосылке консенсуса по поводу базовых ценностей и культурной гомогенности¹.

Дилемма социального тождества и культурного своеобразия, таким образом, представляет собой серьезный фактор, конституирующий основу современных европейских противоречий. То, что называют обществом, покоится, по сути, на представлении о процессе обобществления или социализации, всегда двойственном, соединяющем полярности: единое и мно-

гое, глобальное и локальное, традиционное и современное. Соответственно, и культурное многообразие оказывается неотделимым от социального единства. Именно поэтому оно не совпадает с понятием чужой культуры, воспринимаемой как нечто внешнее по отношению к социальному. Единство современного общества приходит в столкновение с границами тех или иных культурных сообществ. Это единство держится на правовом порядке и государственной власти, ядро которой составляют законы и нормы правления, в их основе лежит «воля народа» как исходный пункт политического действия. Именно потому, что при современной системе власти правительства избираемы и сменяемы, важна конструкция границ, разделяющая граждан и неграждан и образующая внутри себя сообщество равных. Коллективные ценности, традиционно сложившиеся и постоянно поддерживаемые, скрепляют эти сообщества, превращая их в территориально и государственно фиксированные культурные идентичности. Однако современные процессы глобализации, однако, захватывающие практически все аспекты общественной и личной жизни, как экономические, так и социокультурные, приводят к всевозрастающей «прозрачности» границ и изменению роли и сущности национальных государств.

Наряду с национальными государствами в современном мире существуют и такие государственные формы, при которых устойчивость границ сохраняется не столько благодаря их прочности, сколько на основе одобрения центра. Примерами таких форм могут служить Китай и Соединенные Штаты. Относительная терпимость к сложившемуся внутреннему культурному многообразию связана с неизбежностью включения чужих народов в господствующий союз и со сложным политическим переплетением слоев населения, например, в системе представительства, в элите и пр. Культурное многообразие развивается здесь в рамках политической гласности, составляя условие выживания данной государственной формы. Подобное восприятие и признание культурной дифференциации стало возможным благодаря «сословному» принципу культуры: культурная автономия подчиненных групп держится на причастности их к господствующей культуре. При этом сохраняется по-

стоянное напряжение между мирным сосуществованием различных культур и границами демократии, поскольку всегда возможен мятеж периферийных культурных групп.

По мнению Б.Гисена, отношение к мигрантским субкультурам в западных странах сегодня напоминает один из типов многокультурного государственного уклада — старые европейские свободные города, в которых чужестранцы получали известные права и защиту государства, как и коренное население. Однако привилегии проживания ограничивались, как правило, экономической сферой и сферой частной жизни, в частности, вероисповедания. «Врастание» в общество в отдельных случаях было возможно через культурную ассимиляцию. В целом же они оставались гостями, которых терпят только в «добрые времена». Проблема согласования элементарных и универсально гарантированных прав, с одной стороны, и культурно не обеспеченных гражданских прав партиципации — с другой, актуальна и в настоящее время².

Возможен и другой способ представления единства современного общества — через перспективу расширения обмена товарами и услугами. Возникшее в результате развития мирового рынка и денежных отношений культурное многообразие в экономическом пространстве обнаруживало себя исключительно как многообразие товаров. Проявившийся в этом конформизм культур сохраняется и в наши дни, обнаруживая себя в рыночной экспансии в области искусства, музыки, дизайна, в устройстве национальных ресторанов и многонациональных уличных празднествах. Отношения купли-продажи низводят любой тип культуры к функции развлечения или услуг, например, терапевтической помощи. Освобожденное от локальной зависимости культурное многообразие может беспрепятственно и безболезненно потребляться по вкусу. Обесценивание и распыление культурного многообразия, происходящие в процессе политической, интеллектуальной и рыночной модернизации, влекут за собой возникновение новой потребности в коллективной идентичности. Этничность, общие родовые истоки оказываются необходимым подспорьем в ее образовании. Религиозный фундамент придает убедительность такому сплочению, а ритуалы опосредуют опыт принадлежности к совокуп-

ной силе. Вероятность угрожающего развития подобных настроений, давших, очевидно, повод С.Хантингтону к известному обобщению, едва ли нуждается в дальнейшей аргументации³.

Иное представление о единстве и многообразии дает модель языковой общности. Здесь возможность понимания чужой культуры намного выше, чем в модели политического союза власти. Эту возможность обеспечивает перевод и способность к коммуникации. Многообразие выражается в данном случае во множестве локальных языковых сообществ, которые под влиянием модернизации могли бы преодолеть барьеры общения с помощью всеобщего стандартизированного языка. Соединение культуры с властью и организацией должно было бы этому способствовать. Особый интерес представляет в этом смысле анализ существующего в Европе лингвистического многообразия, поскольку именно оно бросает вызов презумпции, встроенной в большинство теорий демократии, а именно, презумпции моногвальности сферы публичного дискурса. Демократическая политика стоит сегодня перед вопросом о том, каким образом возможно, признавая идентичности лингвистических социальных групп, в то же время гарантировать их полноценное участие в социальной сфере.

Современные процессы, связанные с проблемами культурной идентичности, международной торговли, форсированного развития новых технологий, высветили значимость языковых аспектов как в политике, так и в экономике и культуре. Во всех современных политических и культурных дебатах языку как одному из основных «носителей» культуры отводится центральное место. Принимая во внимание важность языка в определении коллективной идентичности, государственного и национального строительства, не удивительно, что при всем различии языковой политики в тех или иных странах большинством правительств она рассматривается как центральные в формировании и поддержании культурного суверенитета той или иной общности. Несмотря на то, что правительства с помощью культурной политики стараются защитить собственные символические контексты, культурные индустрии и национальный суверенитет, осуществить это становится все труднее по мере расширения дерегулирования и свободной торговли. Неолиберальные эконо-

мические реформы усиливают зависимость многих государств от глобальной экономики, снижая одновременно степень влияния правительств на коммуникационные рынки и международную политику. На смену автономии и известной гомогенности национального государства все заметнее приходит тенденция к глобализации и гетерогенности не только в культурном, но и в экономическом и политическом смыслах. Согласно ставшей уже почти общепринятой интерпретации осуществляющихся в последние три – четыре десятилетия трансформаций, наблюдается не просто кризис фордистско-кейнсианской модели государства общественного благоденствия, явно не справляющегося с противоречиями позднего капитализма, но и происходит крушение вестфальской системы межгосударственных отношений под натиском глобализационных процессов. В экономической сфере глобальный «свободный рынок» постепенно замещает протекционистские национальные экономики в рамках системы суверенных государств. Национальные правительства все чаще и чаще демонстрируют неспособность защитить свою национальную валюту или свои финансовые рынки. Транснациональные компании, финансовый оборот которых нередко превосходит экономические ресурсы отдельных стран, действуют в условиях глобального пространства, часто независимо от политических границ. Тенденция к конвергенции наблюдается и в сфере потребления: товары проектируются, производятся и потребляются на глобальном рынке. Аналогичные процессы происходят и в сфере взаимодействия общества и природы, поскольку экологические проблемы давно уже вышли за рамки интересов и озабоченности отдельных государств и приобрели всеобщий характер. В политическом поле также заметны определенные изменения, свидетельствующие о нарастании глобализирующих сил и тенденций. Возникновение новых и рост влияния существующих международных организаций с неизбежностью ведет к реальному снижению роли и влияния национальных правительств, вынужденных считаться с политическими стратегиями транснациональных политических, правовых и экономических институтов, таких, как НАТО, ООН, Европейская Комиссия, ВТО, ЮНЕСКО, ОБСЕ, Европейский суд по правам человека и др. Сове-

менная политика уже не может обойтись без участия глобальных игроков, не ограничиваясь национальными парламентами, правительствами и прочими органами власти.

Подобное расширение и интенсификация транснациональных отношений стали возможными и во многом явились следствиями качественных трансформаций в области техники, в частности в сфере коммуникационных технологий, обеспечивающих мгновенное распространение любой информации, будь то экономической, политической или культурной. Такой прорыв в развитии информационных технологий во многом был обусловлен новыми подходами к проблемам языка, знания и коммуникации.

Социологические теории языка обычно рассматривают язык как систему коммуникации и одновременно как систему репрезентации⁴. Вполне очевидно, что для осуществления взаимодействия индивидов необходимо и наличие общей системы коммуникации. Язык при этом, хотя и не является единственной системой такого типа, выступает в качестве базовой системы как в эволюционном, так и психологическом смыслах. Тем самым он играет важную роль и в социальной интеграции. Кроме того, язык также выступает и в качестве системы репрезентации, обеспечивая общий для данной социальной взгляд на мир. В этом смысле язык имеет решающее значение в конституировании самосознания данной группы и символизации ее коллективного тождества. Таким образом, и в своей символической функции язык вносит вклад в социальную интеграцию.

Поскольку язык наряду с коммуникативной выполняет и символическую функцию, многими социолингвистами он рассматривается как один из сущностных компонентов «этничности». К интерпретации понятия этничности предлагаются различные подходы: с позиций «примордиальности» (исконности, изначальности) (*primordialism*), конструкционизма и инструментализма. В рамках первого подхода такие характеристики социальных групп, как территория, религия, культура, форма социальной организации или язык, рассматриваются в качестве «объективно» или «изначально» данных. Что касается конструкционистских и инструменталистских теорий этнично-

сти, то они, стремясь избежать эссенциализма, присущего первому подходу, основное внимание уделяют субъективным интерпретациям перечисленных выше объективных характеристик, в том числе и языка. Так, конструкционистский подход рассматривает этническую идентичность как результат сложного социального процесса, в ходе которого символические границы постоянно конструируются и реконструируются путем обращения к мифологиям, историческими интерпретациями общего прошлого, а также языка. В свою очередь, инструменталистский подход к этничности особое внимание уделяет тем процессам политической мобилизации и манипуляции, посредством которых конституируются сами социальные группы. Последние два подхода не могут, однако, рассматриваться как взаимоисключающие, они скорее взаимно дополняют друг друга: если первый из них акцентирует социокультурное конструирование этничности, то второй подчеркивает социополитические и экономические факторы⁵.

Вопросы языковой политики, как уже отмечалось, находятся в центре культурной политики всех европейских организаций. Точки зрения по этому поводу нередко имеют диаметральнопротивоположный характер. Одни видят в многообразии языков проявление зла и источник непонимания и конфликтов. Решить эту проблему можно, по их мнению, с помощью принятия «универсального» языка или хотя бы использования одного из языков в качестве «технического» или вспомогательного средства общения. Другие, наоборот, считают злом языковую стандартизацию и стремление создать своего рода оруэлловский «новояз», в то время как языковое многообразие само по себе является ценностью так же, как и разнообразие биологических видов. Поскольку язык «олицетворяет культурное тождество и историческую память», любая его эрозия провозглашается «культурным геноцидом». Третьи считают, что решением для создания «европейского тождества» могло бы стать возрождение «универсального языка», существовавшего в прошлом, и рекомендуют обратиться к латыни и греческому⁶. Очевидно, что не существует единого рецепта идеальной языковой и культурной политики, способного вполне примирить «глобалистов» и «националистов»,

«интернационалистов» и сепаратистов, радикалов, неолибералов и консерваторов, однако очевидна необходимость найти некий компромиссный вариант.

Хотя представленные выше подходы к понятию этничности представляют интерес и могут быть успешно использованы, для того, чтобы оценить потенциал лингвистического разнообразия в порождении этнического конфликта, их следует дополнить, поместив в контекст возникновения современного национального государства с его специфическими формами социальной интеграции. В частности, история национального государства на всем протяжении его становления была тесно переплетена с идеалом монолингвизма (лингвистический монолингвизм и плюралингвизм в данном случае понимаются не на уровне отдельного индивида, а на уровне национального государства). В целом монолингвизм можно рассматривать как один из компонентов политики культурной гомогенизации, с помощью которой государства пытаются ответить на вызовы индустриализации и бюрократизации. Стремление к единству языка, таким образом, связано отчасти с выполнением им инструментальной, коммуникативной функции. В то же время конструирование современных национальных государств потребовало акцентирования его символической функции как в гражданской, так и в этнической моделях⁷. Так, например, во Французской Республике строгий монолингвизм означал видение французского языка как символа республиканской идентичности.

Подобная динамика современного национального государства в связи с идеалом монолингвизма стала причиной дискриминирования иных, не принадлежащих к доминирующим, лингвистических групп. Государственная политика по отношению к языкам лингвистических меньшинств, как правило, была направлена на снижение их влияния или полное исключение из социальной сферы. В качестве политических инструментов использовались, к примеру, такие, как «статусное планирование» и «корпусное планирование»: первое направлено на легализацию национального языка как официального в сферах средств массовой коммуникации, образовании, в политической коммуникации; второе своей целью имеет модернизацию

и стандартизацию использования официального языка путем кодирования его фонетических, семантических и грамматических характеристик. Актуальность политического планирования в сфере языка приводит к формированию относительно автономной теоретической дисциплины, тесно переплетенной с политической и социальной практикой, — языковой политики и языкового планирования. Это во многом было обусловлено соответствующим уровнем развития в области некоторых теоретических дисциплин: лингвистики, социолингвистики, социологии и социальной и политической теорий.

К началу 1960-х гг. в целом ряде стран был уже накоплен серьезный опыт в области лингвистики: в направлении графического воплощения, стандартизации и модернизации региональных и локальных языков, в разработке грамматик и словарей, создании и совершенствовании письменности и пр. Среди специалистов по структурной лингвистике существовал большой интерес к разработке типологий языков и социолингвистическим аспектам, особенно связанным с областью их функционирования, стимулирующим создание различных моделей языкового планирования⁸. Это во многом было связано с потребностями становящихся «новых наций». Среди известных исследователей данного периода, активно занимавшихся разработкой типологий, классификаций и моделей языкового планирования, можно назвать, например, Э.Хогена (Haugen E., 1966) — модель языкового планирования и Х.Клосса (Kloss H., 1966) — типологию мультилингвизма.

В центре внимания «статусного планирования» языка находилось, как правило, избрание одного из национальных языков, наиболее отвечающего требованиям модернизации и государственного строительства. Преобладающим мнением, по крайней мере среди западных или прозападных социолингвистов, была целесообразность использования одного из ведущих европейских языков, обычно английского или французского, в формальных или узкоспециальных контекстах, тогда как местным языкам отводились иные функции. Подобное двуязычие уже практиковалось, например, в ранее существовавших африканских странах, аналогичная модель предлагалась и для вновь создающихся национальных государств. По

мнению большинства западных экспертов, языковое разнообразие представляло собой препятствие на пути национального развития, в то время как лингвистическая гомогенность ассоциировалась с модернизацией, понимаемой скорее как «вестернизация». Формула успешного формирования государственности, таким образом, включала в себя культурное и этническое единство, заключенное в географические рамки государства и объединенное лингвистической идентичностью граждан данного политического союза. В качестве такого объединяющего языка нации, как считалось, мог выступать не всякий язык, а лишь язык либо достаточно «развитый» (то есть имеющий письменную форму, стандартизированный и способный адаптироваться к требованиям технологического и социального прогресса), либо язык, имеющий в этом смысле соответствующие перспективы.

В целом можно отметить, что для первого этапа становления языковой политики и планирования были характерны следующие основные характеристики: цели языкового планирования часто ассоциировались со стремлением к объединению (региона, нации, политических, религиозных или иных групп), стремлением к модернизации, эффективности, демократизации⁹, язык рассматривался как обладающий ценностью ресурс, следовательно, подлежал планированию¹⁰. Планирование языкового статуса и языкового корпуса рассматривались как идеологически нейтральные и относительно самостоятельные типы планирования; языки, как правило, исследовались изолированно от их социоисторических контекстов, на основе системного подхода. Как свидетельствуют исторические исследования тех или иных лингвистических групп в Европе и в бывших колониальных странах, государственные границы которых часто проводились без учета наличия или отсутствия социальной связности, лингвистических и культурных факторов, любая попытка монолингвальной языковой политики в данных странах со сложной конфигурацией локальных наречий, языков межэтнической коммуникации и международных языков потенциально вела к возникновению конфликта между теми или иными лингвистическими сообществами.

Второй этап развития языковой политики и планирования, связываемый с началом 1970-х — концом 1980-х гг., характеризуют иногда как «неоколониальный», имея в виду доминирующие в этот период социоэкономические и политические структуры. Вместо ожидаемого «расцвета демократии» и «взлета экономического развития» новые независимые государства оказались во многом еще более зависимыми от своих бывших колониальных хозяев. В усилившейся социальной иерархизации значительная роль принадлежала языкам и культуре. Для многих стало вполне очевидным, что целый ряд поставленных в области языковой политики и языкового образования задач и их решений вряд ли можно было считать философски-нейтральными¹¹. Более критически настроенные авторы вообще оценивали языковое планирование как «аморальное, непрофессиональное и нереалистичное», а предложенные ранее модели, в том числе и модели Э.Хогена и Фергюсона (Haugen 1966, Ferguson, 1966), — как неадекватные. Поскольку языковое планирование воспринималось как одно из направлений управления ресурсами и не учитывало всей сложности и многоплановости задач «социального инжиниринга», оно оказалось неспособным принимать во внимание огромное количество различных и часто не поддающихся контролю составляющих и, соответственно, верно оценить степень эффективности проводимой политики. Именно поэтому оно не могло не потерпеть неудачу. Одним из важных способствовавших этому факторов были затруднения в осуществлении самой политики модернизации в целом ряде стран. Другим фактором, также оказавшим влияние на пересмотр ряда положений языковой политики, явилось появление новых взглядов и подходов, в частности, критики позитивистских представлений о лингвистике как автономной дисциплине, способной самостоятельно объяснить усвоение, использование и изменение языка. Сомнению подверглись прежде всего ключевые для лингвистики понятия — «носителя языка», «языковой компетенции», «родного языка» и т.п. Все это не могло не иметь прямых последствий для формирования новых подходов к языковой политике и планированию: язык все чаще начинает рассматриваться в контексте социального действия, не как заданная система, а скорее

как «стремление к сообществу». Понятие «автономной лингвистики», по мнению А. Пенникука, претендуя на нейтральный дескриптивизм, по существу, ведет к прескриптивизму, то есть вместо того, чтобы описывать «унитарный язык», по сути формирует его. Эта традиция уходит своими корнями к пост-Ренессансному европейскому периоду и в своей основе отражает политическую психологию национализма¹².

В отличие от более раннего периода, связанного, как отмечалось, с решением задач графизации, стандартизации и модернизации языков и подчиненного общей цели языковой ассимиляции, в центре внимания представителей второй волны теоретиков и практиков языковой политики оказываются вопросы социальных, экономических и политических эффектов устанавливаемых лингвистических контактов; выявление того, какими именно способами язык, с одной стороны, отражает, а с другой — формирует отношения социоэкономического и политического неравенства. Вместо изучения *языков* как целостностей со своими собственными социальными сферами распространения и функциями, своей «ролью» и социальным статусом, в центре внимания социолингвистов второго поколения оказались проблемы статуса и отношений между языковыми *сообществами* в специфических социокультурных контекстах. В этой связи вопросы статуса, «полезности» или жизнеспособности языков рассматривались не с позиций их адекватности или неадекватности целям модернизации и численности говорящего на них населения, а в корреляции с социальным и экономическим статусом их носителей. Нейтральность понятия «стабильной диглоссии» как одного из средств национального развития была подвергнута сомнению, поскольку, как показал опыт многих стран, принцип функциональной дифференциации локальных и европейских «национальных» языков в большинстве случаев лишь усугубил социоэкономическую асимметрию, углубив историческое неравенство и конфликты.

Развитие критической социальной теории и критика структурных лингвистических подходов, получившие активное развитие с начала 1960-х гг., стали в значительной мере ответной реакцией на широкие социополитические перемены и процессы, такие как национальное строительство, глобализация ка-

питала, технологий и коммуникаций и связанные с ними угрозы маргинализации отдельных языков и культур, распад империй и неудачи модернизации в ряде стран, сохранение и воспроизводство неравенства и несправедливости и т.д.

Таким образом, для второй фазы развития теоретической платформы языкового планирования и языковой политики характерно все возрастающее осознание отрицательных последствий и внутренних противоречий теоретических моделей и их практического воплощения, понимание того, что такие социолингвистические конструкты, как диглоссия (двуязычие), билингвизм и мультилингвизм, оказались идеологически нагруженными и чрезвычайно сложными в концептуальном плане и зачастую не встраивались в имеющиеся дескриптивные таксономии. Выбор европейских языков в качестве «нейтрального» средства коммуникации в процессе национального социально-экономического развития, как правило, создавал тенденцию к приоритету интересов бывших метрополий и имел негативные эффекты в смысле социальной, экономической и политической маргинализации языковых меньшинств. В конечном счете, это вело к сокращению языкового разнообразия. В то же время, как стало очевидно, попытка лингвистической инженерии, проводимой в соответствии с «просвещенческой» моделью, оказалась не вполне удачной, поскольку лингвистическое поведение, являясь одним из ключевых видов поведения социального, было подвержено мощному воздействию не только макроэкономических и политических сил, но и отношениям, восприятиям и оценкам самих носителей языка и языковых сообществ.

Происходящие в последнее время процессы глобализации усиливают и обостряют динамику представленных выше процессов. Глобализационные тенденции имеют, как отмечается, двойственный эффект. С одной стороны, они в определенной степени подрывают суверенитет национальных государств, а именно их способность контролировать собственные экономические, культурные и социальные системы. Интернационализация рынков, автономность транснациональных корпораций, распространение информации в мировом масштабе с помощью электронных средств и возрастание интенсивности миграционных потоков действительно оказывают серьезное воздейст-

вие на степень власти и влияния государств и правительств. С другой стороны, достаточно очевидно, что глобализация ни в коем случае не снижает их доминирующую структурную роль внутри конкретной политической системы. Быстрый рост числа постколониальных государств после Второй мировой войны и формирование новых государств после распада Советского Союза служат свидетельством тому, что национальное государство сохраняет высокий институциональный статус в современной политической системе.

Можно утверждать, что обе названные тенденции так или иначе способствуют распространению этнических групп, выдвигающих свои притязания на политическое признание. С одной стороны, международное право все в большей степени накладывает ограничения и универсальные законодательные рамки на вновь возникающие государства и их правительства. Как следствие, многие этнические и региональные меньшинства, подвергавшиеся ранее дискриминационной политике, приобретают относительно большую степень автономности благодаря международным правовым стандартам, отсутствовавшим в период становления европейских государств. По мере того, как традиционные идентичности релятивизируются, происходит реконструкция старых и утверждение новых идентичностей. В результате возникают этнополитические движения националистического, религиозного или иного характера, основывающиеся на понятиях языка и расы как основных ресурсах для конструирования идентичностей и политической мобилизации.

Кроме того, возрастание международных миграционных потоков усилило диверсификацию среди населения «старых» монолингвальных государств. Если в США, Канаде и Австралии уже накоплен опыт лингвистического многообразия, то европейским и восточно-азиатским государствам приходится в последнее время сталкиваться с беспрецедентными ранее потоками беженцев, политических и экономических эмигрантов, возрождением национальных этнических меньшинств и языков, совпавшим с распадом Советского Союза и репатриацией бывших колоний, таких, как Гонконг, усилением тенденций к укреплению новых региональных коалиций, в рамках которых локальные и региональные языки вынуждены конкурировать с

«супранациональными языками: английским, французским, немецким, и др. Наряду с геополитическими факторами возрастает влияние сил, связанных с глобализацией капитализма, например, с доминированием на рынке медиа-продукции небольшого числа транснациональных корпораций. По мнению некоторых аналитиков, подобная централизация повсеместного контроля и распространения культуры может оказаться еще большей угрозой независимости некоторых стран, чем колониализм в его традиционной форме¹³.

В этом контексте ключевая дилемма современной языковой политики может быть сведена к следующему. С одной стороны, социальная и языковая политика должна решать проблемы, связанные с лингвистическим многообразием и политическими притязаниями групп с различной этнической идентичностью. С другой стороны, ей приходится развивать институциональные структуры общей публичной сферы в контексте делегитимации националистического понятия государства. Именно эта дилемма стоит перед демократическими правительствами многоязычных государств.

Как известно, Европейский Союз своими корнями уходит прежде всего к экономическому союзу, первоначально построенному вокруг угольной и сталелитейной промышленности. Сфера его постоянно расширялась как в плане стран-участниц, так и тех областей социальной жизни, на которые распространялась его компетенция. Несмотря на то, что нынешний Европейский Союз весьма существенно отличается от своей первоначальной модели, экономический рост и конкурентоспособность продолжают оставаться основой европейского проекта, хотя и в иных экономическом и социальном контекстах, определяемых теперь не императивами послевоенной реконструкции, а в терминах глобализации и общества знания.

В связи со сказанным не удивительно, что политический язык и метафоры ЕС главным образом связаны с экономической сферой. В конце 1980-х гг., однако, все более сильную позицию занимает мнение о том, что обеспечение экономического роста и конкурентоспособности может быть возможным лишь через проведение такой социальной политики, которая позволяла бы избежать социального напряжения. Такая поли-

тика должна способствовать не только экономическим успехам, но и возможности полноценного участия граждан стран Европы в демократическом процессе, что, в числе прочих инструментов, должно быть обеспечено соответствующим уровнем и качеством образования и лингвистической политикой. Это отчетливо проявилось в создании и упрочении политических нарративов, связанных с понятиями мобильности, идентичности и социальной эксклюзии¹⁴.

Современный этап языковой политики Европейского Союза, начавшийся примерно с середины 1980-х гг., находится в стадии формирования, поэтому ему пока трудно дать исчерпывающую характеристику. Он ассоциируется с интенсификацией упомянутых выше глобализационных процессов и иных тенденций постмодерна и описывается в западной аналитической литературе как «новая парадигма» языковой политики. Особенностью данной парадигмы в теоретизировании языковой политики стал синтез элементов критической теории с подходом «лингвистической экологии». Идеология «экологии языка» предполагает расширение языкового многообразия в мировом масштабе, поддержку плюралингвизма в изучении иностранных языков и обеспечение лингвистических прав как неотъемлемых прав человека всем носителям различных языков¹⁵. Не имея возможности более подробно остановиться на характеристике европейского правового международного контекста, следует заметить, что нормативная модель общества, заложенная в международных правовых инструментах, касающихся лингвистических прав, в целом направлена на урегулирование сохранения и дальнейшего продвижения идентичностей лингвистических меньшинств с возможностями и необходимыми условиями их участия в публичной сфере. Задачей политики на национальном государственном уровне провозглашается создание и поддержание оптимального баланса между этими двумя требованиями.

Подводя итог обсуждению динамики развития языковой политики в европейском и мировом масштабе, можно назвать некоторые преобладающие на различных этапах модели. Возможно, различать три основных «идеальных типа» языковой политики: «ассимиляционистский», «дифференциалист-

ский» и «мультикультурный»¹⁶. «Ассимиляционистская» модель, в основании которой лежит идеал монолингвизма, направлена на лингвистическую гомогенизацию общества. Несмотря на то, что по отношению к языковым меньшинствам может проявляться толерантность, а их члены могут пользоваться равными правами с представителями доминирующей культуры, в целом политика, ориентированная на ассимиляцию меньшинств, проводит стратегии, не поощряющие поддержку неофициальных языков, к примеру, через образовательную политику, предписывающую преподавание на официальном государственном языке.

Что касается «дифференциалистской» (или «эксклюзивнистской») модели языковой политики, то хотя она также определяется идеалом монолингвизма, она отличается стремлением к систематическому исключению лингвистических меньшинств. Если в своих умеренных вариантах данная политика и допускает существование параллельных институтов, таких как школы, СМИ, ассоциаций и т.п., эти институты, как правило, маргинализируются с целью ограничить участие их членов в основных сферах политической и социальной жизни.

Мультикультурная, или плюралистическая модель языковой политики, стремящаяся к признанию языков лингвистических меньшинств в публичной сфере, относится в данное время к числу наиболее популярных как в научной риторике, так и в официальном политическом дискурсе. Термин «мультикультурализм» может иметь по крайней мере три основных смысла. В своем «демографически-дескриптивном» прочтении он означает сам факт культурного и этнического разнообразия; в идеолого-нормативном смысле он относится к философским аргументам, подчеркивающим легитимность притязаний на признание идентичности тех или иных этнических групп; наконец, в своей политической интерпретации он определяет любые политические средства, направленные на решение проблем, связанных с разнообразием, путем активного продвижения официальнопризнаваемого участия этнических, языковых и религиозных меньшинств в публичной сфере¹⁷. В данной работе термин мультикультурализм употребляется прежде всего в этом третьем значении, а именно, он может быть соотнесен с

понятием демократического правления в том смысле, что он обеспечивает публичное признание идентичностей разнообразных этнических групп и тем самым вносит вклад в функционирование гражданского общества на основе плюралистической политической модели.

Мультикультурализм может существовать, по крайней мере, в двух формах. «Региональный» вариант мультикультурализма, строящийся главным образом на понятии так называемой «консоциетальной демократии», свою задачу видит в достижении не-дискриминации, гарантированном равенстве в обращении и продвижении лингвистических меньшинств на основе территориального деления, федерализма и многоуровневой системы политической репрезентации. Второй, «социокультурный» вариант мультикультурализма стремится укрепить и развить идентичность лингвистических меньшинств путем разрешения и поддержки создания параллельных социальных институтов (школ, медиа, гражданских ассоциаций), которые имели бы равный статус в публичной сфере относительно прочих подобных институтов. При этом билингвизм или мультилингвизм рассматриваются в качестве механизмов, обеспечивающих коммуникацию в публичной сфере.

Анализ существующей языковой политики в странах Европы, Австралии и Канаде свидетельствует, что, хотя исторические традиции и специфические местные условия зачастую приводят к необходимости сочетать различные типы языковой политики, социокультурный вариант мультикультурализма обладает наибольшим потенциалом мирного урегулирования этнических конфликтов, связанных с лингвистическим разнообразием. Тем не менее подобный анализ указывает также на то, что игнорирование инструментальной значимости «связующего» языка или языка, выполняющего роль посредника всеобщей коммуникации, фактически приводит к ослаблению позиции лингвистических меньшинств, особенно в экономическом и политическом секторах и в гражданской сфере.

Региональный вариант мультикультуральной языковой политики имеет достаточно давнюю традицию, например, в таких странах, как Швейцария и Бельгия, которые нередко рассматриваются как идеальные модели «консоциетальной» демокра-

тии. В швейцарской конституции, к примеру, французский, немецкий и итальянский языки провозглашаются и как национальные, и как официальные языки, а рето-романский — как национальный язык. Это создало ситуацию некоего «кантонального» суверенитета, в соответствии с которым каждая лингвистическая группа так или иначе имеет контроль над публичными школами, средствами массовой информации в пределах своего кантона, в то время как индивидуальные лингвистические права внутри того или иного округа регулируются статьями о недискриминации. Что касается общенационального уровня, то здесь существуют определенные институциональные механизмы, обеспечивающие равенство репрезентации и участия основных лингвистических групп в законотворчестве, юрисдикции и управлении.

Подобная модель разделения властей, однако, имеет свои эмпирические недостатки. В юридическом смысле региональная модель, сфокусированная на принципе территориальности, не решает проблему примирения индивидуальных лингвистических прав и продвижения идентичности языковых меньшинств. Более того, данная модель часто даже усиливает экономическое и политическое неравенство, поскольку не принимает во внимание тот факт, что некоторые языки, к примеру итальянский, имеют в Швейцарии более низкий социальный статус по сравнению с другими языками. И, наконец, такая модель способствует росту взаимного непонимания между теми или иными лингвистическими группами, так как в ней не заложены механизмы, подобные мультилингвальному образованию, которые способствовали бы упрочению социальной связности на государственном уровне.

В Бельгии, где сложилась подобная же модель регионального разделения властей, публичное обсуждение отмеченных ограничений привело к конституционной реформе, в результате которой принцип территориальности был дополнен принципом лингвистического самоопределения. Как следствие, три региона (Валлонский, Фламандский и Брюссельский) и три сообщества (говорящих соответственно на французском, фламандском и немецком языках) имеют автономный статус и координируются достаточно сложной системой институтов.

Противоречия и недостатки, связанные со швейцарской и бельгийской моделями «консоциетальности», свидетельствуют о том, что урбанизация, возрастание мобильности и экономическая взаимозависимость существенно ограничивают эмпирическую эффективность регионального варианта мультикультурной языковой политики в обеспечении лингвистических прав. Кроме того, при таком подходе обычно игнорируются лингвистические права эмигрантских меньшинств, значимость которых в европейских странах все более возрастает. По отношению к эмигрантам европейская языковая политика во многих странах развивается по моделям ассимиляции или дифференциации. Несмотря на то, что в публичной полемике, ведущейся в ряде стран, особенно в Бельгии, Германии и Нидерландах, все чаще признается важность поддержания лингвистической идентичности эмигрантов как в культурном и правовом, так и в экономическом смысле, например, через осуществление обучения на языках данных групп, в целом образовательная политика в большинстве стран Европы неохотно осуществляет защиту и продвижение их языков.

Поскольку социокультурная модель мультикультурной языковой политики открыто поддерживает лингвистическую идентичность и на региональном уровне, и на уровне эмигрантских меньшинств, не удивительно, что страны, которым изначально пришлось иметь дело с интенсивными потоками эмигрантов, особенно Канада и Австралия, приняли данную модель раньше всех прочих. Возрастание эмиграционных потоков в Канаду привело к критике политики англоязычного и франкофонного конформизма и, в конечном счете, к принятию в 1971 г. «политики мультикультурализма в рамках билингвальной системы», закрепленной в 1988 г. Законом о мультикультурности (*Multiculturalism Act*). На практике это означало, что обучение в системе образования предполагало свободное владение как своим родным языком, например, языком той или иной группы эмигрантов, так и одним из общепринятых национальных языков.

Однако если в целом подобная мультикультурная языковая политика способствовала укреплению социальной интеграции в Канаде, в некоторых случаях, например, в провинции Квебек, она не обошлась без проблем и противоречий. Прово-

димая в 1970-е гг. мультикультурная языковая политика в целом ослабила статус французского языка и способствовала распространению английского, приобретшего более высокий социальный статус. Ответной реакцией на это стало смещение акцента в квебекской языковой политике назад к французскому языку, с тем чтобы подчеркнуть и укрепить идентичность франкофонного сообщества¹⁸.

Если рассмотреть ситуацию в Австралии, то здесь принятие плюралингвизма означало сдвиг от строгомонолингвальной и ассимиляционистской политики к признанию лингвистических прав аборигенов и эмигрантов с различным языковым фоном. Стратегии мультикультурной языковой политики, прописанные в Программе национальной языковой политики, были направлены на расширение преподавания как на национальном, так и на родном языке, на введение предметов, связанных с многообразием культур, на развитие многоязычных средств массовой информации, переводческих служб и пр. Однако уже к середине 1980-х гг. становится более или менее очевидным, что, поскольку государственный язык продолжал оставаться основным средством коммуникации, продвижение чисто «этнического варианта», то есть идентичности этнических меньшинств, оказывалось связанным с риском дальнейшего усиления властного неравенства в экономическом и политическом секторах. В результате публичная языковая политика в Австралии приобрела более сложный характер, приняв комплексные модели мультикультурализма, предполагающие одновременное продвижение языков меньшинств и углубление компетенции в области общего языка коммуникации.

В качестве обобщения можно сказать, что, по сравнению с ассимилятивной и дифференциалистской моделями языковой политики, модель мультикультурализма (или плюралингвизма) предлагает, на наш взгляд, более жизнеспособную стратегию решения этнолингвистических конфликтов. Тем не менее практический успех подобной политики зависит от того, насколько ее проводникам удастся сохранить баланс между признанием тех или иных лингвистических тождеств и императивами функционирования экономической и политической систем. Уваже-

ние к дифференциации «отдельного» и «всеобщего» становится ключевым условием демократического правления в мультикультурных обществах.

Примечания

- ¹ *Хабермас Ю.* Демократия, разум, нравственность /Пер. с нем. М., 1995. 245 с.
- ² *Giesen B.* Kulturelle Vielfalt und die Einheit der moderne // *Leviathan*. Opiaden. 1996. Jg. 24, H. 1. S. 102.
- ³ *Хантингтон С.* Столкновение цивилизаций /Пер. с англ. М., 2003. 603 с.
- ⁴ *Абельс Х.* Интеракция, идентичность, презентация: введение в интерпретативную социологию /Пер. с нем. СПб., 2000. С. 105.
- ⁵ *Koenig M.* Cultural Diversity and Language Policy // *ISSJ* 161. UNESCO. Oxford, 1999. P. 402.
- ⁶ *Treanor P.* Language Futures Europe. <http://web.inter.nl/users/Paul.Treanor/eulang.html>
- ⁷ *Wright S.* Language as a Contributing Factor in Conflicts Between States and Within States // *Current Issues in Language and Society*. 1997. № 4(3). P. 213–237.
- ⁸ *Ricento Th.* Historical and Theoretical Perspectives in Language Policy and Planning // *J. of Sociolinguistics*. 2000. № 4/2. P. 197.
- ⁹ *Rubin J.* A view Towards the Future. P. 307–310.
- ¹⁰ *Jernudd B., Das Guppa J.* Towards a Theory of Language Planning // *Can Language Be Planned? Sociolinguistic Theory and Practice for Developing Nations* /Ed. by J.Rubin, B.Jernudd. Hawaii, 1971. P. 195–215.
- ¹¹ *Fishman J.* Progress in Language Planning: A few concluding sentiments // *Progress in Language Planning* /Ed. by J.Cobarrubias, J.Fishman. Berlin, 1983. P. 382.
- ¹² *Pennycook A.* The Cultural Politics of English as an International Language. L.–N. Y., 1994. P. 29.
- ¹³ *Said E.* Culture and Imperialism. N. Y., 1993. P. 291–292.
- ¹⁴ *Davies P.* Widening Participation and the European Union: direct action – indirect policy? // *European J. of Education*. 2003. Vol. 38. № 1. P. 99.
- ¹⁵ *Ricento Th.* Op. cit. P. 206.
- ¹⁶ *Inglis C.* Multiculturalism: New Policy Responses to Diversity // *MOST Policy Papers*. № 4. Paris, 1996. P. 37.
- ¹⁷ *Ibid.* P. 15–18.
- ¹⁸ *Koenig M.* Op. cit. P. 406.

**Размышление по поводу книги
Сейлы Бенхабиб «Притязания культуры.
Равенство и разнообразие в глобальную эру»**

В издательстве «Логос» вышла прекрасная книга известного на западе профессора политологии и философии Йельского университета С.Бенхабиб. В содержательной вступительной статье Владислав Иноземцев отмечает, что в этой работе читатель найдет наиболее полное и систематическое изложение взглядов автора книги на проблемы, которым она посвятила последние два десятилетия. Сразу хочу отметить, что книга С.Бенхабиб из тех, отдельные разделы которой, возможно, придется читать не один раз, чтобы понять некоторые утверждения автора, но эта работа окупается сторицей, поскольку начинаешь думать над этими вопросами сам; вообще, книга Бенхабиб заставляет видеть по-новому и двигаться самому.

Имеет смысл пояснить ситуацию и проблемы в сфере политической философии, которые имеет в виду и над которыми размышляет С.Бенхабиб. Суть в том, что сторонники либерализма вынуждены защищать и обновлять свои фундаментальные положения (абсолютный приоритет индивидуальности, приверженность демократическим идеалам, принципы: «эгалитарности» — признание за всеми людьми равной моральной ценности, независимо от различий в плане происхождения, собственности, религиозной принадлежности, пола и т.д.; «универсализма» — требование равенства и индивидуального достоинства, независимо от социаль-

но-исторической принадлежности человека; «мелиоризма», то есть установки на совершенствование и изменение социальных институтов). При этом теоретики либерализма реагируют, с одной стороны, на критику представителей так называемого «мультикультурализма» (нового течения политической мысли и практики, требующего признания разных социальных групп и субкультур как самостоятельных политических образований), с другой — на быстро происходящие социальные изменения, осознаваемые в идеологии глобализма. «Изначальное противоречие между правами человека и требованиями самоопределения, — пишет С.Бенхабиб, — играет основополагающую роль в либерально демократических обществах, если они хотят остаться таковыми и не поддаться романтизму национальной или культурной чистоты... С одной стороны, повсюду в мире растет осознание универсальных принципов, связанных с правами человека. С другой стороны, со все большим ожесточением утверждаются особые идентичности национального, этнического, религиозного, расового и языкового характера, в силу которых и считается, что некто принадлежит к суверенному народу»¹.

С.Бенхабиб указывает на несколько причин, заставляющих сегодня учитывать мультикультурные требования: конфликты либерально-демократических государств с иммигрантскими общинами, число которых быстро растет в связи процессами обратной глобализации; формирование национально-политических образований в Восточной и Центральной Европе после эры коммунизма; становление в рамках ЕС новых форм права; незапланированное появление в результате перераспределительной политики культурно-групповых идентичностей с защищенным статусом; новые модели капиталистической и социокультурной интеграции в западных либеральных демократиях (С. 135—136). Делать вид, что мультикультурной реальности не существует, что это или ошибка, или чья-то злая воля, как думает, например, Брайан Бэрри, по мнению С.Бенхабиб, — «плохая социология» (С. 135).

¹ Бенхабиб С. Притязания культуры. М., 2003. С. 180, 181; далее везде ссылки на данную книгу.

Как же можно ответить на вызовы мультикультурализма? Нужно отдать должное автору книги: она это делает на самом высоком уровне. Ее стратегия такова: с одной стороны, С.Бенхабиб осуществляет критику традиционных представлений о культуре и человеке, разделяемых мультикультуралистами, с другой — вводит ряд новых понятий и представлений, например, той же культуры, понимания социального действия и другие, с третьей — демонстрирует, как можно по-новому, исходя из либерально-демократических представлений, решать возникшие в современности социальные и политические проблемы. Так С.Бенхабиб старается показать, что традиционное понимание культуры (да и человека) как единой целостности или многих замкнутых, однородных целостностей (монад) в настоящее время неудовлетворительно.

Вместо этого культуру и человека нужно мыслить в понятиях идентичности и реальности, которые устанавливаются в процессе общения и диалога, причем каждый раз заново. «Быть и стать самим собой — значит включить себя в сети обсуждения... Мультикультурализм, — пишет С.Бенхабиб, — слишком часто увязает в бесплодных попытках выделить один нарратив как наиболее существенный... Мультикультуралист сопротивляется восприятию культур как внутренне расщепленных и оспариваемых. Это переносится и на видение им личностей, которые рассматриваются затем как в равной мере унифицированные и гармоничные существа с особым культурным центром. Я же, напротив, считаю индивидуальность уникальным и хрупким достижением личности, полученным в результате сплетения воедино конфликтующих между собой нарративов и привязанностей в уникальной истории жизни... Трактовка культур как герметически запечатанных, подчиненных собственной внутренней логике данностей несостоятельна... Культурные оценки могут переходить от поколения к поколению только в результате творческого и живого участия и вновь обретаемой ими значимости» (С. 17, 19, 43, 122).

С.Бенхабиб указывает и причину, заставляющую рассматривать культуры и человека традиционно: это внешняя точка зрения, позволяющая управлять (властвовать). «Во всяком случае, взгляд, воспринимающий культуры как четко очерченные

целостности, представляет собой взгляд извне, и он устанавливает связи, позволяющие осмысливать реальность и контролировать ее... эпистемологический интерес к власти ведет к замалчиванию голосов несогласных и неприятию точек зрения оспаривающих» (С. 6, 122). Сама же С.Бенхабиб ориентирована не на жесткий контроль, а на культурную политику, включающую диалог и общение. Другими словами, ее идеал социального действия — не технический (социально-инженерный), а гуманитарный. Но и не утопический, поскольку предполагается коррекция со стороны социального опыта, то есть анализ и учет того, что на самом деле получается из наших усилий.

«Ясно, — пишет С.Бенхабиб, — что идеал рационально мотивированного консенсуса является основным для демократической теории и практики... Это не означает, что подобного рода условия сами по себе не допускают интерпретаций, несогласия или ссор по их поводу. Я называю их «слабыми трансцендентальными условиями» в том смысле, что они *необходимы и существенны* для моральных, политических и социальных практик достижения разумного согласия... вовсе не глубинные структуры ума или психики, а скорее исторический и моральный опыт заставляет нас верить в верховенство всеобщих прав. Поэтому в добавление к слабой трансцендентальности я защищала бы и универсализм, обогащенный историческим опытом» (С. 45–46).

Я еще вернусь к авторскому пониманию социального действия, пока же отмечу, что понимание культуры и человека, на котором настаивает С.Бенхабиб, все же частично. Оно хорошо работает для тех задач, которые С.Бенхабиб решает (модернизация применительно к требованиям современности принципов либерализма, выработка правильной культурной политики в отношении мигрантов, женской культуры, меньшинств разного рода, популяций населения, не выдерживающих конкуренцию и т.п. социальных или культурных групп). Подобный взгляд на культуру, безусловно, отвечает и ряду особенностей модернистской культуры, где, с одной стороны, раскрываются границы (национальные, региональные, культурные, религиозные), прорабатываются общие ткани и структуры, а с другой — складываются условия для культивирования самых разных форм социальной и культурной жизни.

Однако если речь идет о других культурах (архаической, античной, средневековой, нового времени, культурах Востока или Америки), а также других задачах, например, объяснить, как происходит формирование и гибель некоторой культуры, то понятие культуры, предложенное С. Бенхабиб, становится и недостаточным, и не совсем верным. Конечно, и в Средние века культура была неоднородной, и в ней сталкивались разные нарративы и дискурсы, но, во-первых, в целом средневековая культура была ориентирована на единый метанарратив (Священное писание), во-вторых, если ставится задача объяснить становление, расцвет и упадок средневековой культуры, то ее приходится представлять как одно целое, как определенную форму социальной жизни (см. например, нашу книгу «Право, власть и гражданское общество». Алматы, 2003).

Но С. Бенхабиб не ограничивается только критикой традиционных представлений о культуре и человеке. Не менее интересна ее критика постмодернизма, настаивающего на принципиальной несоизмеримости существующих культурных нарративов и парадигм (рамок). Действительно, если бы постмодернисты были правы, то перестали бы работать основные принципы либерализма и демократии, поскольку никогда нельзя было бы понять другого, договориться и, как следствие, добиться равенства. А С. Бенхабиб стремится именно к пониманию и миру при том, что одновременно она признает: есть границы компромисса. «Практика уступок мультикультурализму может привести к своего рода «холодной войне» между культурами: возможными станут мир, но без примирения, заключение сделок, но не взаимное понимание... В качестве граждан нам следует понимать, когда мы доходим до пределов своей терпимости; тем не менее нам нужно научиться сосуществовать с «особостью» других, чей образ бытия, возможно, серьезно угрожает нашему собственному» (С. 155).

Критика теории «рамочного релятивизма» в лице Жана-Франсуа Лиотара и Ричарда Рорти позволяет С. Бенхабиб сформулировать важные тезисы: представители постмодернизма абсолютизируют различие подходов, закрывая глаза на наличие общих условий; на самом деле, несмотря на различия, мы в состоянии понять друг друга; реальное общение не ограничива-

ется только семантикой, оно ведет также к установлению взаимозависимостей; общее пространство описание культурных взаимодействий включает в себя такие три плана, как моральный, этический и оценочный.

«Реальное столкновение между разными культурами, — утверждает С.Бенхабиб, — создает не только сообщество обсуждения, но и сообщество взаимозависимости... В моральном плане мы стали современниками, если не партнерами, захваченными в сеть взаимозависимости, причем наши действия будут иметь и вневременные последствия...не следует, что если мы уважаем людей как создателей культуры, то мы должны либо «классифицировать или упорядочить» их миры *в целом*, либо отказать им в уважении, вообще отстранив от себя их жизненные миры. Мы можем не соглашаться с *каким-то* из аспектов их моральных, этических или оценочных практик, при этом не отвергая их жизненные миры *как таковые* и не проявляя неуважения к ним» (С. 42, 43, 48).

То есть, с точки зрения автора, в обществе возможно не только добиваться согласия, но и сравнивать разные подходы и нарративы. При этом в плане взаимодействия и установления взаимозависимостей нужно ориентироваться на идеи «совещательной демократии», сформулированные Хабермасом и другими теоретиками социальной философии. Предварительным условием последней, по убеждению С.Бенхабиб, является, «удовлетворение требований экономического благополучия и потребности в коллективной идентичности» (стоит отметить, что власти в нашей стране часто считают эти требования и потребности не столь уж существенными). Сама же совещательная демократия, по мнению С.Бенхабиб, предполагает выработку публичных решений, основанных на общении и диалоге, в равной мере отвечающих интересам всех.

Прорабатывая этот подход научно, С.Бенхабиб вводит важное для нее понятие «дискурсивной этики»: «Имеют силу только те нормы и нормативные институциональные механизмы, на которые в рамках особых ситуаций обсуждения, именуемых дискурсами, готовы согласиться все, кого это касается... Всеобщее уважение требует, чтобы мы признавали право на участие в моральном обсуждении за всеми людьми, способными

говорить и действовать» (С. 127, 128). Поскольку принципы совещательной демократии разными исследователями понимаются и формулируются различно, С.Бенхабиб сравнивает свою концепцию с «моделью либерального перекрестного консенсуса» Джона Роулза и подходом Брайана Бэрри. Если последний, что я уже отмечал, по мнению С.Бенхабиб, игнорирует реальность и вызовы мультикультурализма, то модели Роулза и совещательной демократии расходятся в трех основных пунктах: во-первых, совещательная модель не ограничивает повестку публичного обсуждения только «конституционными основами», как у Роулза, поощряя «дискуссии по поводу разграничительных линий, отделяющих публичное от частного», во-вторых, совещательная модель рассматривает публичную сферу как относящуюся прежде всего к пространству гражданского общества, а не к политическому, стараясь прояснить «взаимодействия между политическими процессами и «фоновой культурой», в-третьих, «если модель Роулза сфокусирована на «политической власти как на последней инстанции, способной осуществить принуждение», то совещательная модель больше нацелена на ненасильственные и незавершающиеся процессы формирования мнения в неограниченной публичной сфере» (С. 130).

Задав такое понимание социального действия, С.Бенхабиб не могла не разобрать критику в свой адрес и обсудить сомнения в реалистичности подобного «утопичного» понимания. «Мультикультурализм во множестве своих проявлений ставит под вопрос ключевые послышки либеральной демократической мысли, нужно разрядить его конфликтный и взрывной потенциал в публичной гражданской сфере через диалог, конфронтацию и сделки между рядовыми гражданами... Во многих случаях, — соглашается автор книги, — провести подобный политический курс и побудить вовлеченные в него общины к согласию может быть достаточно трудно. Но правильное не перестает быть правильным только потому, что оно недостижимо» (С. 149, 155).

Разбирая точку зрения тех оппонентов, которые утверждают, что неверен сам подход, поскольку модель совещательной демократии не в состоянии примирить «несоизмеримые системы верований и мировоззрений» и предполагает у уча-

стников диалога достаточно высокую культуру мышления, автор книги старается показать, что несоизмеримость нарративов преувеличена, что, напротив, в реальном публичном общении мы, как правило, «ориентируемся на один и тот же горизонт знания» (С. 162), что часто более важен не результат, а процессы сближения, понимания и социального обучения, что совещательные процессы не устраняют необходимости демократической борьбы всеми другими политическими средствами (С. 169).

«Как и в случае любой другой нормативной модели, — замечает С. Бенхабиб, — всегда можно сослаться на преобладающие условия неравенства, иерархии, эксплуатации и доминирования, чтобы доказать, «что в теории это может быть и верно, но на практике все иначе» (Kant [1793] 1994). В ответ на давний спор между нормой и реальностью нужно просто сказать, что, если бы в мире все было так, как должно быть, не возникло бы и необходимости создавать нормативные модели. Тот факт, что нормативная модель не соответствует реальности, не дает оснований отбросить модель, поскольку потребность в нормативности как раз вызвана тем, что люди оценивают действительность, в которой живут, в свете принципов и обещаний, превосходящих данную реальность» (см.: Benhabib 1986) (С. 160–161).

Соглашаясь с этим в принципе, стоит все же обратить внимание на различие стартовых условий в разных культурах и странах. Например, в России идеи равенства, свободы, демократии, уважения прав личности и частной собственности настолько не укоренены в культурной традиции и поведении граждан, что их реализация в жизни часто приводит к совершенно противоположному результату: вместо прав — неправоподобные способы разрешения конфликтов, правда, маскирующиеся под право, вместо свободы — беспредел, вместо уважения прав личности и частной собственности — постоянное попрание этих прав².

² См. например, интересное исследование Т.И. Заславской и М.А. Шабановой: Социальные механизмы трансформации неправовых практик // Общественные науки и современность. 2001. № 5, а также: *Розин В.М.* Право, власть, гражданское общество. Алматы, 2003.

Очевидно, не любые нормы способствуют нужным для общества социальным процессам изменения; иногда разрыв между нормой и реальностью столь велик, что подобные нормы становятся деструктивными, что не отрицает ни необходимости норм, ни необходимости допустимой дистанции между нормой и социальной реальностью.

Другое сомнение касается вопроса, в какой все же мере исходные принципы либерализма и демократии соответствуют современным культурным процессам, столь точно охарактеризованным автором книги. С. Бенхабиб неоднократно заявляет, что основанная на дискурсивной этике модель совещательной демократии позволяет разрешить все проблемы и при этом устоят основные посылки и положения либерализма. Но так ли это на самом деле? Идеи равенства, индивидуального достоинства, эгалитарности, универсализма и другие были сформулированы в рамках культуры XVIII–XIX вв., существенно отличающейся от той, которая характерна для современности. С. Бенхабиб ставит для обычного человека слишком высокую планку. Например, она предполагает, что последний способен к социальному реформаторству, что предполагает рефлекссию и пересмотр своих фундаментальных ценностей. «Таким образом, — пишет она, — целью всякой публичной политики, проводимой во имя сохранения культур, должно стать наделение членов культурных групп достаточными возможностями, чтобы они могли присвоить, обогатить и даже разрушить каноны их собственных культур, как сами того пожелают» (С. 79).

Правда, культурологические исследования показывают, что социальные институты и практики при изменившихся социальных условиях могут обновляться и совершенствоваться, обретая, так сказать, второе и третье дыхание. В этом смысле задачу С. Бенхабиб можно понять и так: она изо всех сил отстаивает принципы либерализма и демократии, так их обновляет и модернизирует, что тем самым способствует обновлению и второму рождению самих институтов либерализма и демократии. Другое дело, если данные институты полностью исчерпали свои ресурсы. Но вряд ли это так.

С. Бенхабиб не ограничивается только методологией и теорией, она в своей книге приводит несколько убедительных примеров возможной стратегии политических действий, исходя-

ших из принципов совещательной демократии и дискурсивной этики. Здесь и решение проблем гендерного гражданства, и построение политики в отношении религиозных меньшинств и групп, и формулирование основ политики в отношении мигрантов. Например, обсуждая последнюю проблему, С.Бенхабиб пишет: «Я буду проводить различие между условиями *въезда* в страну, такими как разрешение на посещение, обучение и приобретение собственности, и условиями *временного пребывания*, а затем между тем и другим и *постоянным пребыванием* и *гражданским инкорпорированием*, финальной стадией которого является *политическое членство*... политические изменения в данной сфере должны побудить нас к переосмыслению принятых нормативных категорий. Нам следует привести их в большее соответствие с новыми социологическими и институциональными реальностями гражданства в современном мире» (С. 184, 200).

На основе этого различения С.Бенхабиб выстраивает вполне разумную и, как кажется, эффективную политику в области гражданства и миграции. Одновременно она отмечает, что «отношение к чужим гражданам, иностранцам и другим негражданам в нашей среде является решающим тестом состояния нравственного сознания и политического мышления либеральных демократий» (С. 211). Но понимать это нужно не абстрактно, как принцип, реализуемый во что бы то ни стало, а конкретно в рамках практик совещательной демократии. «Глобальную цивилизацию, в которой примут участие граждане мира, — пишет С.Бенхабиб, — нужно будет возвращать из местных привязанностей; из содержательных культурных споров; из переосмысления «нашей» идентичности; из привычки к демократическому экспериментированию с устройством и переустройством институтов» (С. 220). К сожалению, в нашей стране нет привычки к *демократическому* экспериментированию (у нас всегда экспериментирование административное, не опосредованное знаниями и анализом последствий), все же со всем остальным можно полностью согласиться. Вполне можно согласиться и с последним предложением книги С.Бенхабиб: «ведение комплексных культурных диалогов в условиях глобальной цивилизации — это теперь наша судьба» (С. 222).

В заключение как культуролог хочу отметить, что работа С.Бенхабиб, помимо разобранных выше моментов, делающих появление данной книги знаковым событием, заставляет пересмотреть и взгляд на современную культуру. Действительно, наряду с представлением культуры как органического целого для целого ряда задач культурные феномены приходится представлять еще в трех планах. С одной стороны, в культуре целесообразно различать два уровня: «социальный», для которого характерны различного рода взаимодействия и взаимозависимости, и «витальный», где складываются независимые формы социальной жизни, сообщества и культурные группы. С другой стороны, культура предстает в виде «соляриса», где рождаются и сталкиваются между собой разнообразные фундаментальные дискурсы и практики, по отношению к которым человек осуществляет идентификацию и реализует себя как личность и социальный индивид. С третьей стороны, культура — это сфера креативной активности человека, поле его инновационных и реформаторских усилий.

Фонд как инструмент и субъект научной политики

Самым общим образом научная политика может быть охарактеризована как система действий субъекта власти и влияния, имеющая целью способствовать развитию науки и использованию научных знаний. Обсуждая проблемы научной политики, мы чаще всего имеем в виду научную политику государства. И это не случайно. В большинстве стран государства является самым мощным субъектом научной политики¹. Тем не менее существуют и другие субъекты научной политики. Можно говорить о научной политике университета, корпорации, научного фонда. Если университет, корпорация или фонд — государственные, то они являются инструментами научной политики государства и вместе с тем сами выступают субъектами научной политики, степень самостоятельности которой определяется рамками их свобод и полномочий.

Государство в России традиционно было не только самым мощным, но, порой казалось, единственным субъектом научной политики. Истории угодно было распорядиться таким образом, что российское государство стало не только покровителем науки, но прежде всего её учредителем и управителем. Сказанное никоим образом не означает, что в стране не существовало свободы научного творчества и что учёные действовали под диктовку не сведущих в науке чиновников. Отношения государства и учёных развивались непростым, порой драматическим образом, однако без свободы творчества и

демократизма (перед лицом истины все равны) наука как таковая немислима. Что же касается компетентности (или некомпетентности) чиновников, то следует иметь в виду, что к концу XX в. такое явление, как чиновник, работающий в системе управления наукой, но не разбирающийся ни в какой из наук, практически исчезает. Люди, принимающие решения в этой системе, имеют, как правило, опыт исследовательской работы, а нередко и серьёзные достижения в какой-либо из областей знания.

Увлекаясь противопоставлением государства и науки, учёного и чиновника, мы упускаем из виду, что, вырабатывая научную политику, государство всегда опиралось на мнение учёных. При этом успешность или ошибочность решений существенным образом зависела от того, какие именно мнения были приняты во внимание, а какие проигнорированы. Ведь среди самих учёных имеются разногласия (и порой достаточно острые) о перспективности тех или иных направлений, эффективности организационных форм и методов управления, о качестве результатов исследования, их научной значимости и перспективах практического применения. Трудности, с которыми сталкивается «управленец» в науке, не в последнюю очередь обусловлены тем обстоятельством, что даже самые глубокие познания в одной из наук (математических, естественных или гуманитарных) имеют, как правило, весьма отдалённое отношение к вопросам формирования научной политики и её реализации. Сегодня научная политика стремится быть научной в том смысле, который предполагает использование точных методов, позволяющих оценивать эффективность вложения в эту сферу государственных средств. Но наука о научной политике, даже если таковая сформируется когда-либо как дисциплина (допустим, в качестве раздела политологии или науковедения) неизбежно будет допускать существенные разногласия как в вопросах формирования реальной научной (и научно-технической) политики в реальной стране, так и в вопросах оценки эффективности такой политики.

Создавая новые организационные формы и механизмы, необходимые для проведения научной политики, государство использует (пусть и с соответствующими изменениями) те ме-

ханизмы и формы, которые уже возникли в научном сообществе как результат его самоорганизации или в гражданском обществе, представители которого стремились имеющимися в их распоряжении средствами содействовать прогрессу науки. Современные государственные научные фонды наследуют, с одной стороны, традиции организации и проведения различного рода конкурсов сообществами учёных и, с другой стороны, традиции поддержки перспективных начинаний частными благотворительными фондами.

К началу XXI в. распределение на конкурсной основе средств государственного бюджета, необходимых для научных исследований и разработок, заняло заметное место в научно-технической политике государства. Соответствующие конкурсы (результатом которых может быть предоставление грантов или заключение контрактов) проводят разные организации, в том числе министерства, через которые осуществляется финансирование науки, государственные академии (представляющие собой не только объединения авторитетных учёных, но и системы специализированных исследовательских институтов), университеты и их факультеты. Однако, в отличие от фондов, эти организации не создаются специально для проведения конкурсов и последующего финансирования проектов. Основные объёмы средств, реализуемых через такие организации, распределяются путём планирования.

Особенности системы грантового финансирования, её достоинства, связанные с ней проблемы, её роль в системе научно-технической политики государства полнее всего и очевиднее всего проявляется в деятельности государственных научных фондов. Результаты деятельности фонда не могут не зависеть от характеристик научной сферы той страны, где фонд создан и функционирует, от общей социально-экономической ситуации. Тем не менее фондам в разных странах присущи общие черты.

Для нашей страны научный фонд – явление относительно новое. При создании в начале 90-х гг. XX в. самой крупной отечественной организации такого рода – Российского фонда фундаментальных исследований – за образец были взяты принципы устройства и функционирования крупнейшего научного

фонда в мире – Национального научного фонда США. Российский гуманитарный научный фонд, «отпочковавшийся» от Российского фонда фундаментальных исследований, унаследовал принципы строения и организации работы «большого» фонда. Перенос на российскую почву зарубежных форм управления в различных сферах общества (включая правовую, экономическую, социально-политическую) нередко вызывает нарекания, и такие нарекания могут быть вполне справедливы. Подобные механизмы, эффективно работающие на родине, могут в ином культурно-историческом, социально-политическом и экономическом контексте породить следствия не только отличные от тех, которые ожидались, но прямо противоположные. Отрадно отметить, что в случае с научными фондами этого не произошло. При всех трудностях, связанных с организацией и текущей работой, фонды настолько органично вписались в жизнь российского научного сообщества, что сегодня об их «импортном» происхождении мало кто вспоминает. Тем не менее, обсуждая результаты работы, проблемы и перспективы отечественных фондов, имеет смысл принимать во внимание опыт деятельности их зарубежных предшественников.

Национальный научный фонд США как инструмент государственной поддержки науки

Национальный научный фонд США (National Science Foundation, английская аббревиатура – NSF, русская – НСФ) был создан вскоре после окончания второй мировой войны. США были единственным из участвовавших в войне государств, чья территория, инфраструктура и основные ресурсы не пострадали в ходе военных действий. Страна вышла из войны чрезвычайно усилившейся не только в политическом и военном, но также в технологическом и в экономическом отношении.

Военное время не могло не повлиять на формы и методы управления в науке. Усилились взаимодействие и взаимосвязи между университетами (из которых 85% составляли частные учебные заведения), правительственными агентствами, частными фондами, поддерживавшими исследования и разработки, а

также промышленностью. Финансирование со стороны военных ведомств и правительственных агентств позволяло обеспечить учёным благоприятные условия для проведения исследований (как прикладных, так и фундаментальных), а предприятиям военно-промышленного комплекса — успешно создавать новые технологии и использовать их для решения более сложных и масштабных задач. И в научном сообществе, и среди политиков нашлось немало людей, считавших, что наступление мирного времени не должно означать прекращения поддержки науки со стороны федеральных властей и что послевоенная эпоха ставит вопрос о новых механизмах и формах такой поддержки. Одним из важнейших механизмов государственного финансирования американской науки стал Национальный научный фонд.

Для характеристики таких тенденций в формировании сферы научных исследований и разработок в США середины XX в., как резкое увеличение бюджетных расходов на науку, создание государственных лабораторий и федеральных агентств, выполняющих функции организации и финансирования науки, разработка концепций научной политики, американские исследователи правомерно используют термин «федерализация». «Можно сказать, — пишет Н.И.Иванова, — что если до этого периода экономические структуры, действовавшие через институт собственности и рыночные механизмы, определяли темпы и структуру НИОКР, то федерализация усилила влияние политических структур, определила изменение приоритетов, организационных и финансовых условий функционирования»². Проблемы, связанные с влиянием политических структур и определением приоритетов, в тех или иных формах существовали на всех этапах истории НСФ.

Процесс создания НСФ занял несколько лет. В этот период происходила выработка общей политической платформы, приемлемой для конгресса и администрации, подготовка соответствующей законодательной базы, обсуждались основные ориентиры и принципы работы будущей организации. Уже на этапе предыстории фонда обозначились проблемы, которые не только до сих пор не получили окончательного решения в НСФ, но в той или иной форме повторяются при создании государст-

венных научных фондов в других странах. Одна из таких проблем касается областей знания, исследования в которых должна поддерживать новая структура, и критериев отбора проектов. Историк НСФ Дж. Вазузан очерчивает эту проблему следующим образом³. Кому-то будущая организация виделась как имеющая широкое поле деятельности, которая финансировала бы через гранты и контракты фундаментальные и прикладные исследования практически во всех областях знания, включая социальные науки, и при этом заботилась бы о развитии науки в разных регионах страны. Такого взгляда придерживался сенатор Х. Килгор, инициировавший подготовку законодательной базы, без которой возникновение НСФ не было бы возможным. Другие считали, что новое правительственное агентство должно поддерживать только «лучшее в науке» — лучшие работы, выполняемые в колледжах, университетах и исследовательских учреждениях. Такую позицию занимал Ванневар Буш, известный инженер, возглавлявший созданный в военное время Офис научных исследований и разработок. Поддержка «лучшего в науке» означала для В. Буша поддержку первоклассных учёных, а вопросы распределения грантов по регионам страны не представлялись значимыми. Вместе с тем В. Буш подчёркивал, что подобный элитаризм не следует понимать как заботу об интересах лишь небольшой группы учёных. Поддержка лучшего в науке необходима для блага всего общества, поскольку в конечном счёте она способствует развитию экономики и укреплению национальной безопасности.

Непростым оказался и вопрос об управлении фондом. Одни считали, что фонд должен управляться независимым советом, состоящим главным образом из учёных, директор фонда должен назначаться советом и быть подотчётен ему. По замыслу сторонников такой формы управления, это сделало бы невозможным политический контроль в деле поддержки исследований. В 1947 г. данную позицию поддержал конгресс, однако президент Трумэн наложил вето на это решение. Аргументация Трумэна, идеально вписывавшаяся в пространство политических рассуждений, характерных для США, состояла в следующем. Новое учреждение будет неподконтрольным народу до такой степени, что поставит под вопрос веру в демократию.

В Белом доме считали, что и директор, и совет фонда должны назначаться президентом страны, а подотчётность фонда президенту будет означать подотчётность народу.

«В спорах, сопровождавших процесс создания Национального научного фонда и продолжавшихся в течение пяти лет, — подчеркивает Дж. Вазузан, — необходимость поддержки науки никто не ставил под сомнение. Разногласия возникали по вопросу о том, каким образом следует её поддерживать. Каким образом этика чистой науки, эзотерический предмет которой доступен лишь небольшому числу людей, может поддерживаться нацией, традиционно озабоченной практическими целями, понятными многим? Как может элитаризм, ориентированный на «лучшее в науке», сочетаться с характерным для Америки географическим и институциональным плюрализмом?»⁴.

В конце концов верх одержала позиция Трумэна. Органом управления Национального научного фонда, учреждённого в 1950 г., стал Национальный научный совет, состоящий из 24 членов, а главным исполнительным лицом — директор. И совет, и директор назначаются президентом страны. Задачей фонда стало содействие развитию исследований и образования в области математики, физики, медицины, биологии, инженерии и других наук, инициирование и поддержка исследований в этих областях, а также экспертиза научных программ различных служб и агентств федерального правительства. Первый директор фонда А. Ватерман относил к числу основных направлений политики фонда содействие исследовательским программам, улучшение отношений между правительством и университетами, сбор надёжной информации о научных исследованиях и человеческом потенциале. Намечалось, что до 1953 г. фонду будет выделяться до 15 миллиона долларов в год, однако конгресс счёл преждевременным предоставлять новой организации столь большие суммы. В 1952 финансовом году фонд получил лишь 3,5 млн долларов.

В вопросах организации работы НСФ многое перенял у исследовательской службы Военно-морских сил (Office of Naval Research), созданной в 1946 г. Эта служба поддерживала, кроме прочего, исследования, не имевшие непосредственного отношения к флоту. Развивая сотрудничество с гражданскими учё-

ными, «Офис» позволял публиковать результаты исследований в открытой печати. Здесь начали также приглашать известных учёных для экспертизы проектов.

В Национальный Научный Фонд заявки на гранты подавались отдельными учёными, однако гранты для поддержки проектов этих учёных предоставлялись организациям. Заявка, содержащая описание планируемого исследования, методов и имеющегося оборудования, информацию о руководителе и участниках проекта, а также смету расходов, должна была получить рекомендацию организации, где ведётся исследование, и быть подписана руководителем организации. Заявка, поступившая в соответствующее подразделение фонда, передавалась куратору программы по той дисциплине, к которой относился проект. Кураторы программ знакомились с заявками, отправляли их на внешнюю экспертизу, а затем с учётом её результатов выработывали решения о поддержке проектов. В условиях острой конкуренции приходилось делать нелёгкий выбор между одинаково хорошими проектами. Главным критерием должны были служить научные качества проекта.

Первый председатель совета фонда Дж.Конант сформулировал суть философии фонда так: «Никто не может заменить первоклассных учёных в деле продвижения науки и практического применения её результатов. Десяток второразрядных учёных не выполнит работу одного первоклассного»⁵. Такая позиция объясняла неравномерность распределения грантовой поддержки по регионам (первые гранты направлялись главным образом в колледжи и университеты, сосредоточенные в небольшом числе штатов), а эти географические диспропорции постоянно вызывали критику.

С первых лет существования НСФ большое значение придавалось поддержке научных конференций и симпозиумов, а также поездок учёных США на международные конференции и конгрессы. На такие проекты уходила лишь небольшая часть денег, однако они рассматривались как способствующие укреплению престижа американской науки и распространению информации о её достижениях.

Важным направлением деятельности фонда, поглощающим значительную часть бюджета, стала поддержка «большой науки». Например, строительство, оборудование и обеспечение

работы новых центров исследования астрономических и атмосферных явлений было бы невозможным без средств федерального правительства.

Условия работы фонда не могли не зависеть от изменений во внутренней политике США, тенденций международной политики и событий мировой истории. Когда сенатор Маккарти поставил вопрос о лояльности учёных, претендующих на гранты Национальных институтов здравоохранения, в НСФ возникли опасения, что следующими могут стать их соискатели. В 1954 г. Научный совет фонда сделал заявление, противоречивое по содержанию и явно расходящееся с принципами научной этики, однако в сложившейся политической ситуации вполне объяснимое. С одной стороны, провозглашалось, что решения о выделении исследовательских грантов по-прежнему будут приниматься на основе информации о компетентности учёных и оценки качества заявки и что никакой проверки благонадёжности участников конкурса проводиться не будет. С другой стороны, фонд объявлял, что сам налагает запрет на финансирование исследований учёных, которые открыто заявляют о себе как о коммунистах.

Не могла не отразиться на фонде активизация государственной научно-технической политики США, ставшая своеобразным ответом на запуск первого советского спутника в октябре 1957 г.. Известно, что спутник был воспринят в этой стране и как потенциальная военная угроза, и как вызов самосознанию нации, считавшей себя «нацией номер один» в мире, как вызов американской системе образования, научно-техническому и промышленному могуществу страны. Сложившаяся ситуация положительным образом повлияла на финансирование Национального научного фонда, бюджет которого за один год увеличился более чем в 3 раза. Усилилось внимание фонда к образовательным программам, оснащению исследовательских лабораторий новым оборудованием.

В 1960-е гг. НСФ получил право поддерживать не только фундаментальные, но и прикладные исследования. В 1970-е росту интереса к прикладным исследованиям значительно способствовало экологическое движение. Во время президентства Л.Джонсона (выпускника не относящегося к числу эли-

тарных Юго-восточного педагогического колледжа в Техасе) многое делалось для грантовой поддержки учёных, работающих в не самых продвинутых в научном отношении регионах и организациях.

В фонде был создан отдел научно-технической политики для проведения соответствующих исследований (такие исследования потребовались, в частности, в связи с эмбарго на арабскую нефть) и организации экспертизы правительственных программ и проектов. Сотрудники этого отдела занимались также программой научных обменов с Советским Союзом. В 80-е гг. более заметное положение в программах фонда стали занимать технические науки. Поскольку решение задач в таких науках предполагает взаимодействие разных дисциплин, в НСФ появился отдел междисциплинарных исследований.

Был и остаётся непростым вопрос о статусе социальных наук в Национальном научном фонде. В первоначальных документах, очерчивающих области знаний, работа которых поддерживалась фондом, эти дисциплины не упоминались. Однако здесь содержалось выражение «и другие науки», под которым можно было понимать и науки об обществе. До 1958 г. антропология, экология человека и демография относились к подразделению биологических наук, а проекты, посвящённые статистике, использованию математических методов в социологии, исследования по истории, философии и социологии науки относились к подразделениям математических, физических и технических наук. Позже для социальных наук был создан специальный отдел. При этом, однако, оговаривалось, что поддерживаемые фондом исследования в этих областях знания должны соответствовать стандартам объективности, верифицируемости и генерализации. Тем не менее большинство учёных-естественников не одобряли включения общественных дисциплин в число поддерживаемых фондом. Один из членов совета сравнивал науки об обществе с ящиком Пандоры⁶.

Масштабы деятельности НСФ в наши дни характеризуются следующими показателями. Годовой бюджет НСФ составляет около 6 млрд долларов. Через этот фонд финансируется 20% всех исследований, поддерживаемых федеральными властями, причём для таких областей знания, как математика, ин-

форматика (компьютерные науки) и социальные науки, НСФ является основным источником федерального финансирования. Ежегодно фонд получает более 40 тыс. заявок и поддерживает около 10 тыс. новых проектов. Большая часть грантов выделяется на индивидуальные исследования, выполняемые небольшими коллективами учёных. Значительные деньги расходуются на поддержку научных центров, оснащение их дорогостоящим оборудованием. Важным направлением работы фонда являются образовательные программы. Об уровне исследований, проводимых при поддержке НСФ, свидетельствует тот факт, что многие из грантодержателей фонда получают награды и престижные премии. Среди учёных, поддержанных фондом, 170 нобелевских лауреатов⁷.

Не является аналогом НСФ существующий в США с 1965 г. Национальный фонд гуманитарных наук (National Endowment for the Humanities). Английской аббревиатуре «НЕН» названия этого учреждения соответствует русское «НЕНХ». К областям знаний, составляющим сферу деятельности НЕНХ, относится филология, история, философия, искусствоведение, правоведение, а также те разделы социальных наук, которые имеют гуманитарное содержание и используют гуманитарные методы. Важнейшие задачи НЕНХ — содействие преподаванию и изучению гуманитарных наук в школах и колледжах, обеспечение доступа к культурным и учебным ресурсам. Гранты фонда обычно предоставляются музеям, архивам, библиотекам, телевизионным каналам и радиостанциям. Вместе с тем, существует и практика предоставления грантов отдельным учёным. В числе проектов, профинансированных НЕНХ, — выставка «Сокровища Тутанхамона», документальный фильм Кена Бёрнса «Гражданская война», собрание «Газета Соединённых Штатов», включающее каталог и микрофильмированные копии более 60 миллионов страниц газет, издававшихся с начала учреждения республики.

Фонды в российской науке

В России государственные научные фонды были созданы в первой половине 1990-х гг. В 1992 г. образована самая крупная из этих структур — Российский фонд фундаментальных исследова-

дований (РФФИ). В 1994 г. учреждены фонд содействия развитию малых форм предприятий в научно-технической сфере (более известный как фонд Бортника, по имени генерального директора И.М.Бортника) и Российский гуманитарный научный фонд (РГНФ).

Как отмечалось выше, РФФИ был организован по образцу американского Национального научного фонда (НСФ), с деятельностью которого российские учёные были знакомы ещё в советское время (с 1970-х гг. через НСФ осуществлялась программа академических обменов между США и СССР). Однако обстоятельства, в которых создавались эти фонды, существенно различались. И дело не только в том, что РФФИ появился на сорок лет позже, чем НСФ.

Американский фонд создавался в стране, усилившей благодаря второй мировой войне свою техническую, экономическую и политическую мощь. Стоял вопрос о том, чтобы найти соответствующие условиям мирного времени формы взаимодействия между федеральными властями и наукой, сосредоточенной главным образом в частных университетах и колледжах и в довоенное время мало зависевшей от государственной поддержки. Российский фонд создавался в стране, переживающей острый политический, экономический, социальный и культурный кризис, в стране, где традиционно вся наука не только поддерживалась, но фактически полностью содержалась государством. В условиях, когда реальное финансирование науки резко сократилось (в 1992 г. оно уменьшилось почти в 2,5 раза по сравнению с 1991 г., а число работников, занятых в этой сфере, уменьшилось почти на 25%⁸), речь шла не об увеличении, а об оптимизации использования государственных средств, предназначенных для этой сферы деятельности.

РФФИ был создан указом президента Российской Федерации № 426 от 17 апреля 1992 г. «О неотложных мерах по сохранению научно-технического потенциала Российской Федерации». Первый пункт этого указа предписывал создать Российский фонд фундаментальных исследований как «самоуправляемую государственную организацию, основной целью деятельности которой является поддержка инициативных научных проектов», и направлять в указанный фонд 3 процента от общей суммы ассигнова-

ний на финансирование науки по государственному бюджету. Этим же президентским указом назначался директор-организатор фонда. Им стал известный математик, академик А.А.Гончар. Решение о создании фонда стало одной из первоочередных мер, направленных на предотвращение гибели отечественной науки в тяжелейших социально-экономических условиях и на адаптацию науки к новой экономико-правовой системе.

Следует отметить, что идея создания фонда, подобного НСФ или Немецкому научно-исследовательскому обществу (ДФГ), обсуждалась советскими учёными еще во второй половине 1980-х гг.⁹, то есть в относительно благополучное для отечественной науки время, когда на первый план выдвигались задачи дальнейшего развития и в этом контексте – вопросы демократизации форм и методов управления наукой (и управления внутри науки). Истории, однако, угодно было распорядиться таким образом, что первый государственный научный фонд появился и начал свою деятельность в условиях, когда сама перспектива существования науки в России была поставлена под сомнение.

Е.В.Семёнов, оценивая отношение власти к науке в начале 1990-х гг., обращает внимание на то обстоятельство, что в опубликованном в июне 1992 г. проекте «Программы углубления экономических реформ», подготовленном под эгидой «гайдаровского» правительства, нет раздела о науке или о научно-технической политике. В этом обширном документе (20 печатных листов), отмечает Е.В.Семёнов, наука упоминается лишь походя и не по существу, что нельзя считать случайностью: «...в конструкции гайдаровской реформы науке просто нет места, как не оказалось его в этом документе для раздела о научно-технической политике. Видно также, что о науке в этом проекте повестуется в лучшем случае в тоне заботы о сохранении каких-то остатков прежнего научно-технического потенциала страны. «Сохранительная» лексика – это выражение максимально лояльного отношения, на которое наука могла рассчитывать в 1992 г.»¹⁰. И дело не только в том, что в стране не было денег. Ссылаясь на Министерство безопасности России, Е.В.Семёнов приводит данные, согласно которым в 1992 г. «различные коммерческие структуры» перевели на свои счета в зару-

бежных банках от 14 до 17 млн долларов, т.е. в 30–40 раз больше бюджета Миннауки на 1993 г.¹¹. За 1993–1995 гг. реальный объём финансирования (в сопоставимых ценах) науки и научно-технических разработок продолжал падать и уменьшился более чем в 5 раз¹².

Ситуация, когда научно-технический прогресс перестал быть одним из приоритетов государственной политики (что иногда объясняется надеждами реформаторов на быструю и безболезненную адаптацию науки к условиям рынка), сопровождалась небывалым падением социального престижа учёного. Характеризуя отношение общества к науке в 1990-е гг., российские науковеды подчёркивали серьёзность такого фактора, как нигилизм в оценках прошлого и настоящего страны, распространившийся и на сферу научной деятельности¹³. В разных слоях общества стало модно рассуждать о том, что особых достижений у советской науки не было, а если что и было, так «это просто хорошо работала разведка». Подобные рассуждения, охотно распространяемые средствами массовой информации, противоречили очевидным фактам, однако вполне соответствовали мифу о неполноценности и невостребованности отечественной науки.

Сложившееся положение дел стимулировало дезорганизационные процессы внутри науки. Резкое сокращение числа научных работников не было следствием оптимизации структуры и кадрового состава научных учреждений, сосредоточения имеющихся ресурсов на наиболее важных и перспективных направлениях. Исследовательские институты и вузы покидали не только случайные для науки люди, больше подходившие по своим деловым качествам и ценностным ориентациям для предпринимательской деятельности или работы в административных структурах. Из науки бежала молодёжь, уезжали за рубеж высококвалифицированные учёные, распались успешно работавшие коллективы. Учёные (за редкими исключениями) превращались в одну из наиболее низко оплачиваемых категорий граждан. Невозможность прожить на зарплату, получаемую по основному месту работы (к тому же не выплачиваемую вовремя), породила необходимость разного рода приработков. Такие приработки, занимавшие порой боль-

ше времени и сил, чем основная работа, не только не позволяли сосредоточиться на главном направлении исследований, но могли и вовсе не оставить времени для полноценных занятий наукой, вынуждая имитировать научную деятельность.

Все эти обстоятельства необходимо учитывать, оценивая роль научных фондов в нашей стране.

Фонды, по существу своему являющиеся механизмами и субъектами политики, направленной на развитие науки, начали свою деятельность в России при таких обстоятельствах, когда речь шла о выживании науки, о сохранении остатков научно-технического потенциала некогда мощной державы. Данное противоречие обусловило особенности функционирования государственных фондов как адаптационных механизмов российской науки. Основная направленность работы этих механизмов может быть выражена девизом «выживание через развитие», которому, собственно, и соответствовала практика научных фондов.

М.Алфимов, В.Минин и А.Либкинд характеризуют научный фонд как наиболее динамичный элемент в организационной сфере науки, гибко реагирующий как на изменения в самой науке, так и в окружающей социально-экономической среде¹⁴. Государственные научные фонды задумывались и функционируют как механизмы самоорганизации научного сообщества. Через своих представителей, ставших экспертами фондов, членами экспертных советов, советов фондов, научное сообщество само решает, какие исследования будут финансироваться, каким направлениям отдать приоритет, какие научные конференции поддержать, каким учёным предоставить гранты для участия в мероприятиях за рубежом. Фонд имеет статус государственной самоуправляемой организации. Он распределяет средства из государственного бюджета, однако решения о том, как именно эти средства будут распределены, принимают не чиновники как представители государства, а учёные. Проекты поддерживаются на конкурсной основе, система принятия решений организована в виде многоуровневой экспертизы.

Создание РФФИ справедливо было оценено как проявление демократизации организационных форм управления в науке. Особенности этой новой формы, о которой в первой поло-

вине 1990-х российские учёные знали мало, удачно суммировал Е.В.Семёнов в статье, опубликованной в 1994 г. К числу таких особенностей относятся:

- ориентация фонда на финансирование значительного числа небольших научных проектов;
- выделение грантов учёным, а не организациям;
- конкурсный отбор поступивших заявок не аппаратом фонда, а экспертами из числа авторитетных учёных (как правило, не занимающих административных постов);
- приём заявок на конкурс и их отбор независимо от места работы, должности, степени и звания исследователя¹⁵.

Важной особенностью взаимодействия фонда с научным сообществом стало то, что для представления заявки на конкурс не требовалось получать согласие от руководства организации, где работает учёный, рекомендации учёного совета и т.д. Финансирование проектов осуществляется через организации, однако в случае с исследовательскими проектами, проектами экспедиций и участия российских учёных в научных мероприятиях за рубежом организации выполняют главным образом посреднические функции. Приобретаемое по гранту оборудование и расходные материалы ставятся на баланс организации, однако используются учёными, выполняющими проект. Финансирование может осуществляться и через организацию, не являющуюся основным местом работы руководителя проекта. Поиск организации, наиболее подходящей для финансирования проекта — дело самого исследователя.

С появлением научных фондов сложилась новая для отечественной науки ситуация, когда для финансирования исследования не требуется одобрения плана работы (и отчёта о её выполнении) ни руководством организации, ни руководством подразделения, где трудится учёный. Это, конечно же, не означало, что в исследовательских институтах и вузах принципы одобрения и утверждения организацией планов научной работы были отменены. Эти принципы продолжали и продолжают действовать в сфере основного финансирования науки — финансирования организаций. Формы грантовой поддержки не отменяют основного финансирования (и никогда не предполагали такой отмены), но являются дополнением к нему.

РФФИ – единственный фонд в стране, предназначенный для поддержки проектов по всему спектру научных знаний. Грантодержатели **РФФИ** работают в таких областях, как математика и механика, физика и астрономия, химия, биология и медицинская наука, науки о человеке и обществе, информационные технологии и вычислительные системы, занимаются фундаментальными исследованиями в инженерных науках. На тех же принципах, что и **РФФИ**, основан Российский гуманитарный научный фонд (**РГНФ**), выделившийся из **РФФИ** в 1994 г.

РГНФ был создан постановлением Правительства Российской Федерации «О Российском гуманитарном научном фонде» от 8 сентября 1994 г. № 1023. В качестве целей создания фонда в постановлении указаны следующие: государственная поддержка развития гуманитарных наук, приумножение накопленных научных знаний и широкое распространения их в обществе, сохранение имеющих мировое признание научных коллективов и научных школ, возрождение высоких традиций отечественной гуманитарной науки. Этим же постановлением назначались председатель совета фонда и генеральный директор фонда. Председателем совета фонда стал известный филолог-славист, академик Н.И.Толстой (потомок Л.Н.Толстого), а генеральным директором – философ, доктор наук, профессор Е.В.Семёнов.

Учреждение в столь тяжёлом в финансово-экономическом отношении время государственного фонда, специально предназначенного для поддержки гуманитарных исследований, когда уже имелся **РФФИ**, финансирующий в числе прочих проекты из области наук о человеке и обществе, могло показаться непозволительной роскошью. Тем не менее образование гуманитарного научного фонда имело достаточно веские основания. В полной мере значение этого события для российской мысли может быть осознано лишь с течением времени. Каковы были мотивы, побудившие гуманитариев добиваться образования собственного фонда, обращаться с соответствующими предложениями в Правительство, в Министерство науки и технической политики, искать (и находить!) понимание в Госкомитете по высшему образованию, в Министерстве культуры, Министерстве финансов, Министерстве экономики, Министерстве

труда, Министерстве юстиции, Российской академии наук, а также в самом РФФИ, на основе гуманитарной части которого и создавалось новая организация?

Е. В. Семёнов, руководивший работой РГНФ в 1994—2003 гг. в качестве генерального директора, а затем заместителя председателя совета фонда, объяснял необходимость создания такой структуры прежде всего особенностями гуманитарных наук, слабо учитываемыми при «усреднённом научном подходе». В числе таких особенностей Е. В. Семёнов отмечает меньшую, чем в естествознании, определённую границу между фундаментальными и прикладными исследованиями, особую роль издательской деятельности, обусловленную невозможностью представить результаты весьма важных видов работы в рамках журнальных статей, адресованность текстов не только узкому кругу профессионалов, но и более широкой аудитории (отсюда особое значение задач распространения гуманитарных знаний в обществе), значительный объём полевых работ (экспедиции, опросы и т.д.) в таких, например, областях, как археология, этнография, социология.

В качестве примеров, иллюстрирующих особенности понимания фундаментальности в гуманитарных науках, приводились следующие. С точки зрения историка, публикация архивных материалов — важнейшая, фундаментальная задача, однако такое нестандартное видение фундаментальности не находит понимания у естественника. Для лингвистов и этнографов важное (и фундаментальное) значение имеет изучение разрушающихся культур малочисленных народов, однако финансирование экспедиции на Сахалин для изучения культуры нивхов не выглядит поддержкой фундаментальных исследований в общенаучном фонде. «Конечно, затратив уйму сил, можно уговорить «физиков» сделать уступку в каких-либо конкретных случаях, — пишет Е. В. Семёнов. — Но, вообще-то говоря, практика уступок и натяжек плоха по сути. Она не спасает гуманитариев и разлагает стройную систему критериев и оценок общенаучного фонда. В самостоятельном гуманитарном научном фонде таких проблем просто нет»¹⁶.

«Нежурнальный» характер значительной доли продукта гуманитарных наук также создавал проблемы во взаимодействии с представителями точных и естественных дисциплин. В пер-

вые годы работы РФФИ сложилась ситуация, когда больше половины монографий, поддержанных в рамках издательской программы этого фонда, составляли книги гуманитариев¹⁷. Такое положение дел выглядело несправедливым с точки зрения фонда, предназначенного прежде всего для финансирования работ в области математики, физики, химии, биологии и других естественных наук. Вместе с тем в условиях нерентабельности научного книгоиздания потребности гуманитариев в грантовой поддержке такого рода быстро росли.

Образование гуманитарного научного фонда позволило обеспечить более специализированную экспертизу проектов. В Совете РФФИ гуманитарные науки представляли лишь 5 из 28 членов, и, с точки зрения фонда в целом, это было значительное представительство. Гуманитарии не имели оснований добиваться большего. Однако в ситуациях принятия решений, требовавших понимания специфики гуманитарного знания, обнаруживалась явная недостаточность влияния этой группы учёных на совет в целом. Если в РФФИ все гуманитарные и социальные науки рассматриваются как одна область знаний (а по-другому вряд ли может быть), то создание РГНФ позволило сформировать систему специализированных экспертных советов по разным гуманитарным дисциплинам. В этой системе — экспертные советы по истории, по филологии и искусствоведению, по экономике. В первые годы существования фонда философия, психология, педагогика, социология, политология и правоведение были объединены в одном экспертном совете. Впоследствии из этого совета образовались два — экспертный совет по философии, социологии, политологии, правоведению и науковедению и экспертный совет по комплексным проблемам изучения человека, психологии и педагогике. Для экспертизы проектов создания информационных систем и баз данных был создан экспертный совет по информационным системам и научным телекоммуникациям.

К сказанному об особенностях гуманитарных наук, обусловивших целесообразность создания РГНФ, можно добавить следующее. Вопрос о том, как понимается в этих областях фундаментальность, имеет значение не только для определения политики фонда, поддерживающего соответствующие исследо-

вания, и для принятия решений по конкретным проектам. Этот вопрос касается природы гуманитарного знания в целом и каждой из гуманитарных наук в отдельности. Например, в философии «фундаментальное» часто противопоставляется не «прикладному» (как это происходит в естествознании и технических науках), а «поверхностному». Под фундаментальной работой понимается работа глубокая. Но проблема фундаментальности в философии имеет и другой аспект. Традиционно фундаментальными считаются такие разделы философского знания, как онтология и теория познания. Наделение социальной философии статусом фундаментальности уже вызывает сомнения, а эстетика как философская дисциплина многим представляется вовсе периферийной. Фундаментальна ли эстетика? В Японии эстетика — наиболее уважаемая из философских дисциплин, поскольку её считают единственным разделом философии, имеющим практическое применение. Отсюда при желании можно сделать вывод о прикладном характере эстетики, однако такой вывод будет преждевременным. Собственно эстетические философские исследования выглядят фундаментальными на фоне таких, как например, исследования по истории костюма. Эксперт-эстетик отклоняет представленный на конкурс проект подобного рода именно потому, что считает его имеющим прикладной, а не фундаментальный характер и уже в силу этого не относящимся к области эстетики как раздела философии. Вместе с тем, работа по проблемам онтологии может оказаться поверхностной, небрежной и в этом смысле не фундаментальной, а работа по той же истории костюма — глубокой, основательной и в этом смысле фундаментальной. У социологов свой подход к этой проблеме. Здесь «фундаментальное» нередко противопоставляется «прикладному», а прикладной характер исследования связывается с возможностью найти заказчика, способного данную работу оплатить. В философии, в отличие от социологии, вопрос о заказчике выглядит как нечто чужеродное.

Понимание объективности в гуманитарных науках также имеет свои особенности. Вопрос об объективности не сводится к вопросу о применении точных методов и о математизации соответствующих областей знания. Как известно, экономиче-

ская наука сегодня — один из наиболее математизированных разделов гуманитарного знания. Тем не менее выводы квалифицированных учёных-экономистов, касающиеся, например, возможных выгод и отрицательных последствий вступления России в ВТО, существенно расходятся. То, какие факторы будут приняты во внимание, а какие проигнорированы как несущественные, какие варианты развития событий рассмотрены, а какие нет, зависит не в последнюю очередь от ценностных ориентиров учёного, от его мировоззренческих установок, определяющих общее видение социума.

В 90-х гг. XX в. российским учёным, работающим в области наук об обществе, потребовался новый концептуальный инструментарий, соответствующий задачам объективного анализа радикально изменившейся социальной, экономической, политической и культурной ситуации, позволяющий заново осваивать опыт прошлого и определять перспективы развития. Задача объективного исследования общественных процессов затруднялась тем, что сам учёный оказался объектом социального эксперимента, а нередко (и небезосновательно) чувствовал себя его жертвой. Оставить собственные опасения и надежды за рамками профессиональной деятельности как таковой, стремясь к максимально возможной беспристрастности в вопросах науки, — дело не только весьма сложное, но и относящееся к разряду тех, что никогда не могут быть выполнены до конца. В этих условиях становятся актуальными новые измерения феномена объективности. Во-первых, особое значение приобретает объективность исследователя как человека, стремящегося к беспристрастности (хотя и не достигающего её в полной мере). Во-вторых, требуется объективность как способность оценить уровень работы, автор которой видит общество с иных позиций, чем тот, кто эту работу оценивает. Объективность в этом смысле, связанная с терпимостью и мудростью, особенно необходима экспертам научного фонда. И заинтересован в такой объективности, прежде всего, государственный фонд.

Вклад государственных фондов и прежде всего РГНФ как фонда, поддерживающего наибольшее число гуманитарных проектов, в формирование нового национального коммуникативного пространства в области гуманитарных наук не может и

не мог быть компенсирован деятельностью фондов зарубежных. И дело здесь не только в количестве грантов, но и в качественно ином подходе к осмыслению социальной реальности. Сказанное вовсе не означает неблагодарного отношения к поддержке российской гуманитарной науки иностранными организациями. Эта поддержка имела большое значение и, быть может, сыграла решающую роль в судьбе учёных, которых 1990-е гг. застали в 30–40-летнем возрасте. Не будь иностранных грантов, многие из этих людей не смогли бы продолжить работу в академических институтах и вузах. Тем не менее зарубежное финансирование социальных исследований проводилось главным образом под официально заявленными лозунгами поддержки демократии и открытости общества, а «владельцами смыслов» таких слов, как «демократия» и «открытость», изначально предполагались не россияне. Проекты учёных-обществоведов, чьи подходы явно не укладывались в новые идеологические рамки (не столь жёсткие, как прежние советские, но всё же достаточно определённые), не могли рассчитывать на поддержку зарубежных благотворителей.

Показателен в этом отношении пример с фундаментальным исследованием Б.А.Грушина «Четыре жизни России в зеркале опросов общественного мнения. Очерки массового сознания россиян времён Хрущёва, Брежнева, Горбачёва и Ельцина в 4-х книгах». Первоначально проект предполагал обработку более широкого массива социологической информации (а не только опросов общественного мнения), собранной в ходе более 1000 исследований, проведённых за 4 десятилетия. Известный социолог, имеющий давние научные связи в западных странах (прежде всего, в США), не смог получить финансирования ни в одном из зарубежных фондов (из 88 адресатов откликнулись 23, но денег не дал никто)¹⁸. Лишь скромное финансирование РГНФ сделало возможным инвентаризацию, анализ, осмысление с современных позиций уникального эмпирического материала и публикацию результатов этой работы. Материал, кстати, не даёт повода представлять советских людей ни монстрами, угрожающими существованию человечества, ни жалкими забитыми существами, изнывающими под гнётом немилосердного режима.

Исследование показывает, какими категориями мыслили реальные люди, чему отдавали предпочтение, что одобряли и что осуждали, каким видели своё настоящее и будущее.

Общество, не знающее собственного прошлого или подверставающее его под единую «генеральную линию» (кем бы и чем бы эта генеральная линия ни определялась — отечественным политбюро или импортными идеологическими традициями и установками), не способно выработать адекватную информационно-ориентировочную основу, необходимую для постановки и решения проблем настоящего и будущего.

Поддерживая исследования социологов, политологов и политических философов, общая ориентация которых может существенно различаться (важен лишь профессиональный уровень проекта и компетентность учёного), российский фонд проявляет больше демократизма, чем фонды из стран, считающихся сегодня эталонами демократии. Следует подчеркнуть, что подобная политика и практика фонда не явилась реализацией некой установки «сверху», но была выработана самим научным сообществом, лучшие представители которого тяготились идеологическими ограничениями в советское время и не захотели становиться заложниками зарубежных идеологических предрассудков в постсоветскую эпоху.

С начала 1990-х гг. в СССР, а затем в России начали свою деятельность зарубежные организации, финансирующие исследовательские и образовательные программы. Значительное число российских учёных смогли воспользоваться поддержкой организаций, созданных американским финансистом венгерского происхождения Дж. Соросом. Ещё в перестроечный период, в 1988 г., по инициативе Дж. Сороса был создан международный фонд «Культурная инициатива» для поддержки гуманитарных проектов и программ. Одним из направлений деятельности фонда, предназначенного для содействия политическим и экономическим реформам в России, стало инвестирование в гуманитарную сферу, прежде всего в создание новых идей и концепций в сфере культуры, науки, экономики, образования, массовых коммуникаций, здравоохранения и охраны окружающей среды. В 1992 г. в рамках программы поддержки фундаментальной российской науки фонд выделил более 2 млн долларов на

гранты российским учёным, выполняющим исследования в области физики, экологии, математики, экономики, гуманитарных наук¹⁹. В декабре 1992 г. для содействия фундаментальным исследованиям в области естественных наук Дж. Соросом был создан Международный научный фонд, на первые два года деятельности которого было выделено 100 млн долларов. За период с 1993 по 1996 г.г. Международный научный фонд вложил в фундаментальную науку России и других бывших советских республик почти 130 млн долларов. В 1994—1995 г.г. затраты этого фонда составили около 13% суммарных расходов на фундаментальные исследования в России²⁰.

В 1995 г. в Москве начало работу представительство соровского фонда «Института Открытое общество». Гранты фонда направлялись на поддержку гуманитарных кафедр в вузах, организацию и проведение конференций, издательскую деятельность, расширение доступа к информационно-телекоммуникационным технологиям. Российские учёные имели возможность получать поддержку Сороса и через международные программы — такие, например, как «Схема поддержки исследовательских работ» Центрально-европейского университета, принимавшая заявки от ученых, возраст которых не превышал 40 лет.

Участие зарубежных государственных структур в финансировании российской науки определяется не только желанием содействовать построению «демократического общества с цивилизованной рыночной экономикой» и внести вклад в сохранение созданной в Советском Союзе фундаментальной науки, рассматриваемой как мировое культурное достояние, но и стремлением переориентировать на гражданские проекты учёных, работавших в ВПК или проводивших исследования, имевшие оборонное значение, не в последнюю очередь для того, чтобы предотвратить отъезд этих учёных в страны «третьего мира».

В рамках деятельности по нераспространению знаний и технологий производства оружия массового уничтожения научные исследования мирной направленности в России и странах СНГ финансируются Международным научно-техническим центром (МНТЦ) — организацией, созданной в 1994 г. на основе соглашения между Европейским Союзом, США и Японией.

Работая по проектам МНТЦ, бывшие учёные-оборонщики получали надбавки к зарплате в среднем по 25–30 долларов США в день, и эта сумма не облагалась никакими налогами²¹. Особым вниманием Международного научно-технического центра пользуются такие области, как мониторинг и реабилитация окружающей среды, иммунология и патология; ядерная безопасность, технология химической обработки, производство энергии. При этом научные коллективы разрабатывают и реализуют проекты при участии иностранных организаций. Российская наука получала и получает поддержку в тех или иных формах и от других зарубежных организаций, в числе которых Британский Совет и Национальный центр научных исследований Франции, Национальный научный фонд США и Немецкое общество исследователей, ИНТАС и Фонд имени Фридриха Эберта.

По данным Организации экономического сотрудничества и развития, в 2002 г. доля финансирования науки из зарубежных источников (с учётом не только грантов, но и выполнения работ по прямым договорам российских институтов и зарубежных организаций) составила 9,6%. Аналогичный показатель в Венгрии – около 10%, в Польше – 4,8%, в Чехии – 2,7%, в Австрии – 18,5%, в Великобритании – 20,5%, а в США зарубежное финансирование науки практически отсутствует²².

Значение зарубежного финансирования для российской науки определяется не только размерами грантов и количеством учёных, получивших поддержку (хотя объёмы финансирования, конечно же, очень важны), но также эффектами международного сотрудничества и развития научных контактов. Есть свои резоны и в оценках тех науковедов, которые видят главную ценность зарубежных инициатив в том, что «посредством реализации предлагаемых программ в российской науке могут опробоваться новые механизмы научно-технической деятельности», а на предлагаемых зарубежными фондами «демонстрационных моделях» можно оценивать эффективность соответствующих механизмов поддержки²³. Вместе с тем не стоит забывать, что с 1992 г. существует Российский фонд фундаментальных исследований, а с 1994 г. – РГНФ и Фонд Бортника. Осмысление опыта работы этих организаций (в том числе в сравнении с дея-

тельностью зарубежных структур) — необходимая составляющая интеллектуальной основы формирования научной политики в современной России.

Деятельность научного фонда имеет множество аспектов, и каждый из них заслуживает внимания. Поскольку представленные в фонд проекты получают поддержку в результате конкурсного отбора, а окончательное решение о поддержке принимается на последней ступени независимой многоуровневой экспертизы, именно принципы организации экспертной системы и практика её функционирования определяют своеобразие фонда, являющегося одновременно инструментом научной политики государства, представителем научного сообщества и субъектом научной политики.

Независимая экспертиза: правила и практика

Не следует думать, что научная экспертиза пришла в нашу страну лишь с зарубежными фондами, а до 90-х гг. XX в. её здесь попросту не было. Экспертиза была, и осуществлялась она в различных формах. Наиболее известная из этих форм — экспертные советы ВАК. Кроме того, в патентных службах давно уже проводится научно-техническая экспертиза, ряд принципов которой позже стали использовать в оценке проектов, представленных для соискания грантов или заказов в рамках государственных программ. Вместе с тем, ни «ваковская», ни патентная экспертиза не проводится в условиях конкурсного отбора. В идеальном случае можно одобрить все диссертации, если все они соответствуют требованиям ВАК, и все заявки в патентное ведомство, если все они обладают соответствующими качествами. Что же касается экспертов научного фонда, то перед ними стоит задача выбрать из представленных проектов те, которые следует поддержать, и определить, какие заявки должны быть отклонены — не обязательно из-за низкого качества, но и просто потому, что на поддержку всех хороших проектов не хватает грантов. Ещё одна особенность экспертизы проектов на конкурсе научного фонда состоит в том, что оценивается (если речь не идёт о рукописи, представленной на со-

искание издательского гранта) не завершённая работа, а та, которую только предстоит выполнить. В этих условиях перед экспертом стоит задача правильно оценить перспективы выполнения проекта, принимая во внимание не только качество заявки, но и компетентность соискателя гранта, имеющийся у него опыт работы, а также успешность выполнения ранее подержанных проектов, если таковые имеются.

Работа автора этих строк в качестве начальника одного из отделов РГНФ в 2002—2006 гг. позволила увидеть «изнутри», как функционирует экспертная система фонда, как воспринимают её правила представители научного сообщества и какие возникают проблемы в практике выполнения этих правил. Конечно же, ситуация в 2002 г. существенно отличалась от ситуации середины 90-х, когда экспертная система фонда только создавалась и проходила «обкатку». В начале XXI в. фонд располагал уже опытными экспертами, здесь сложились традиции обучения сотрудников аппарата, руководство фонда накопило опыт решения стратегических и тактических задач организации.

РГНФ, «отпочковавшийся» в 1994 г. от РФФИ, унаследовал и принципы организации экспертной системы «большого» фонда. Высшим органом управления фонда является Совет фонда, который утверждается Правительством Российской Федерации. Совет Фонда состоит из председателя, заместителя председателя и 24 членов совета. В состав совета входят авторитетные российские учёные, в том числе занимающие высокие административные посты в Российской академии наук, других академиях наук, имеющих государственный статус, в системе образования и крупных научных центрах.

Совет фонда — последняя, самая высокая ступень в экспертной системе РГНФ. Именно здесь принимаются окончательные решения о поддержке представленных на конкурс проектов и об одобрении итоговых и промежуточных отчётов по проектам, профинансированным фондом. В своих решениях Совет фонда опирается на рекомендации экспертных советов по отдельным областям знания. Их состав, как и список экспертов первого уровня, утверждается Советом фонда заранее. Экспертные советы действуют в течение нескольких лет (ежегодно Совет фонда принимает решения

лишь об изменениях в их составе, вызванных, как правило, невозможностью продолжения работы кем-либо из членов ЭС), однако список экспертов первого уровня утверждается каждый год на осеннем заседании Совета фонда. Ежегодное утверждение списка экспертов не означает, что каждый раз их корпус полностью обновляется. Происходит ротация лишь части экспертов первого уровня, при этом общее их число имеет явную тенденцию к увеличению. Если в ноябре 1996 г. в экспертной системе РГНФ, включая Совет фонда, работали 632 эксперта²⁴, то в сентябре 2004 г. членами шести экспертных советов и экспертами фонда были более 1100 учёных, работающих более чем в 300 организациях и представляющих свыше 30 регионов страны²⁵.

Экспертами фонда являются высококвалифицированные и авторитетные учёные. Эксперт РГНФ обязательно должен иметь докторскую степень, в РФФИ допускается в исключительных случаях приглашение в качестве экспертов кандидатов наук. Зарубежные фонды, имеющие представительства в Российской Федерации, не придают столь большого значения наличию докторских степеней у учёных, приглашаемых для проведения экспертизы.

От эксперта фонда требуется не только высокая научная квалификация, но и объективность. Правила экспертизы установлены таким образом, чтобы исключить ситуации конфликта интересов. Эксперт первого уровня не должен оценивать проекты, с руководителями или основными исполнителями которых его связывает совместная работа, отношения научного руководства или родственные отношения. Если имеются другие обстоятельства, затрудняющие объективную оценку заявки, эксперт должен сообщить об этом. Случаи, когда эксперт в отсутствие каких-либо формальных препятствий отказывается рецензировать заявку по теме, относящейся к сфере его компетенции, имеют место в практике фонда. Не всегда в таких случаях человек может или хочет указать конкретную причину отказа, однако так или иначе даёт понять, что беспристрастная оценка проектов данного автора (а то и вообще представителей данного направления) была бы для него затруднительной.

В создании условий, максимально благоприятствующих объективности экспертизы, важны, по крайней мере, ещё два момента, которые не могут регулироваться писаными правилами. Первое: координатором, распределяющим поступившие на конкурс заявки между экспертами первого уровня, должен быть человек, хорошо знающий сообщество. Такое знание включает, кроме прочего, осведомлённость об отношениях между людьми, о конфликтах (в том числе происшедших не на профессиональной почве), о неприятии представителями одних школ и направлений позиций и методологии других школ и направлений и т.д. Второе: не следует приглашать в качестве экспертов людей, пристрастных в силу особенностей характера, например, с раздражением воспринимающих мнения, отличные от собственного, легко поддающихся настроению или чересчур ревниво относящихся к успехам других. А такие люди встречаются и среди авторитетных учёных.

В РГНФ экспертизу первого уровня проходят все исследовательские и все издательские проекты, поступившие на конкурс. Каждая заявка направляется на рецензирование двум экспертам. В случае, если оценки этих экспертов значительно расходятся, приглашается третий эксперт. Эксперт, рецензирующий заявку, не знает, кому ещё из экспертов первого уровня назначен тот же проект. Эксперт не имеет права не только выносить информацию о рецензируемом проекте за пределы фонда, но и обсуждать проект с другими экспертами. Это не означает, что эксперт первого уровня работает в состоянии полной изоляции. В случае необходимости он может обращаться к координатору секции, сотрудникам аппарата и руководству фонда.

Результаты работы экспертов первого уровня рассматриваются членами экспертного совета по соответствующей области знаний. Члены экспертного совета — эксперты второго уровня — обсуждают эти результаты, как и собственно проекты, на своих заседаниях. Каждый экспертный совет имеет в своём составе несколько секций. Например, экспертный совет по философии, социологии, политологии, правоведению и науковедению подразделяется на секции «Философия», «Социология», «Политология», «Правоведение» и «Науковедение», экспертный совет по экономике имеет в своём составе такие секции, как «Теория и

инструментарий экономической науки», «Мировая экономика», «Национальная экономика», «Теоретико-методологические проблемы инновационного развития». Сначала проходят заседания секций, затем – пленарное заседание экспертного совета. В отличие от экспертов первого уровня, эксперты второго уровня принимают согласованные решения, обсуждая проекты и результаты предшествующей экспертизы на соответствующих заседаниях. При этом член экспертного совета участвует в принятии решений и по проектам из той организации, где он работает. Теоретически здесь могут возникать сложные моменты, связанные, например, с желанием «провести» побольше проектов из своего института (университета) или с распространением негативного отношения к кому-либо из сослуживцев на его проект. Однако возможности реализации подобных побуждений ограничены, с одной стороны, тем, что на второй уровень экспертизы поступают заявки, «нагруженные» оценками экспертов первого уровня, а с другой – тем, что скрыть собственную заинтересованность от участвующих в заседании учёных из других организаций (а это люди, обладающие большим профессиональным и жизненным опытом) весьма непросто. Важно и то, что эксперт не делегируется организацией, а приглашается непосредственно фондом.

Решения о поддержке, принимаемые экспертным советом, должны соответствовать установленной квоте на количество грантов и объём финансирования. Члены экспертного совета нередко оказываются в ситуациях, когда число хороших проектов выше, чем грантов, которые можно выделить. Девиз «поддерживать лучшее в науке», отражающий основную направленность работы фонда, на практике «рассыпается» на множество вопросов, в том числе связанных со степенью известности учёного, его возрастом (учёные солидного возраста, как правило, более известны, чем учёные молодые), регионом, где человек работает. Гуманитарные исследования, не требующие дорогостоящего оборудования, могут проводиться на высоком уровне и вне крупных научных центров. Фонд, имеющий статус российского, отнюдь не стремится превратиться в московский или московско-петербургский, и увеличение в списке поддерживаемых проектов доли тех, что пришли из других регионов, здесь рассматривается как явление положительное.

Решения экспертного совета о поддержке проектов являются промежуточными. Экспертный совет утверждает список проектов, рекомендуемых к поддержке, а Совет фонда, основываясь на этих рекомендациях, принимает окончательное решение.

Все этапы прохождения экспертизы являются конфиденциальными, эксперты и сотрудники фонда не имеют права их разглашать. Это — одно из основных правил работы. Бывает, что оно нарушается. И всё же нарушения здесь не так часты, как нарушения правил дорожного движения. Следует подчеркнуть, что сотрудники и руководство фонда прилагают немало усилий к тому, чтобы предотвратить утечки конфиденциальной информации. Тем не менее утечки случаются. Притом иногда вместо достоверной информации передаётся дезинформация. Например, соискатель гранта уверенно утверждает, что такой-то эксперт поставил его заявке высший балл. Сотрудник фонда в такой ситуации должен напомнить о правиле: информация обо всех этапах прохождения экспертизы конфиденциальна, эксперты и сотрудники фонда не имеют права её разглашать. Тем не менее «для себя» сотрудник сравнивает утверждение грантоискателя с результатами экспертизы, поступившими в фонд. И выясняется, что упоминавшийся эксперт оценил проект, о котором шла речь, не наивысшим образом, а иначе. Что делать в такой ситуации? Но, прежде всего, что думать? Первый вариант — эксперт нарушил правила, сообщив соискателю о факте экспертизы его заявки и о результатах, но при этом ввёл человека в заблуждение, может, сознательно, а может, просто забыл, какой балл поставил заявке: он ведь и другие заявки оценивал, а возможно, и не в одном фонде проводил экспертизу. Вариант второй — эксперт нарушил правила, сообщил соискателю достоверную информацию, однако сам соискатель эту информацию искажает, возможно, сознательно, а возможно, неверно понял эксперта. Третий вариант — эксперт не нарушал правил, ничего не говорил соискателю по поводу его заявки, а всю эту историю придумал сам соискатель; то, что его заявка досталась именно данному эксперту, он мог просто вычислить, зная, что специализация данного учёного совпадает с его собственной. Получается, делать ничего не следует. Кроме одного: вспомнить

об этом случае, если ещё кто-нибудь из соискателей грантов сошлётся подобным образом на данного эксперта. Поскольку список экспертов первого уровня утверждается каждый год, учёного, чья объективность или способность хранить секреты вызывает сомнение, в этот список можно попросту не включить.

Соблюдение правил, подобных упомянутым, затрудняется тем, что многие члены сообщества знакомы друг с другом, иногда довольно коротко. Кстати, в рассматриваемом примере с «утечкой дезинформации» возможен и четвёртый вариант — эксперт сказал, что поставил высший балл, чтобы не обидеть грантоискателя, давнего и доброго знакомого, донимавшего его вопросами о судьбе своего проекта. Если бы эксперт ответил, что разглашение сведений об оценке проектов в подобных случаях запрещено, знакомый обиделся бы на него. Возможно, на всю жизнь. Конечно, был ещё вариант — сказать, что этот проект ему на экспертизу даже и не давали...

В 1990-е годы конкурсы, проводимые фондами, были явлением слишком новым, а положение учёных — слишком тяжёлым, чтобы всерьёз ожидать, что научное сообщество моментально «заиграет» по строгим правилам. Негодуя по поводу нарушений правил конфиденциальности, не стоит забывать, что наука изначально основывается на принципах свободного распространения информации и открытого обсуждения результатов деятельности учёного. Вопрос соискателя гранта: «Кто из экспертов оценивал мою заявку?», как и вопрос члена экспертного совета: «Кто эти эксперты первого уровня, так низко оценившие хороший проект (или так высоко — плохой)?» — неправомерен, поскольку противоречит правилам фонда, но закономерен в контексте глубинных принципов научной коммуникации.

Объективность и независимость экспертизы — основной принцип работы научных фондов. Практика показывает, что при всех различиях правил, регулирующих действия фондов в разных странах, проблемы разрешения конфликта интересов в той или форме возникают повсюду²⁶. Особую актуальность приобретает эта проблема в регионах с малочисленными научными сообществами. Что же касается проблемы объективности, то она, как отмечалось выше, по-разному выглядит в разных

областях знания. Например, привычные для естествознания критерии оценки, основанные на индексах цитирования, не всегда пригодны в гуманитарных и социальных науках.

Грантовая форма поддержки науки была принесена в Россию по инициативе учёных и правомерно считается одним из способов саморегуляции научного сообщества. Тем не менее использование этого способа потребовало серьёзных изменений в психологии самого сообщества. Г.С. Батыгин, рассматривая социальные эффекты работы научных фондов в России 90-х, выделил ряд факторов, препятствующих положительному восприятию учёными грантовой системы²⁷. Первое место в этом ряду занимает отсутствие установки на риск, проявляющееся в осознании возможной неудачи как несправедливости, как «искажения ценностно-нормативного порядка жизни». Г.С. Батыгин, имеющий опыт грантоискателя, грантодержателя и эксперта многих фондов, не мог не упомянуть и о трудностях, связанных с заполнением финансовых форм. Рассчитать расходы на приобретение оборудования, командировку, зарплату, начисления и т.п. казалось вчерашнему советскому научному сотруднику, особенно гуманитария, задачей невероятно тяжелой. И причина этого не в неразвитости математических способностей (с этим-то у людей, окончивших советскую среднюю школу, всё было в порядке), а скорее в том, что подобные вопросы слишком долго мыслились как недостойные внимания настоящего учёного. Непривычность для российского научного сообщества такого жанра, как составление заявки на грант, — ещё одно препятствие на подступах к грантовой системе.

Рассматривая сложности встраивания фондов в культуру ролевых и личностных взаимодействий в научном сообществе, следует помнить, что основополагающей в научной деятельности является всё же установка на поиск истины, на создание нового знания и его распространение, а формы распределения финансов, необходимых для такой деятельности, служат лишь инструментами, обеспечивающими функционирование науки, которое может быть более или менее успешным.

Отечественная грантовая система проигрывает в привлекательности зарубежным из-за скромных размеров финансирования, прежде всего, предоставляемого государственными фон-

дами – РФФИ и РГНФ. «Лучше мало, чем ничего», – так можно сформулировать установку большинства учёных, принимающих участие в конкурсах этих фондов. И всё же это «мало» сыграло свою весьма существенную роль в сохранении научного потенциала страны, способствуя созданию по возможности более приемлемых условий для развития науки.

Эффективность и перспективы

История России знает немало примеров заимствования социально-организационных форм и механизмов в других странах. Не всегда перенесённые на русскую почву заграничные «растения» хорошо приживались и давали ожидаемые плоды. Что же касается государственных научных фондов, то при всех трудностях, осложнивших процессы их создания и функционирования, при неизбежно возникающих здесь проблемах взаимодействия с государственными структурами и с учёными, при всех недостатках в работе аппарата и экспертных советов можно смело утверждать, что в данном случае опыт заимствования организационной формы оказался успешным. Фонды подвергаются критике (иногда справедливо, иногда нет), однако не воспринимаются как явление чужеродное, не соответствующее природе российской науки. Возможно, дело в том, что природа науки интернациональна, а учёные разных стран не столь значительно различаются между собой, как предприниматели, рабочие или крестьяне, или, скажем, политики разных стран. Примечательно, что и характер упреков в адрес научных фондов – сомнения в справедливости принятых решений о поддержке и отклонении проектов, в действительной непредвзятости экспертов, обвинения в том, что большая часть грантов отправляется в сравнительно небольшое число научных центров, – тот же, что и в странах, где грантовая система существует достаточно давно.

В 2002 г. праздновал своё десятилетие РФФИ, в 2004 – РГНФ. Показатели, приведённые в юбилейных докладах руководителей фондов, свидетельствуют об эффективности этой организационной формы. За первые десять лет работы РФФИ

в конкурсах, проводимых этой организацией, приняли участие 200 тыс. исследователей. Ежегодно поддержку получали более 60 тыс. учёных, выполнявших (по всем видам конкурса) около 12 тыс. проектов. Общее число публикаций по проектам РФФИ составляло около 60 тыс. в год. Из них более 28 тыс. — статьи, опубликованные более чем в 2800 научных журналах, в числе которых 800 ведущих зарубежных журналов²⁸. РФФИ ведёт большую работу по информационному обеспечению российской науки, поддерживая научные библиотеки и развивая научные телекоммуникации. Уникальным явлением стала электронная библиотека РФФИ, обеспечивающая российским пользователям доступ к содержанию наиболее авторитетных зарубежных журналов.

В РГНФ на конкурсы в 1994–2004 гг. поступили более 38,5 тыс. заявок. За первые 10 лет работы фонда было поддержано свыше 18 тыс. проектов. В их числе более 10 тыс. научно-исследовательских проектов, более тысячи проектов по организации научных мероприятий на территории России и более тысячи проектов участия российских учёных в научных мероприятиях за рубежом, более 600 экспедиций и научно-реставрационных работ, более 500 проектов создания информационных систем и почти 300 проектов по развитию научных телекоммуникаций и материальной базы научных исследований. Особое значение для учёных-гуманитариев имеет издательская программа фонда, ставшая самой крупной программой научного книгоиздания в стране. К 10-летию юбилею РГНФ в рамках этой программы было издано более 3 тыс. книг. Согласно правилам фонда, 220 экземпляров каждой изданной при его поддержке книги обязательно рассылаются в 206 библиотек России (в рассылочный список входят национальные, республиканские, краевые, областные, университетские библиотеки). В докладе председателя Совета РГНФ Ю.Л. Воротникова «Российский гуманитарный научный фонд: 10 лет в системе государственной поддержки гуманитарных исследований» (из этого доклада и взяты приведённые выше цифры) подчёркивалось: «Весьма показательно то, что почти все труды, отмеченные в последние годы Государственными премиями и премиями Правительства Российской Федерации, изданы при поддержке

РГНФ. Среди них многотомная серия «Фольклор народов Сибири и Дальнего Востока» (руководитель — академик А.П.Деревянко), монография академика Л.В.Миловой «Великорусский пахарь и особенности российского исторического прогресса», публикация творческого наследия М.И.Ростовцева, подготовленная академиком Г.М.Бонгард-Левиним, цикл книг академика В.В.Седова по проблемам ранней истории славянства. Это ли не лучшая аттестация издательской программы Фонда?»²⁹

В последние годы бюджет обоих государственных фондов значительно увеличился. Так, если в 2002 г. бюджет РФФИ составлял около 1 млрд 638 млн руб., то в 2007 г. он превысил 5 млрд рублей³⁰. За период с 1992 по 2007 гг. поддержано более 79 тыс. проектов, из них инициативных — более 38 тыс. Растёт число конкурсов, проводимых РФФИ и РГНФ. Здесь и региональные, и международные, и тематические конкурсы. Оба фонда осуществляют программы, направленные на поддержку молодых учёных.

Показатели работы фондов выглядят впечатляюще. Создаваемая с их помощью картина отражает то, что может быть названо «макроуровнем» научной деятельности. А что происходит на «микроуровне» — на уровне принятия решений и планирования собственной деятельности отдельным учёным, на уровне его мотиваций, ориентиров и предпочтений?

Проведённые Е.З.Мирской в 2001–2002 гг. социологические исследования в ряде естественнонаучных институтов РАН показали, что отечественная грантовая система вызывает определённое раздражение как у тех учёных, кто не получает грантов российских фондов, так и у тех, кто их получает. При этом на первый план выдвигаются сомнения в разумности соотношения «цена/усилия». 2/3 респондентов, опрошенных в ходе этого исследования, считают, что размер грантов должен быть увеличен. Сходную позицию демонстрируют данные проведённых в 2005 г. углублённых интервью с руководителями и лидерами научных коллективов 7 академических институтов³¹.

Противоречат ли подобные данные нашему собственному опыту? Нашим собственным настроениям и тому, что мы знаем о настроениях наших коллег? Скорее нет, чем да. Конечно,

мы благодарны фондам за поддержку. Конечно, размеры грантов нужно увеличивать. Но насколько эта мера позволит улучшить профессиональное самочувствие учёного?

Здесь есть о чём задуматься. Пятнадцать лет — это много. Но достаточно ли для того, чтобы сформировать глубинную установку на риск у человека, воспитанного в культуре, которой эта установка не была свойственна? Речь идёт о глубинной психологической установке, которая не сводится к способности абстрактно рассуждать о том, что конкурс проектов — это разновидность игры, где непременно должны быть проигравшие (и это большинство участников конкурса), что фонд — не ВАК и не выносит суждения о квалификации учёного, что эксперты фонда «всего лишь» соотносят то, что им известно об этом человеке (а их информированность может быть далеко не достаточной), с задачами и планом исследования, что существует множество тонкостей в определении приоритетов, что всего не предусмотреть, и так далее, и тому подобное... Конечно, подобные рассуждения как-то помогают подготовиться к неудаче. И всё же получать отказ обидно. А ситуаций, когда можешь почувствовать себя обиженным, лучше избегать.

Что нужно учёному, чтобы сосредоточиться на исследовательской работе, проходить через положенные муки и радости творчества, не отвлекаясь на посторонние приработки? Конечно же, стабильное базовое финансирование! Такое финансирование никоим образом не исключает грантовой системы, но, напротив, позволяет ей полнее реализовать свои возможности, служа именно тем целям, для которых она предназначена. Грант для учёного — не средство спасения, а дополнительная возможность развития, не возможность сделать хоть что-то, а возможность сделать больше и лучше, на более совершенном оборудовании, с использованием более качественных материалов. Грант — это и новые возможности развития профессиональных контактов, новые возможности участия в научной коммуникации. Наконец, быть лауреатом конкурса, проводимого научным фондом, почётно. И сегодня поддержка фонда — не только деньги, но и престиж. Это не очень ощущается в институтах РАН, где большинство учёных в той или иной форме вовлечено в работы по проектам, финансируемым фондами. «Престижепод-

нимающая» функция гранта более заметна в вузах, а для преподавателей так называемых непрофильных, невыпускающих кафедр гранты имеют особое значение. Руководители вуза, как правило, не являются специалистами в тех областях, где работают эти люди, а потому могут судить о научных успехах таких сотрудников преимущественно по внешним признакам. Правильно это или нет, но наличие гранта в подобной ситуации воспринимается как показатель положения человека в профессиональном сообществе, признания авторитетными коллегами его достижений и потенциала.

Сопоставление грантовой системы как системы финансирования проектов с системой базового финансирования организаций не должно доходить до противопоставления, которое служило бы основанием для вывода о желательности замены одной формы другой. Независимая экспертиза, организуемая фондами, имеет серьёзные достоинства. Это, однако, никоим образом не означает, что оценка деятельности учёного, его результатов и планов в рамках организации, где он работает, заведомо необъективна и находится в руках неких «чиновников». Кстати, чиновников как таковых в научных организациях и нет. Здесь, как и в фондах, решения принимаются учёными. Конечно, когда речь идёт о людях, работающих вместе, исключить субъективный фактор невозможно. Тем не менее есть множество способов уменьшить его роль. Главная проблема сегодня — отсутствие у организаций средств для того, чтобы достойно оплачивать труд учёных, закупать оборудование и материалы, поддерживать и создавать инфраструктуру.

Начиная с 1990-х гг., научными фондами многое делается для поддержки молодых учёных. Однако в состоянии ли сами фонды решить проблему восстановления воспроизводственных механизмов в науке? Ответ на этот вопрос может быть только отрицательным. Показательно в этом отношении интервью директора РФФИ В.Б.Лапшина, опубликованное в газете «Московский комсомолец» (20.03.2006). Отмечая, что доля проектов, выполняемых учёными до 25 лет, составляет в РФФИ 15% и что эксперты радуются хорошим проектам научной молодежи, В.В.Лапшин констатирует, что для этой возрастной категории исследователей наука, по крайней мере, российская, всё

чаще становится «проходным» вариантом: поработав здесь некоторое время, получив учёную степень, молодые люди находят себе применение в бизнесе или уезжают за рубеж.

Сказанное никоим образом не означает, что фонды не должны финансировать проектов молодёжи или не следует проводить специальных конкурсов для молодых учёных. Речь должна идти о комплексных мерах государства, направленных на восстановление воспроизводственных механизмов в науке или на создание новых, соответствующих современным условиям.

Падение престижа профессии учёного, которое мы наблюдаем в течение пятнадцати лет, отражают и результаты социологических исследований. По данным опроса Левада-Центра, проведённого в 2003 г., профессию учёного считали престижной только 9% жителей России. И такое положение дел нельзя объяснить ссылками на «рынок» и «демократию». В США, считающихся эталоном рыночной экономики и демократического государственного устройства, результаты проведённых в 2002 г. исследований, имевших целью ранжировать профессии по степени престижности для жителей страны, показали, что профессия ученого является самой престижной: 51% населения считают её в высшей степени престижной, 25% — весьма престижной и 20% — престижной³².

«Стратегия развития науки и инноваций в Российской Федерации на период до 2015 г.»³³ исходит из того, что место России в мировых инновационных процессах сегодня не соответствует имеющемуся у страны интеллектуальному и образовательному потенциалу. Характеризуя отрицательную динамику финансирования российской науки с начала 90-х гг. и связанные с ней процессы, разработчики «Стратегии» приводят следующие данные.

В 2004 г. внутренние затраты на исследования и разработки (196,0 млрд рублей) составили лишь 43% в постоянных ценах от уровня 1990 г., доля в ВВП затрат на исследования и разработки в 2004 г. также ниже, чем в 1990 (1,17% против 2,03%). Если в 1990 г. этот показатель был сопоставим с имевшимися у ведущих стран ОЭСР, то сегодня он ближе к группе стран с низким научным потенциалом (таких, как Испания, Польша, Венгрия, Новая Зеландия). Что касается величины затрат в расчёте

на одного занятого исследованиями и разработками, с учётом профессорско-преподавательского состава вузов, то в России она в 8 раз меньше, чем в Южной Корее, и в 12 раз меньше, чем в Германии.

За период с 1990 по 2004 гг. численность персонала, занятого исследованиями и разработками, снизилась более чем вдвое, с 1943,4 тыс. человек до 839,3 тыс. человек.

90% учёных, уехавших жить за границу, указывают в качестве главной причины низкую оплату труда на родине. В начале 2005 г. средняя начисленная заработная плата в сфере науки и научного обслуживания составляла 8725 руб. (около \$300), что примерно в 3—4 раза ниже, чем пороговая величина, которая смогла бы, по оценкам, остановить процесс миграции научных кадров из России.

Сокращение параметров материально-технической базы науки характеризуют следующие цифры. С 1995 г. объем основных средств исследований и разработок в постоянных ценах сократился вдвое, а по отношению к уровню 1990 г. — почти в четыре раза. В общей стоимости основных средств снижается доля машин и оборудования. Так, за 1990-е гг. она уменьшилась примерно с 60% до 30%. Доля оборудования старше 11 лет к 2002 г. достигла почти 27%.

«Дальнейшая консервация сложившейся ситуации, — утверждают разработчики «Стратегии», — чревата потерей перспектив роста национальной конкурентоспособности на мировых рынках наукоемкой продукции, необратимым отставанием при переходе ведущих мировых держав на технологии постиндустриальных укладов»³⁴.

Вполне правомерно к числу основных факторов, обеспечивающих преодоление технологического отставания страны, обеспечение конкурентоспособности на внешнем рынке и поступательное социально-экономическое развитие в целом, относят такие, как наличие развитой среды «генерации знаний», немыслимой без значительного сектора фундаментальных исследований, эффективность системы образования, наличие развитой национальной инновационной системы, согласованная и последовательная государственная политика, надлежащее правовое обеспечение в сфере инновационной деятельности.

В системе этих факторов находит своё место работа РФФИ и РГНФ. Фонды оцениваются в тексте «Стратегии» как эффективный инструмент сопряжения интересов науки и государства, способствующий сохранению научно-технического потенциала и естественному реструктурированию науки, концентрации самых активных и продуктивных ученых на наиболее перспективных задачах. Поскольку фундаментальные исследования являются важным источником инновационных идей, одна из основных функций фондов видится в том, чтобы способствовать преодолению разрыва между результатами фундаментальных исследований и их востребованностью обществом, государством и промышленностью. Большое значение придаётся накапливаемой фондами информации об отечественной науке. Эта информация, контекстносвязанная и высокоорганизованная, открывает широкие возможности для отслеживания состояния дел в российском научном комплексе, определения наиболее перспективных разработок, оценки критических технологий и принятия на этой основе стратегических решений.

Дальнейшая работа фондов сегодня мыслится в контексте государственной политики, направленной на создание эффективной инновационной системы. Отсюда — особое значение, придаваемое разработке новых приоритетов в сфере естественных и гуманитарных наук, оптимизации программной деятельности фондов, реализации крупных ведомственных целевых программ.

Следует признать, что постановка подобных задач вполне закономерна. Вопрос состоит (всего лишь!) в том, как будут преодолеваются трудности, весьма серьёзные, а порой представляющиеся и вовсе непреодолимыми, которые неизбежно возникают на пути создания в современной России эффективно работающей национальной инновационной системы. Те, кто принимает решения, определяющие успехи и неудачи в этом чрезвычайно сложном деле, должны обладать не только соответствующими интеллектуальными и деловыми качествами, но и разбираться в тонкостях человеческой мотивации, обуславливающих траектории поведения людей. Без учёта и правильной оценки социально-антропологических факторов любые,

даже самые, казалось бы, совершенные экономические и управленческие модели могут привести к результатам, противоположным ожидавшимся.

Примечания

- ¹ В законе РФ «О науке и государственной научно-технической политике» (принят в 1996 г., впоследствии в текст закона неоднократно вносились изменения) государственная научно-техническая политика характеризуется как «составная часть социально-экономической политики, которая выражает отношение государства к научной и научно-технической деятельности, определяет цели, направления, формы деятельности органов государственной власти Российской Федерации в области науки, техники и реализации достижений науки и техники».
- ² *Иванова Н.И.* Формирование и эволюция американской модели науки // Социальная динамика современной науки. М., 1995. С. 262.
- ³ *Wazuzan G.N.* The National Science Foundation: a Brief History. 1994. <http://www.nsf.gov/about/history/nsf50/nsf8816.jsp>
- ⁴ *Wazuzan G.N.* The National Science Foundation: a Brief History. 1994.
- ⁵ Цит. по: *Wazuzan G.N.* The National Science Foundation: a Brief History. 1994.
- ⁶ См.: *Wazuzan G.N.* The National Science Foundation: a Brief History. 1994..
- ⁷ www.nsf.gov/about/glance.jsp.
- ⁸ См.: Наука России в цифрах. ЦИСН. М., 1995.
- ⁹ См.: *Семёнов Е.В.* Явь и грёзы российской науки. М., 1996. С. 65.
- ¹⁰ *Семёнов Е.В.* Явь и грёзы российской науки.. С. 449.
- ¹¹ Там же. С. 11–12.
- ¹² Там же. С. 447.
- ¹³ См., например: *Киселёва В.В., Китова Г.А., Кузнецова Т.Е.* Российские реформы и преобразование сферы исследований и разработок // Наукосведение. 1999. № 2. С. 86.
- ¹⁴ *Алфимов М., Минин В., Либкинд А.* Страна науки – РФФИ // Вестн. РФФИ. 2000. № 2, июнь.
- ¹⁵ См.: *Семёнов Е.В.* Российский фонд фундаментальных исследований: ростки нового в организации российской науки // Вопр. философии. 1994. № 4 (ссылка приводится по: *Семёнов Е.В.* Явь и грёзы российской науки. М., 1996. С. 65).
- ¹⁶ См.: *Семёнов Е.Н.* О пользе самостоятельности: Создание Рос. гуманитар. науч. фонда – успех гуманитар. научн. сообщества // Вестн. РГНФ. 1995. № 1 (ссылка приводится по: *Семёнов Е.В.* Явь и грёзы российской науки. С. 76–77).
- ¹⁷ См.: Там же. С. 78.
- ¹⁸ См.: *Грушин Б.А.* Четыре жизни России. Жизнь 1-я. Эпоха Хрущёва. М., 2001. С. 27; *Лапин Н.И.* Трансформирующаяся Россия в социологических проектах РГНФ // Вестн. РГНФ. 2004. № 3. С. 34.

- 19 См.: Зарубежная помощь науке и высшей школе России: Справ. М., 1994. С. 65.
- 20 См.: *Дежина И.Г.* Вклад международных организаций и фондов в реформирование науки в России // Ин-т экономики переход. периода: Научн. тр. № 91Р. М., 2005. С. 7.
- 21 См.: Там же. С. 74.
- 22 OECD Science, Technology and Industry Outlook. EECOD, 2004, p. 193 (ссылка приводится по: *Дежина И.Г.* Вклад международных организаций и фондов в реформирование науки в России. С. 52–53).
- 23 См.: *Дежина И.Г.* Указ. соч. С. 8.
- 24 См.: *Семёнов Е.В.* Российский гуманитарный научный фонд как экспертная система // Поиск. 1996. № 48 (ссылка приводится по: *Семёнов Е.С.* Явь и грёзы российской науки. М. 1996. С. 101).
- 25 См.: *Воротников Ю.Л.* Российский гуманитарный научный фонд: 10 лет в системе государственной поддержки гуманитарных исследований // Вестн. РГНФ. 2004. № 3.
- 26 См.: *Гребенюк В.П.* Семинар, посвящённый финансированию фундаментальных исследований в странах Центральной и Восточной Европы и государствах бывшего СССР (Париж, Франция, 15–16 июня 1996 г.) // Вестн. РГНФ. 1996. № 4. С. 217–220.
- 27 См.: *Батыгин Г.С.* Невидимая граница: грантовая поддержка и реструктурирование научного сообщества в России // Науковедение. 2000. № 4.
- 28 См.: Юбилей РФФИ. Выступление министра промышленности, науки и технологий Российской Федерации И.И.Клебанова на международной конференции «Десять лет служения российской науке» 24 апреля 2002 г. // Вестн. РФФИ. 2002. № 2, июнь.
- 29 *Воротников Ю.Л.* Российский гуманитарный научный фонд: 10 лет в системе государственной поддержки гуманитарных исследований // Благой фонд, благое дело: К 10-летию Рос. гуманитар. научн. фонда. М., 2004. С. 18. <http://www.rfbr.ru/pics/22135ref/file.pdf>
- 30 См.: *Мирская Е.З.* Государственные гранты как инструмент модернизации российской академической науки // Вестн. РГНФ. 2006. № 3. С. 138–139.
- 32 Данные приводятся по документу «Стратегия развития науки и инноваций в Российской Федерации на период до 2015 года», разработанному Министерством образования и науки РФ, утвержденному межведомственной комиссией по научно-инновационной политике (протокол от 15 февраля 2006 г., № 1) <http://www.mon.gov.ru/work/nti/dok/>
- 33 «Стратегия развития науки и инноваций в Российской федерации на период до 2015 года» разработана Министерством образования и науки РФ, утверждена межведомственной комиссией по научно-инновационной политике (протокол от 15 февраля 2006 г., № 1) <http://www.mon.gov.ru/work/nti/dok/>
- 34 Там же.

Инновация как риск*

1. Инновация и риск как аспекты социальной деятельности

Определение «инновация как риск» представляется, на первый взгляд, очевидным: креативная целерациональная деятельность, способная привести к существенным социальным и/или научно-техническим изменениям, своей оборотной стороной имеет большую или меньшую степень неопределенности последствий. А ситуация неопределенности в отношении будущих последствий является ситуацией риска. Однако при чуть более внимательном рассмотрении обнаруживается, что за терминами «инновация» и «риск» скрываются проблемные области, изучение которых отличается как активностью, так и множественностью самых разных, нередко малосовместимых подходов. Так, исследователи, обращающиеся к проблематике риска, сталкиваются с отсутствием единства в отношении его природы, сущности и определения, которое обнаруживает себя не только в формате междисциплинарного диалога, но даже внутри одной дисциплины, например, социологии или политологии. Как метко подметил Н.Луман, «если пытаешься определить понятие риска, то впечатление такое, будто заехал в густой туман, где видимость не дальше бампера машины»¹. За пятнадцать лет, прошедших после написания этих строк, ситуация не

* Статья подготовлена в рамках проекта РГНФ 05-03-03209а «Методологические основы оценки техники как новой комплексной проблемно ориентированной научно-технической дисциплины».

слишком изменилась. Показательно, что даже те социальные мыслители, для которых категория риска являются ключевой, часто избегают однозначных дефиниций.

Тем не менее две находящиеся в стадии становления социальные дисциплины — инноватика и рискология — при всем обилии концептуальных и методологических проблем, характерных для их развития, не только могут быть полезны друг другу, но и в обозримой перспективе имеют неплохие шансы конвергенции. Ведь обе эти дисциплины обращены к человеческой деятельности, к процессу принятия решений в рамках социума. Если специфика сопряженных с риском решений заключается в необходимости делать выбор из числа имеющихся альтернатив в условиях неопределенности относительно последствий, то значительный объем такого рода решений сопряжен с деятельностью, соответствующей характеристике «инновационная». Таким образом, концептуализации риска имеют большое значение для теории и практики социальных инноваций и проектирования.

Многие исследователи исходят из того, что риск сопряжен исключительно с ущербом, который уже атрибутирован процессу принятия решений. Незнание размера будущего ущерба, того, когда он наступит и наступит ли вообще, становится частью решения, принятие которого является необходимым². Существуют, однако, серьезные аргументы в пользу амбивалентности риска, сочетания в нем как негативного, так и позитивного потенциала. Такая альтернативная позиция формулируется следующим образом: «В риске осознается угроза, что нечто имеющееся в распоряжении может быть утрачено или повреждено, но также предполагается и возможность некоторого выигрыша»³. В частности, в рамках государственного управления как позитивные, так и негативные аспекты риска сопряжены с решениями, ориентированными на социальные инновации. Но отказ от таких решений либо их несвоевременная реализация чаще всего активизируют именно негативный аспект риска⁴.

Принятие решений, их реализация, развертывание последствий в пространстве и во времени затрагивает различное количество социальных акторов. Иначе говоря, риск следует рассматривать как специфическую форму социальной коммуни-

кации, связанную со стремлением рассчитать в настоящем неизвестное будущее. Коммуникация означает расширенное воспроизводство риска (по У.Беку: производство, распространение, потребление и новое производство рисков), формирование среды для новых рискогенных решений. Но если воспроизводство рисков понимать только как накопление ущерба, то тогда мы постоянно жили бы в мире катастроф, поскольку аккумуляция ущерба в массовом порядке приводила бы к преодолению «порога бедствия» (Н.Луман), за которым следовали бы разрушительные последствия для окружающей среды, технических систем, социальной и политической стабильности. Если катастрофы все еще не стали частью повседневности, то объяснить это можно тем, что накопление ущерба чаще всего компенсируется раскрытием позитивного потенциала риска либо нейтрализуется другими рисками.

Как подчеркивает Н.Луман, риск характеризуется множеством «стадий осуществления контингентности», т.е. неравномерным пространственно-временным распределением случайных факторов, влияющих на процесс принятия решений, преимуществ и недостатков того или иного действия, вероятности или невероятности наступления ущерба в результате принятого решения⁵. При этом расчеты возможного ущерба, вероятности наступления негативных или позитивных последствий оказываются в высшей степени зависимыми от способа и субъекта анализа риска. Таким образом, появляются основания для интерпретации риска как социального конструкта, значение которого варьируется и тесно увязывается со специфическими социальными контекстами и целями⁶. Такая интерпретация риска подчеркивает его коммуникативную природу, позволяет более взвешенно подойти к проблематике восприятия и оценки риска, выявляя их конвенциональный характер и зависимость от социокультурных норм и ценностей. Вместе с тем необходимо понимать, что категория риска отражает важнейшие аспекты реально существующих социальных процессов, а также взаимодействия природы и общества.

Релятивистский характер категории риска проявляется и в том, что касается различения риска и опасности. Согласно Н.Луману, рисками являются ситуации, когда возможный бу-

душий ущерб можно атрибутировать решению индивида, тогда как опасность относится к ущербу, который связан с воздействием внешней среды, неподконтрольной индивиду⁷. Но тот же Луман подчеркивает важность позиции наблюдателя, в зависимости от которой риск может восприниматься и в качестве опасности. Надо также различать точки зрения основных акторов коммуникации риска. Лица, принимающие решения, стремятся к рационализации своих решений с помощью калькуляций, оценок, сценариев, они склонны видеть риски, но не опасность. Напротив, те, кого риски непосредственно затрагивают, воспринимают их прежде всего как опасность, которую они не могут контролировать и к которой так или иначе вынуждены адаптироваться.

О том, насколько зыбкой является грань между опасностью и риском, насколько сложным оказывается переплетение природного и социального, объективного и субъективного, рутины и инновации, прошлого, настоящего и будущего в коммуникации риска, свидетельствуют многие события и примеры. Но, возможно, более ярким будет пример, в котором, на первый взгляд, внешняя природная опасность «перекрывает» целерациональную деятельность человека. Одним из таких примеров является случай урагана «Катрина», который нанес разрушительный удар по Новому Орлеану, другим населенным пунктам Луизианы и соседних регионов США в конце августа – начале сентября 2005 г.

2. Случай урагана «Катрина»

Как известно, ураганы – явление регулярное для юго-восточного побережья США. И если мощный удар стихии в более отдаленном прошлом обычно рассматривался как «наказание божье», то впоследствии ураганы воспринимались в этом регионе как ожидаемая в определенное время года природная опасность. В последнее время увеличение количества и разрушительной силы ураганов в районе Карибского моря и Мексиканского залива все чаще стали связывать с глобальным потеплением, которое по крайней мере частично обусловлено антропогенным

воздействием. В этом случае уже можно говорить о нарастании природной опасности, отчасти обусловленном распределенными во времени и пространстве решениями и действиями социальных акторов. Причем временной горизонт охватывает столетия, прошедшие после начала промышленной революции XVIII в., а пространственный масштаб — всю планету. Естественно, что какие-либо отдельные решения социальных акторов в прошлом и настоящем не могут в данном контексте рассматриваться как прямо обусловившие катастрофу.

Вместе с тем, согласно некоторым гипотезам, увеличение количества и мощи ураганов в этом регионе может иметь более конкретных «виновников» — компании, ведущие добычу нефти на шельфе Мексиканского залива. Несмотря на более или менее строгое соблюдение норм экологической безопасности, некоторое количество добываемой нефти попадает в акваторию залива и распределяется по ней тончайшим слоем в сотые и тысячные доли миллиметра, что, однако, может быть достаточным для нарушения баланса теплообмена между зарождающимся в этих водах Гольфстримом и атмосферой. Если эта гипотеза получит подтверждение, то разрушительная сила ураганов с достаточным основанием станет рассматриваться и как непредвиденное последствие действий вполне определенной группы экономических акторов. Правда, в случае урагана «Катрина» незнание о возможности такого рода последствий полностью исключало их из всех калькуляций рисков.

Ураган поставил под сомнение всю совокупность градостроительных, экономических и административных решений XIX—XX вв., которые не просто позволили Новому Орлеану сохраниться в качестве населенного пункта на территории, расположенной по большей части ниже уровня моря, но привели к тому, что этот город стал одним из крупнейших на Юго-Востоке США. Несомненно, что многие из этих решений носили инновационный характер по крайней мере в масштабах штата Луизиана. Немалая часть таких решений принималась с учетом существующей опасности ураганов. Но в рамках этого процесса принятия решений на основе рационального выбора сама опасность оказывалась преобразованной в риск. Таким образом, развитие Нового Орлеана за много десятилетий до урагана 2005 г. стало

развитием в условиях аккумуляции риска катастрофического ущерба от ураганов и наводнений. По всей видимости, аккумуляция риска превысила «порог бедствия» в начале XXI в., когда были приняты решения о сокращении финансирования работ по укреплению дамб, которые под воздействием урагана «Катрина» в ряде мест оказались прорванными.

И, наконец, как стало достоверно известно спустя полгода после урагана, решения о комплексе мер по спасению и эвакуации людей должны были приниматься в ходе совещания у президента Дж. Буша на основе докладов экспертов о силе приближающегося урагана и о реальной угрозе прорыва дамб. Несмотря на полноту и адекватность информации, президент США предпочел воздержаться от дополнительных мер по спасению людей, полагая, что усилия местных властей окажутся вполне достаточными. Это классическая ситуация бездействия, описанная Луманом: отказ от предупредительных мер в случае природных катастроф неизбежно становится риском⁸.

В результате ураган послужил не только поводом для критики конкретных действий администрации США в чрезвычайных обстоятельствах, но и мощным толчком к пересмотру американцами своего отношения к ряду важнейших аспектов всей политики Дж. Буша-младшего. Именно после урагана во весь голос стали звучать предостережения о перенапряжении сил Америки во имя неверно сформулированных целей. «Катрина» оказалась значимым событием и с точки зрения последствий для глобальной стратегии США. Как для американского общества, так и для наблюдателей во всем мире стали понятными следующие обстоятельства: гигантские материальные ресурсы, обеспечивающие глобальное доминирование США, все же не безграничны; администрация в Вашингтоне далеко не всегда способна ими распорядиться наиболее рациональным образом; по крайней мере в некоторых существенных аспектах глобальное доминирование США обеспечивается не материальными ресурсами, но пропагандой (PR), убеждающей весь мир, но прежде всего — население и элиты самих США в материальном и моральном превосходстве; ураган «Катрина» нанес удар по этим пропагандистским усилиям, обнажив такие общественные пороки, как все еще сохраняющееся расовое и социальное

неравенство, выразившееся в преимущественном стремлении властей эвакуировать белых и материально обеспеченных, акты насилия и мародерства со стороны оставшихся в городе криминальных элементов и социальных аутсайдеров. Соответственно, критики американского внешнеполитического курса еще более укрепились в убеждении, что кампания поддержки свободы во всем мире, заявленная как одна из основных задач второго срока администрации Буша, оказывается весьма уязвимой в свете этих демаскированных общественных пороков. Наконец, последствия урагана продемонстрировали энергетическую уязвимость США, заставив администрацию второй раз в истории страны начать использовать стратегические запасы нефти.

Краткий экскурс в историю урагана «Катрина» и его последствий позволяет сформулировать несколько положений, относящихся к коммуникации риска:

- в условиях массивированного антропогенного воздействия на окружающую среду и технизации жизненного мира человека грань между природной опасностью и социально обусловленным риском становится все более подвижной;

- в современном обществе коммуникация риска обеспечивает связь между прошлым, настоящим и будущим;

- коммуникация риска способна менять баланс между рутинным и инновационным социальным действием, а также действием и бездействием;

- коммуникация одного риска — это «идеальный случай», на деле происходит коммуникация множества рисков, отличающихся друг от друга по источнику, времени и месту происхождения;

- в рамках коммуникации рисков имеют место синергетические нелинейные взаимодействия;

- восприятие риска как важнейшего элемента коммуникации обеспечивает инверсию одних рисков в другие, а также является важнейшей предпосылкой их расширенного воспроизводства;

- в условиях глобализации и ускоренного развития информационно-коммуникационных технологий локальные события все чаще вызывают глобальную коммуникацию рисков.

3. Глобальная коммуникация риска. Новая роль политических рисков

Риск имманентен человеческой деятельности. Но сам риск и его социальная коммуникация не остаются неизменными. Эта переменна наиболее отчетливо фиксируется в тех теориях модернизации и глобализации, которые избегают суждений о предопределенности траектории глобального развития. Прежде всего речь идет о концепциях Э.Гидденса и У.Бека. Для этих авторов связь рисков с модернизацией является конституирующей. Бек рассматривает риск как систематическое взаимодействие общества с угрозами и опасностями, которые порождаются процессом модернизации как таковым. В отличие от опасностей прошлых эпох, современные риски суть последствия, прямо связанные с угрожающей мощью модернизации и порождаемой ею глобализацией неуверенности⁹. В свою очередь Э.Гидденс рассматривает воспроизводство рисков как важнейший структурирующий фактор в развитии общества, подчеркивая всевозрастающую «взаимозависимость повседневных решений и глобальных последствий». В то же время невиданный прежде масштаб социального воспроизводства рисков обусловлен усложнением социальных систем и коммуникаций, появлением институционализированных сред риска¹⁰.

Дискуссионным пунктом здесь является вопрос о корреляции инновационной деятельности, риска и модернизационных процессов. Модернизационные процессы характеризуются прежде всего изменением статуса инновационной деятельности. Культура традиционной цивилизации (при всей специфике и неповторимости культуры конкретных народов и эпох) выступает в качестве своеобразного фильтра в отношении инновационной деятельности. Она как бы приспособливает такого рода активность к устоявшимся моделям поведения и образцам действий и минимизирует те последствия, которые могут угрожать традиционному жизненному укладу. В эпоху Возрождения и Реформации происходит ослабление этой функции; с началом Нового времени западноевропейская культура не только перестает выступать в качестве «инновационного фильтра», но, напротив, главным атрибутом ее ста-

новится открытость инновациям. Инновационное действие становится одной из основных ценностей претендующей на глобальность культуры Запада.

Признание того, что риск имманентен человеческой деятельности, не позволяет отрицать его наличие в домодернизационную эпоху, в определении временных границ которой существуют значительные расхождения. Однако можно говорить о том, что коммуникация риска в домодернизационную эпоху в основном ограничивалась существующими социальными структурами, иерархическими отношениями, традицией. И не случайно историческим предшественником современных курсов риска было понятие греха¹¹. Переход к модернизации означал разрыв прежних зависимостей, выразившийся не только в коммуникации риска поверх прежних социальных структур, но и в принципиально новом феномене обусловленности структурирования общества коммуникацией риска. Риски интенсифицируются, начиная преобразовывать общество, – возникают основания говорить об «обществе риска».

Современные процессы глобализации радикально усиливают тренд эмансипации риска от иерархических социальных структур. И хотя не следует недооценивать тенденции к формированию разного рода иерархий, все же на глобальном уровне доминирующим является структурирование по сетевому принципу. Развитие информационных технологий выступает важнейшей (но не единственной) материальной предпосылкой сетевого структурирования, тогда как его содержательным аспектом является коммуникация риска. Теория сети акторов¹² открывает новые возможности для анализа коммуникации риска, позволяя выявить стратегических акторов, которые обеспечивают стабильность всей сети на продолжительном временном отрезке и определяют ее идентичность. Трансляция (перевод) этой идентичности от центральных акторов к остальным, в сущности, может рассматриваться как важнейший элемент коммуникации риска.

Но если говорить о глобальной коммуникации риска, то ее содержание этим далеко не исчерпывается. Прежде всего появляются новые, дальнедействующие риски, или мегариски. Один из них – мегариск глобального конфликта с использова-

нием ядерного оружия — был обусловлен как изменением системы международных отношений после Второй мировой войны, так и развитием военных технологий. Окончание «холодной войны» и переход от биполярного к однополярному миру открыли дорогу экспансии рисков. Прежнее противостояние СССР и США порождало глобальный риск самоуничтожения цивилизации, по отношению к которому большинство других политических рисков оказались иерархически соподчинены. Исчезновение этого стержневого фактора не могло не «высвободить» многие риски, прежде как бы «подавлявшиеся» в противостоянии сверхдержав.

На протяжении XX в. все больше стали проявлять себя мегариски, связанные с научно-техническим развитием и воздействием на окружающую среду. Такие техногенные угрозы и экологические риски обретают политическое измерение хотя бы в силу своего глобального масштаба. Но глубинная связь мегарисков с политикой укоренена в социотехнических системах, которые выступают социальной и материальной базой их производства. Социотехнические системы — это сложные и гетерогенные образования, состоящие из совокупности технических артефактов, организационно-управленческих структур с их персоналом, материальных ресурсов и экономических взаимосвязей, научных компонентов, правовых норм. Критическая зависимость существования общества от этих систем усиливает их неформальное влияние и на политические институты. В коммуникации риска социотехнические системы все ближе приближаются к статусу политического актора. Впрочем, уже есть достаточно оснований говорить о проявлениях осознанной стратегии воздействия социотехнических систем на политику, в частности, с использованием аргументации риска. Например, предпринятый М.Каллоном анализ работы инженеров и конструкторов компании *Electricité de France*, которую скорее можно назвать сетью социотехнических систем, выявил их способность активно влиять на мобилизацию политических интересов и на соответствующее изменение общих рамочных условий функционирования компании¹³. Отметим, что исследование Каллона касалось именно инженеров и конструкторов, а не высших менеджеров *Electricité de France*.

Изучение социотехнических систем также выявляет зыбкость грани между социальными и научно-техническими инновациями. Современные социальные инновации чаще всего ориентированы на технизированное общество, в котором значительным является не только присутствие социотехнических систем, но и зависимость всей социальной организации от научно-технического знания. В то же время развитие науки и техники является социально обусловленным процессом, а научно-технические инновации являются социальными как в плане их генезиса, так и с точки зрения их последствий¹⁴. Достижения в таких областях, как биотехнологии, информатика, новые материалы, нанотехнологии, открывают возможности, на первый взгляд кажущиеся почти безграничными. На смену экстенсивному росту и повышению размеров и мощности механизмов приходят миниатюризация и виртуализация. Усиление этих тенденций сопровождается постоянно нарастающей комплексностью, которая в свою очередь делает институциональные системы более уязвимыми и критически зависимыми от научного знания и методов. С этими процессами связана и фундаментальная неопределенность, поскольку общество, во-первых, просто не готово к столь масштабному расширению пределов возможного, а во-вторых, уже явные возможности влекут за собой и опасные последствия, большинство из которых все еще относятся к сфере незнания. В ряде случаев возникает необходимость принимать решения по тем вопросам, по которым, казалось бы, их в принципе принять невозможно. Такие решения, несомненно, будут относиться к числу инновационных, но сама инновационная активность в значительной степени оказывается вынужденным результатом предыдущих научно-технических и социальных инноваций. Риск при этом сопряжен с возможным, но в момент принятия решения еще неявным ущербом, относительно характера и масштабов которого иногда вовсе нельзя сделать никаких серьезных предположений¹⁵.

Другой важный аспект проблемы – это политическая рефлексивность рисков. Согласно У.Беку, социально осознанный риск политически взрывоопасен: «Что еще недавно находилось вне сферы влияния политики, сегодня в эту сферу попадает»¹⁶.

Если рассматривать этот аспект в терминологии коммуникации риска, то можно сказать, что в современном мире эта последняя практически неизбежно ведет к его политизации. Границы политики в этой коммуникации размываются, и тем самым ключевые элементы процесса принятия решений могут оказаться за пределами традиционных политических институтов. Другими словами, политика в обществе риска становится шире системы политических институтов.

В этой связи возникает необходимость в новой интерпретации понятия политического риска. Следует отметить, что в политологии достаточно сильна тенденция рассматривать проблематику риска как область преимущественно прикладного анализа. Отчасти это связано с заимствованием концепций, подходов и методов оценки риска из других дисциплин. Но заимствование различных методик оценки риска, например, из экономической науки подчас скрывает то обстоятельство, что в этой науке политический риск рассматривается в качестве экзогенного фактора. Так, одной из наиболее распространенных является разработанная в области страхования формула $R = P \times D$, где риск (R) является производным от вероятности (P) и степени ущерба (D). Однако применение этой формулы возможно лишь в тех случаях, когда вероятность негативного события может быть более или менее точно определена, а ущерб — квантифицирован. Квантификация ущерба, необходимая, в частности, в страховом деле, создает видимость «объективации» риска. Но дело в том, что калькуляции риска, основанные на теории вероятности и статистике, находят применение благодаря наличию следующих предпосылок:

- существует закрытое, известное и гомогенное пространство, в котором разворачивается соответствующее событие;
- калькуляции применяются к некоторой группе населения как статистической совокупности, а не к отдельным индивидам;
- имеющиеся методы дают возможность учесть статистические закономерности и определить вероятность наступления ущерба;
- ущерб может быть на монетарной основе соотнесен с другими случаями ущерба и компенсирован.

Совершенно ясно, что наличие этих условий не относится к числу универсальных явлений. Они мало соответствуют той реальности, в которой принимаются политические решения, ведущие к социальным инновациям. Когда речь идет о комплексных негативных последствиях, лишь их малая часть поддается квантификации, да и та, будучи исчислена в денежном выражении, с легкостью может быть оспорена. Происходит это прежде всего потому, что квантификация риска имеет сугубо конвенциональную основу, поскольку, например, в страховом деле определение риска осуществляется в договорном порядке. Слепое следование вышеприведенной или какой-нибудь иной формуле при игнорировании существенных аспектов коммуникации риска может негативно сказываться на эффективности принимаемых решений.

В абстрактном плане политический риск может быть представлен как совокупность возможных благоприятных и неблагоприятных политических последствий, наступающих с той или иной степенью вероятности. Но на деле мы имеем дело с социальной коммуникацией, со своеобразным развертыванием риска в социальном времени и пространстве, с трансформацией и во многих случаях с синергией рисков. Одно и то же решение в различное время, в различных местах и в различных обстоятельствах будет характеризоваться различной степенью риска. Более того, характер риска также будет варьироваться. Стандартное решение, которое в одних, условно говоря, типичных обстоятельствах сопряжено, например, с экологическим риском, в других условиях социальной коммуникации окажется политически рискованным. Вспомним недавнее прошлое. В 1987 г. в Эстонии поводом для протестов местного населения послужили планы строительства крупного комбината по добыче фосфоритов, а также новых объектов теплоэнергетики, работающих на сланцевом топливе. В принципе это была рутинная практика функционирования советской плановой экономики. Но политическая ситуация начала быстро меняться. В начале 1988 г. в ходе одной из дискуссий на республиканском телевидении, посвященных проблемам охраны окружающей среды, ее участники призвали к созданию Народного Фронта — массового движения в

поддержку перестройки в Эстонии. На глазах телезрителей сформировалась инициативная группа, подготовившая к утру следующего дня декларацию о создании Народного Фронта. К середине 1988 г. Народный Фронт Эстонии превратился в самую влиятельную политическую силу в республике, провозгласившую цель достижения независимости Эстонии от Советского Союза. Такая специфическая связь задач охраны окружающей среды с национальными целями — достижением государственной независимости либо иной формы суверенитета получила название эко-национализма¹⁷.

Конечно, горбачевская перестройка — это время социально-политической нестабильности, отличительной чертой которой становится большая легкость и скорость трансформации одного вида риска в другой. Но приведенный пример показывает, что в процессе коммуникации риска могут появляться новые политические силы и структуры, а также — по крайней мере, потенциально — расширяться пространство политической демократии. Коммуникация риска ведет к реструктурированию социальных конфликтов, их преобразованию в конфликты политические, к тому, что У.Бек назвал «недобровольной демократизацией»¹⁸.

Социальный риск становится политическим, когда появляется вероятность того, что последствия распространятся и на область политики. Соответственно, политический риск есть производная и специфическая форма социального риска. Из этого следует, что внимание исследователей должно быть сосредоточено на социальных акторах, генерирующих риски, на источниках опасностей, которые могут быть преобразованы в риски, на условиях коммуникации риска и на механизмах инверсии различных типов рисков в политические. Природные опасности и техногенные риски занимают здесь важнейшее место, наряду с терроризмом и другими видами криминальной активности, социальной напряженностью, управленческими ошибками, девиантным поведением отдельных индивидов или групп. Кроме того, многие риски изначально генерируются политическими акторами, и здесь уже уместно говорить об изучении механизмов их трансформации в иные социальные риски.

Но это также означает, что не только происходит быстрое увеличение количества акторов, способных принимать сопряженные с риском решения, но и трансформируются и все связанные с этим структуры, отношения и ориентации, иначе говоря, радикально усложняется и интенсифицируется коммуникация риска. Глобальная коммуникация риска создает его, их новые источники, новые среды и акторов его коммуникации. Эти среды и акторы не только возникают, но часто и существуют благодаря риску, оказываясь, таким образом, жизненно заинтересованными в его дальнейшем воспроизводстве. Расширенное воспроизводство (аккумуляция) трансформируется в мультипликацию рисков.

Если принимать трактовку современности как общества риска, то основными особенностями, отличающими ее от предыдущих этапов модернизации, являются:

- резкий рост числа акторов риска,
- появление новых институционализированных сред и каналов коммуникации риска,
- все возрастающая, во многих случаях практически мгновенная скорость коммуникации и возможность гиперболизированного восприятия в самых разных частях мира, превращающая локальный риск в глобальный.

Если расширенное воспроизводство риска можно считать нормальным проявлением человеческой деятельности, то специфика современной ситуации состоит в скачке от аккумуляции к мультипликации риска. Не менее важный специфический аспект заключается в его «сверхтекучести», в возможности быстрой инверсии одного вида риска в другой, в конечном счете — в политический риск. Сегодня есть все основания дополнить метафору У.Бека и начать говорить об «обществе политического риска».

4. Наука, политика, общество: коммуникация риска как процесс социального обучения

Предпосылки возникновения общества риска непосредственно связаны с ростом научного знания и расширением возможностей научно-технической деятельности как важнейшего

фактора модернизации. Наука, в сущности, предопределила направление будущего развития человечества и вместе с тем выступила одним из важнейших агентов, способствующих нарастанию неопределенности будущего. Причем роль научного сообщества значительна как в производстве, так и в коммуникации рисков. Возникновение большинства мегарисков и латентных рисков было бы невозможно без решающего вклада науки, и это обстоятельство обеспечивает стратегическую позицию экспертов в дальнейшей коммуникации этих рисков. Предлагаемое наукой умножение знаний о рисках формирует новые социальные потребности, новые рынки, в конечном счете — бурно растущую экономику рисков. С другой стороны, непризнание тех или иных рисков экспертами также имеет высокую экономическую и социальную цену, порождая как выигравших, так и проигравших. Кроме того, осуществляемые научным сообществом идентификация и оценка конкретных рисков становятся важным политическим инструментом¹⁹. Выявляя проблему и информируя об этом тех, кого связанные с ней опасности или риски непосредственно затрагивают, научное сообщество формирует тем самым новую группу интересов, способную оказывать политическое давление²⁰. Так, превращение «зеленых» во влиятельную политическую силу было бы невозможно без вклада научного сообщества в коммуникацию экологических рисков.

Таким образом, в процессе коммуникации риска возникает потребность в изменении взаимоотношений научного сообщества, общественных групп и политических акторов. Можно смело соотнести решающую фазу становления общества риска и феномен т.н. «постнормальной науки»²¹. Термин «постнормальная наука», подчеркивающий отличие от «нормальной науки» в смысле Т.Куна, означает, что в современных условиях неотъемлемой частью производства научного знания становятся его социально-политические аспекты, а сам этот процесс должен быть транспарентным и открытым для участия социальных акторов. Фактически речь идет о стирании некогда стабильных демаркационных линий между наукой, обществом и политикой, о переструктурировании взаимоотношений между ними, имеющем далеко идущие последствия.

При этом производство научного знания происходит не столько как поиск основополагающих законов природы, сколько как процесс, увязанный с контекстом применения этого знания, с представлениями о социальных потребностях и потенциальных потребителях. Дисциплинарные границы утрачивают свое прежнее значение, научное исследование все чаще становится междисциплинарным или трансдисциплинарным, а контроль и критерии качества такого исследования определяются как научными, так и вытекающими из контекста применения социальными, политическими и экономическими критериями. Производство научного знания становится рефлексивным процессом, необходимым элементом которого является учет его социальных импликаций. В свою очередь в таком взаимодействии науки и политики последняя также не остается неизменной. Наблюдается «сциентификация политики», связанная не просто с ростом зависимости политических инстанций от продукции экспертов, но с возникновением «гибридных сообществ» — организационных структур, «в которых ученые, политики, администраторы и представители промышленности и других групп интересов непосредственно связываются, чтобы определить проблему, исследовательскую стратегию и найти решения»²².

Парадоксальность ситуации с экспертизой риска состоит в том, что позиции научного сообщества ослабляются именно в связи с результатами экспертной деятельности. Нерискованные решения в принципе невозможны. И тут возникает парадокс по Луману: «Чем больше знаешь, тем больше знаешь, чего не знаешь, и тем скорее формируется сознание риска»²³. Наука в коммуникации риска символизирует тенденцию к рационализации, но при этом она позволяет осознать масштабы неопределенности и ограниченность экспертного знания. Больше знание не дает гарантий ухода от риска к большей безопасности. Скорее наоборот.

Дефицит достоверного знания эксперты стремятся компенсировать использованием различных методов статистического анализа риска, построением моделей, применением гипотетического подхода и т.д. Происходит «экспансия гипотетического»²⁴. Принятие решений в условиях недостатка знания на ос-

нове гипотетических соображений становится важной особенностью политического и общественного процесса. Вопрос состоит в том, насколько анализ, прогнозирование и управление рисками позволяют эффективно решать задачи в сфере социальной инноватики и не являются ли существующие аналитические подходы не столько путем к решению проблемы, сколько ее частью.

Уязвимость гипотетических построений отражается в учащении конфликтов между экспертами, что способствует подрыву авторитета науки. Вера в прогресс, и без того подвергающаяся эрозии, замещается недоверием к основным институтам научно-технической деятельности; ценность экспертного знания девальвируется. Любые научно обоснованные политические решения могут быть опровергнуты при помощи научного же анализа. Как показал Э.Гидденс, снижение доверия ведет к дестабилизации социальной системы. В этом плане значение экспертизы выходит за рамки повышения рациональности процесса принятия решений. Подрыв доверия к экспертизе не только ведет к снижению политического спроса на экспертное знание, особенно драматичному в сравнении с масштабами аккумуляции нового знания, но и создает благоприятные условия для возникновения политических конфликтов.

Разумеется, в этих условиях уже нельзя говорить о патерналистской роли экспертов по риску, на чем в свое время настаивали М.Дуглас и А.Вилдавски. Согласно их точке зрения, определение и оценка риска должны оставаться прерогативой экспертов, поскольку допуск к этому делу неспециалистов, нередко отличающихся иррационализмом, невежеством и отвращением к риску, может лишь затормозить принятие необходимых решений²⁵. Однако если рассматривать риск как социальную коммуникацию, то именно взаимодействие экспертов и неспециалистов является предпосылкой рационального выбора и социальной акцептации (позитивного восприятия) риска инновационных решений. Объединение научной и обыденной рациональности является важной предпосылкой существования в обществе риска. Оно также призвано восполнить дефицит легитимности принимаемых решений, возникающий по причине инверсии неполитического в по-

литическое в рамках коммуникации риска. При этом коммуникация риска все чаще может становиться вопросом партиципативной демократии²⁶.

Говоря о возможностях демократии участия в контексте социальных инноваций и коммуникации риска, следует отметить ряд теоретических и практических трудностей. Например, широко известна градация уровней гражданского участия, разработанная американским социологом Ш.Арноштейн, которая в 60-е гг. XX в. изучала роль национальных меньшинств США в городском управлении и планировании. Эта так называемая «лестница гражданского участия» предполагает восхождение от простого информирования и манипуляции общественным мнением к плебисцитарным формам гражданского контроля²⁷. Но если считать референдум высшей ступенью вовлеченности социальных акторов в коммуникацию риска, то нельзя не видеть и его издержек: чрезмерной политизации, преобладания эмоций над рациональными аргументами, поляризации мнений, попыток политических партий использовать дискуссию по конкретной проблеме для обеспечения преимущества в электоральной борьбе и т.д. Так, референдумы о судьбе атомной энергетики, происходившие в 1990-е гг. в Австрии, Швейцарии и Костромской области РФ, в полной мере продемонстрировали все эти особенности. В коммуникации риска сведение существа проблемы к выбору pro/contra очень часто приводит к возникновению еще больших рисков. И тогда возникает потребность спуститься на несколько ступенек вниз по «лестнице участия» или — в идеальном случае — использовать весь спектр возможностей партиципативной демократии.

В более широком смысле речь идет о процессе социального обучения в ситуации фундаментальной неопределенности и о принятии соответствующих решений в условиях высокоорганизованных социальных систем. Как пишет А.Грунвальд, «обучение подразумевает аргументацию: проверку собственной позиции и способность изменить эту позицию в определенных ситуациях. Это означает, что политики учатся у обыкновенных людей, обыкновенные люди — у экспертов, эксперты — у политиков, и наоборот. “Лучшее” из доступных решений — это то, в отношении которого может быть найдено согласие и которое

останется устойчивым на протяжении времени, не исключая при этом возможных модификаций в зависимости от измененных контекстуальных условий»²⁸.

Основная идея социального обучения состоит в получении участниками этого процесса нового фактического знания о риске, в достижении лучшего понимания мотивов поведения других акторов в коммуникации риска, разработке новых стратегий действия, дальнейшем развитии политической культуры. Участие в социальном обучении совсем не обязательно должно преследовать цель достижения консенсуса. Более важно интерактивное взаимодействие, в ходе которого по крайней мере достигается более глубокое и комплексное понимание дискуссионных проблем, а сами участники дискуссий учатся находить общий язык друг с другом. Иначе говоря, суть социального обучения – в способности принимать решения в условиях большого набора опций, а одна из основных целей – повышение доверия как важнейшего стабилизирующего фактора в социальной коммуникации риска. Повышение доверия ведет к акцептации обществом сопряженных с риском решений. Можно сказать, что социальное обучение есть не что иное, как рефлексивная коммуникация риска.

Один из специфических аспектов социального обучения заключается в том, что коммуникация многих рисков имеет длительный временной горизонт, тогда как решения в политической сфере чаще всего привязаны к четырех- или пятигодичным электоральным циклам. Нередко мероприятия, направленные на акцептацию инновационных решений, сами порождают настолько серьезные новые риски, что возникает необходимость в применении процедур акцептации уже в отношении этих мероприятий.

В этой связи в рамках анализа проблем акцептации были сформулированы два основных подхода. Адаптивный подход предполагает ориентацию процесса принятия решений на предотвращение возможных конфликтов и учет доминирующих в обществе ценностей, норм и опасений. Другой подход – конструктивный, или формирующий – представляет собой попытку повлиять на уровень акцептации при помощи активной информационной политики, PR-кампаний, специальных образо-

вательных программ и т.д. Оба подхода предполагают усилия, направленные на привлечение индивидов и социальных групп, чьи интересы оказываются затронутыми в процессе коммуникации риска, к принятию решений. Степень вовлеченности простирается от реального участия в процессах принятия решений до простого учета общественного мнения на основе социологических опросов. Основная идея состоит в том, что участие заинтересованных лиц в процессе принятия решений облегчит акцептацию результата этими людьми.

Тем не менее попытка управлять коммуникацией риска, ориентируя ее на максимально широкую акцептацию, во многих случаях не срабатывает. Как подчеркивает А.Грунвальд, аргумент нельзя дать надежных гарантий предотвращения связанных с рисками социальных и политических конфликтов, поскольку уровень акцептации может быть определен лишь относительно данного момента времени. Предсказания уровня акцептации почти невозможны, поскольку она связана со спецификой восприятия рисков и потому весьма нестабильна. В свою очередь варианты выбора зависят от множества факторов, проявляющихся в каждой конкретной ситуации²⁹. В зависимости от возможной быстроты, с которой изменяется восприятие риска, а также благодаря случайным событиям, акцептация того или иного решения и его последствий также будет меняться. Однако колебания в уровне акцептации могут существенно расходиться с фактической динамикой риска. Если бы принятие политических решений базировалось главным образом на текущем уровне акцептации, то оно должно было бы следовать ее контекстуальным изменениям. Чрезмерное сосредоточение внимания на текущей акцептации далеко не всегда предотвращает конфликты, связанные с коммуникацией риска, зато создает препятствия для принятия инновационных решений. В конечном счете это может вести к искусственному сужению спектра альтернатив в момент принятия решения, а в долгосрочной перспективе — к увеличению рисков. Возникает дилемма: с одной стороны, без широкой акцептации любые меры и решения в демократическом обществе обречены на неудачу; с другой — политика, ориентированная исключительно на акцептацию риска как можно большим количеством соци-

альных акторов, не может обеспечить решение долгосрочных задач. Достаточно спорной попыткой разрешить эту дилемму является разработка представлений об адекватности политических мероприятий.

В общем плане речь идет об изменении уровня, на котором акцептация имеет решающее значение, об определении нормативных критериев акцептации. Чтобы обосновать эти критерии, необходимо имплицитно принимаемые обществом нормы и ценностные представления использовать для разработки критериев адекватности на основе анализа современных культурных концепций рациональности³⁰. Тогда уже вопрос будет состоять не в том, какие конкретно решения будут приняты обществом, но в том, будет ли востребована их акцептация общественными группами и акторами на основе доминирующих культурных ориентаций и представлений о рациональности. Акцептация, таким образом, покоилась бы на устойчивом нормативном фундаменте. Однако инструментально такой подход, очевидно, потребует более «тонкой настройки», чем те процедуры легитимации, которые должны способствовать принятию обществом сопряженных с риском решений. Трудность заключается даже не в изоэкономности процедур, направленных на выявление и фиксацию нормативных оснований оценки сопряженных с риском решений, а в том, что глобальная коммуникация риска все чаще ставит под сомнение эти базовые нормы и основания рациональности.

В частности, возникает вопрос о тех аспектах научно-технической деятельности, которые происходят как бы за гранью неопределенности, когда общество создает угрозы самому себе. К их числу относятся экзистенциальные риски, когда, например, при помощи геной инженерии человечество оказывается в состоянии манипулировать своей собственной эволюцией. Но тем самым геной инженерия глубоко воздействует на культурную саморепрезентацию человека и его идентичность. Дальнейшие последствия здесь просто непредсказуемы, а нынешние социальные нормы и стандарты рациональности скорее всего бессильны. И кто знает, не возникнет ли именно по этой оси напряжения крупномасштабный политический конфликт, который едва ли удастся погасить стандартными проце-

дурами поиска консенсуса. Не только неопределенность воспроизводится здесь на ранее неизвестном уровне, но все усилия решить возможные проблемы показывают нам, насколько уязвимым может быть современное общество. В этом случае едва ли можно говорить о политическом выборе на основе целерационального расчета. Но подготовка к принятию инновационного политического решения, т.е. начало расчетов рисков вмешательства в эволюцию вопреки всем существующим метасоциальным правилам (религии, традиции), становится предпосылкой для научного и экспериментального использования формирующих жизнь биологических механизмов. Чем больше человеческая деятельность вмешивается в этот процесс, тем сильнее меняются социальные структуры и тем более зависимы они становятся от конкретных решений и коммуникации порожденных ими рисков. Отсутствие необходимых знаний приобретает при этом ключевое значение для решений относительно будущего.

В связи с уязвимостью представлений об акцетабельности российские исследователи имеют все основания поставить вопрос и о применимости этого подхода к обществу, где отсутствует широкое согласие относительно ценностей, норм и процедур как базы для восприятия и оценки социального действия. При этом одной из важных задач для российского научного сообщества может быть интерпретация социальных процессов в России в категориях риска. Такая интерпретация, безусловно, должна использовать достижения кросс-культурных исследований восприятия риска, но при этом стремиться к выявлению и более общих характеристик коммуникации риска в соответствующем социуме³¹.

Заключение

В последние два десятилетия произошла примечательная перемена, которую фиксируют многие философы, социологи и политологи. Суть ее в том, что будущее все чаще получает описание в терминах риска, а не прогресса³². Причем едва ли не в первую очередь это относится к дискуссиям о будущем в запад-

ных обществах, привыкших к стабильности и высокому уровню социальной защищенности. Данный феномен отражает углубляющийся кризис восходящих к идеям эпохи Просвещения прогрессистских идеологий и социальных теорий, постулирующих направленность исторического развития к той или иной форме «конца истории». Разумеется, речь не идет сегодня о полном отказе от дискурса прогресса, но сам этот дискурс становится иным. Как отмечает З.Бауман, с идеей прогресса произошли радикальные изменения: дерегуляция и приватизация³³. Деревуляция означает то, что никакая инновация не может автоматически признаваться улучшением, а споры о позитивном или негативном потенциале соответствующей инновации могут продолжаться даже после ее осуществления. Приватизация означает то, что именно с индивидуальными усилиями человека или группы по изменению к лучшему своего положения все в большей степени отождествляется прогресс. Можно сказать, что «ревиизионистская» формула Э.Бернштейна: «Движение — все, конечная цель — ничто», — отныне выражает принципиальное изменение трактовки прогресса. Прогресс — не в направленности к конечному состоянию, а в характере социальной динамики.

Вместе с тем сохраняет свою актуальность принципиальная установка в отношении будущего, сформулированная П.Бурдьё: «Чтобы строить будущее, надо управлять настоящим»³⁴. Однако дерегулированный и приватизированный прогресс в этом деле плохой помощник. Поскольку фактически речь идет о множестве разнонаправленных прогрессов, характеризующих деятельность различных акторов или групп, существует достаточно оснований говорить о том, что будущее современного общества характеризуется фундаментальной неопределенностью. Любая инновация, любое решение, способное влиять на будущее общества, сопряжены с риском. И наоборот: современное общество приоткрывает свое будущее в процессе производства решений, сопряженных с риском³⁵. Таким образом, риск как важнейший аспект процесса принятия решений становится центральной категорией в описании будущего.

Современный мир, как на это справедливо указывает Э.Гидденс, не только полон риска — он переполнен знаниями о риске. Пожалуй, это наиболее драматично для «открытых», секу-

ляризированных западных обществ, неспособных консолидироваться вокруг одной цели или выстоять перед лицом массовых рисков, опираясь на традицию и интегрирующую силу религиозных убеждений. Но хотя ценность прогресса и авторитет инновационной деятельности в современном мире уже не бесспорны, это не значит, что можно отказаться от самих инноваций. Проблема состоит не в свободе, а в неизбежности инновационной активности. И управление инновациями, проектная деятельность в современном обществе требуют не просто обязательной оценки рисков, связанных с тем или иным решением, но высокой степени рефлексивного самоконтроля всей социальной системы.

Примечания

- ¹ *Луман Н.* Понятие риска // THESIS. 1994. № 5. С. 138.
- ² *Бехманн Г.* Риск (в обществе постмодерна) // Глобалистика: Энцикл. М., 2003.
- ³ *Nowotny H., Evers A.* Über den Umgang mit Unsicherheit. Die Entdeckung der Gestaltbarkeit von Gesellschaft. Frankfurt a/M., 1987. S. 38.
- ⁴ *Соловьев А.И.* Колебательно-маятниковый механизм принятия государственных решений: к обоснованию когнитивной модели (II) // Полис. 2005. № 6. С. 47.
- ⁵ *Luhmann N.* Soziologie des Risikos. Berlin—N. Y., 1991. S. 49.
- ⁶ *Rosa E.A.* Metatheoretical Foundations for Post-Normal Risk // J. of Risk Research. 1998. № 1.
- ⁷ *Луман Н.* Понятие риска. С. 149—150.
- ⁸ *Луман Н.* Понятие риска. С. 154.
- ⁹ *Бек У.* Общество риска. На пути к другому модерну. М., 2000. С. 43.
- ¹⁰ См.: *Гидденс Э.* Судьба, риск и безопасность // THESIS. 1994. № 5.
- ¹¹ *Дуглас М.* Риск как судебный механизм // Там же. С. 246.
- ¹² *Callon M., Law J.* On the Construction of Sociotechnical Networks: Content and Context Revisited // Knowledge and Society. 1989. Vol. 8; *Latour B.* The Power of Association // Power, Action and Belief: a New Sociology of Knowledge? L.—Boston, 1986.
- ¹³ *Callon M.* Society in the Making: The Study of Technology as a Tool for Sociological Analysis // The Social Construction of Technological Systems. New Directions in the Sociology and History of Technology. Cambridge (Mass.), 1989.
- ¹⁴ Подробнее см.: *Ефременко Д.В.* Экстернализм в современной западной философии и социологии техники // Право. Мировоззрение. Философия. 2005. № 1 (9), янв.—июнь. Вып.: Предпринимательство, этика, техника.

- 15 *Bechmann G.* Risk and Rationality in a Future-oriented Society // Rationality in an Uncertain World. Berlin, 2005. P. 52.
- 16 *Бек У.* Общество риска. На пути к другому модерну. С. 65.
- 17 *Dawson J.I.* Eco-Nationalism. Anti-Nuclear Activism and National Identity in Russia, Lithuania and Ukraine. Durham—L., 1996.
- 18 *Бек У.* Что такое глобализация? Ошибки глобализма — ответы на глобализацию. М., 2001. С. 175.
- 19 *Бек У.* Общество риска. На пути к другому модерну. С. 337.
- 20 *Markl H.* Naturwissenschaftliche Forschung und Umweltpolitikberatung // Wissenschaftliche Politikberatung für die Umwelt. Berlin, 1997. S. 200.
- 21 *Funtowicz S.O., Ravetz J.* The Emergence of Post-Normal Science // Science, Politics and Morality. Scientific Uncertainty and Decision Making. Dordrecht—Boston—L., 1993.
- 22 *Вайнгарт П.* Отношение между наукой и техникой: социологическое объяснение // Философия техники в ФРГ. М., 1989. С. 138.
- 23 *Луман Н.* Понятие риска. С. 152.
- 24 *Marquard O.* Apologie der Zufälligen. Stuttgart, 1986.
- 25 *Douglas M., Wildavsky A.* A Risk and Culture. Berkeley (CA.), 1982.
- 26 *Shrader-Frechette K.* Risk and Rationality: Philosophical Foundations for Populist Reforms. Berkeley (CA.), 1991.
- 27 *Arnstein S.* A Ladder of Public Participation // The J. of American Institute of Planners. 1969.
- 28 *Грунвальд А.* Устойчивое развитие. Экологическая политика: требования долгосрочного планирования и проблемы акцептации // Последствия научно-технического развития. М., 2000. С. 53.
- 29 *Грунвальд А.* Устойчивое развитие. С. 56.
- 30 См.: *Habermas J.* Erläuterungen zur Diskursethik. Frankfurt a/M., 1991.
- 31 См.: *Яницкий О.Н.* Экологическое движение в России: Крит. анализ. М., 1996; *Яницкий О.Н.* Социология риска. М., 2003.
- 32 *Kaufmann F.-X.* Der Ruf nach Verantwortung. Risiko und Ethik in einer unüberschaubaren Welt. Freiburg—Basel—Wien, 1992. S. 14.
- 33 *Бауман З.* Индивидуализированное общество. М., 2002. С. 142.
- 34 *Bourdieu P.* La precarite est aujourd'hui partout // Contre-feux. Paris, 1998. P. 97.
- 35 *Japp K.-P.* Risiko. Billefeld, 2000. S. 134.

Социально-экономические проблемы инвестиционно-строительного комплекса и отраслевая экономическая наука

1. Социально-экономические проблемы

Среди национальных приоритетных проектов (современное здравоохранение, качественное образование, доступное и комфортное жилье, эффективное сельское хозяйство) проект обеспечения населения доступным и комфортным жильем занимает особое положение по своим масштабам, сложности, комплексности решаемых проблем и по социальной значимости. Именно от качества жилья во многом зависит здоровье людей, их семейное благополучие, демография страны.

Однако, по словам Президента РФ, более комфортная квартира или дом, по сути, пока остаются лишь мечтой для миллионов российских семей¹.

Для того чтобы мечта так и не оставалась несбыточной, «Необходимо к 2007 г. обеспечить значительный рост объемов жилищного строительства»: по отношению к уровню 2004 г. в среднем не менее чем на одну треть.

В Москве, к примеру, спрос на жилье превышает предложение в 2 раза.

Некоторые риэлторы утверждают, что квадратный метр дорожает на 3 рубля в час. Еще в апреле 2005 г. квадратный метр московского жилья в среднем стоил 2 041 доллар в апреле 2006 г. — 3 419 долларов, а уже к 10 мая — 3 640 долларов. Рост цен только с начала 2006 г. к середине мая составил 32,7%. Самая дешевая квартира в Москве — «однушка» за 69 тыс. долл. — находится в Зеленограде на втором этаже «хрущевки».

Уникальность ситуации на рынке жилья в Москве заключается в том, что практически никакого отклика столичные события в других регионах страны не получили. Так, в Санкт-Петербурге с января квадратные метры подорожали в среднем лишь на 2%. В мае 2006 г. обычную двухкомнатную квартиру без отделки можно приобрести на окраинах Санкт-Петербурга за 60 тыс. долл.

В Нижнем Новгороде цены на жилье также растут, но стабильно: на 2–3% в месяц без резких скачков.

Средняя стоимость жилплощади в Иванове с января до мая 2006 г. увеличилась с 10,7 тыс. до 13 тыс. рублей за 1 кв. м.

В Калининграде за тот же период цены на жилье выросли сразу на 40%. Квадратные метры, прежде продававшиеся за 600–800 долларов сегодня расходятся за 1000–1200 долларов такое повышение связывают с подорожанием строительных материалов, которые в основном завозят из России через несколько границ.

В Екатеринбурге массовое жилье дорожает примерно на 5% ежемесячно.

Строительный проект следует понимать как инвестиционную акцию, предусматривающую вложение определенного количества ресурсов, в том числе интеллектуальных, финансовых, материальных, человеческих, для получения запланированного результата и достижения определенных целей в осуществлении проекта (объекта) или программы. Инвестиционным результатом строительного проекта чаще всего является прибыль (доход), материально-вещественным результатом — новые или реконструированные объекты (здания и сооружения, основные фонды).

Экономические проблемы инвестиционно-строительного комплекса возникают и идентифицируются в границах определенного времени и места. Поэтому говорить о них есть смысл только в контексте экономического механизма развития *сегодняшней* России. Понятие «сегодняшняя» — это годы, прошедшие с начала политико-экономических реформ. За это время облик страны неузнаваемо изменился. Сменилась политическая система. На смену общественной (государственной) собственности пришла частно-корпоративная. Создана новая фи-

нансовая система, осуществлен переход к открытой экономике, проведена либерализация цен и т.д. Созданы предпосылки для развития предпринимательства и бизнеса, появился влиятельный слой новых собственников.

В то же время обозначились и малопривлекательные стороны: прогрессирующая бедность населения и резкое социальное расслоение, безработица, коррупция в управлении, криминализация всей общественной жизни.

Разительные контрасты в экономике определены, с одной стороны, формальной свободой выбора предпринимательской деятельности, приложением капитала, частной инициативой, а с другой — экономическим произволом власти и криминальных структур, то есть свободой только для избранных².

Таким образом, вместо прокламируемого конкурентного рынка имущественных прав сохраняется монополия административного воздействия власти на участников рынка.

В результате так называемых рыночных реформ в России образовалась двухслойная экономика. Одна экономика, раскрывающая как бы ее поверхностный слой, и другая, отражающая ее реальное внутреннее содержание. Эти две экономики представляют не одну, а как бы две России, проецируя на реальную жизнь два непохожих экономических образа.

Первый — это богатая Россия, успешно продвигающаяся по пути выстраивания капиталистического общества благоденствия. На ее долю, по данным Института социально-экономических проблем народонаселения РАН, приходится, примерно, 15% ее населения. Второй — бедная Россия с множеством своих социальных и экономических проблем. На ее долю, по тем же данным, приходится 85% населения.

Разрыв между бедными и богатыми увеличивается. Эксперты утверждают, что если коэффициент Джинни (показатель разрыва между доходами 10% самых богатых и 10% самых бедных, в развитых странах с их системой социальных гарантий его значение колеблется в диапазоне 5–8) больше 10, то дальнейшее существование такого государства под угрозой. В 2005 г. этот показатель в России был равен 15. Причем речь идет только о прямых денежных доходах, то есть без учета так называемых скрытых соотношений.

Население первой России аккумулирует в своих руках 85% всех сбережений, хранящихся в банках, 57% денежных доходов, 92% доходов от собственности и 96% всех средств, расходуемых на покупку иностранной валюты. Вторая Россия получает лишь 8% доходов от собственности и располагает 15% всех сбережений. Столь глубокого и стремительного расслоения населения по уровню доходов не знала еще ни одна из современных стран мира.

По статистическим данным, приведенным в журнале о развитии России «Национальные проекты»³, нуждаются в улучшении жилищных условий следующие категории:

- около 5 млн семей, большинство из которых относятся к малоимущим гражданам, стоят в очередях на получение квартир;

- около 40 млн человек проживают в неблагополучных жилых помещениях, в том числе 5 млн — в домах, подлежащих сносу из-за ветхого и аварийного состояния;

- государство имеет задолженность в соответствии с обязательствами, предусмотренными действующим законодательством, перед 800 тыс. семей;

- свыше 100 млн кв. м составляет ветхий и аварийный жилищный фонд;

- обеспеченность жильем составляет всего около 20 кв. м на человека, которые распределены крайне неравномерно по различным категориям граждан и регионам и, как правило, не соответствуют современным требованиям. В Европе обеспеченность жильем составляет более 40 кв. м на человека, а в США — около 80 кв.м.

Все это влияет на развитие и функционирование сферы строительства жилья, которая должна быть ориентирована, с одной стороны, на избирательный спрос населения, с другой — на дифференцированное предложение на рынке недвижимости.

2. Инвестиционный кризис

Характерной чертой современного инвестиционного процесса в России стало, во-первых, снижение объема в инвестировании, во-вторых, нарастание массы изношенного оборудо-

вания и строительных элементов зданий. По оценке специалистов, сегодня реально востребовано примерно 55% основного капитала в промышленности, а остальная часть находится вне спроса и тоже требует замены на новой технологической основе. Разрушение производственного аппарата в отдельных отраслях промышленности настолько велико, что можно говорить о практическом прекращении их существования и возможности воссоздания лишь заново.

Современный инвестиционный процесс реализуется в условиях нарастания массы морально устаревшего и материально изношенного оборудования, а также строительных элементов зданий.

При развертывании рыночных реформ возлагались большие надежды на то, что жилищное строительство и связанная с ним социальная сфера (где спад меньше, чем в производственной сфере) послужит мультипликатором экономического роста. Однако в конечном счете этого не произошло. Причина — низкая платежеспособность большинства населения, стабилизация спроса со стороны обеспеченной его части, дорогие кредиты и высокие цены на жилье. В ходе реформ не удалось создать эффективного собственника и стратегического инвестора, заинтересованного не столько в потреблении, сколько в развитии производства.

Кризис инвестиций в сфере услуг в целом выражен слабее, однако материально-техническая база этих отраслей также нуждается в совершенствовании.

Еще один важный показатель — норма накопления, то есть отношение объема инвестиций к валовому национальному продукту. По данным российских экономистов, это отношение свидетельствует не только о падении объемов инвестиций, но и об ухудшении их использования. Этот вывод подтверждается и данными о технологической структуре инвестиций, то есть доли активной их части, создающей продукцию, которая упала в целом по стране.

Критерием экономического кризиса в развитой рыночной экономике являются, как известно, не только степень падения объемов производства и инвестиций, но и способность инвестиционной сферы осуществить воспроизводственные функции.

Экономический кризис в стране нарушил эту способность. Некоторые экономисты утверждают, что если не принять самые решительные меры в ближайшее время, кризис может перейти в фазу коллапса экономики, то есть стать необратимым.

Инвестиционная политика является одним из органических элементов экономической политики в целом. Осуществление эффективной инвестиционной политики во многом зависит от правильного выбора стратегии и тактики ведения экономических реформ как на макро-, так и на микроуровне. Поэтому причины инвестиционного кризиса, развернувшегося в России в последние годы, лежат как в характере развития отраслей самого инвестиционного комплекса, так и особенно в методах осуществления экономических реформ на уровне национальной экономики.

Проблема инвестиций не только тактическая, но и главным образом стратегическая.

3. Структурно-инвестиционная политика (выбор приоритетов)

Выход из структурного кризиса возможен только с переходом от старой модели экономического развития (тяжелый экономический рост – «hard growth») к новой более гибкой модели развития и новой структуре хозяйства (гибкий рост – «smart growth»), что требует кардинальной перестройки инвестиционного процесса. Прежде всего речь идет о разработке концепции новой инвестиционной политики, в основу которой должно быть положено следующее:

- преобладание негосударственных источников финансирования инвестиционного процесса в базовых отраслях материального производства;

- сосредоточение государственного инвестиционного процесса в секторах так называемой непроизводственной сферы (образование, наука, здравоохранение, социальная и производственная инфраструктура);

- финансирование из Федерального бюджета только стратегически важных программ, неподъемных для частных коммерческих структур;

– широкие возможности использования амортизационного фонда и методов ускоренной амортизации, а также инвестиционного кредита применительно к новому оборудованию.

В настоящее время по этому вопросу есть две точки зрения.

Первая – восстанавливать в полном объеме старый инвестиционный процесс, приспособив его к существовавшей структуре хозяйства и промышленности.

Вторая состоит в том, что выход из структурного кризиса невозможен на путях возврата к форсированному, но старому инвестиционному процессу и прежней структуре хозяйства.

Из опыта стран с развитой рыночной экономикой следует, что накопления бизнеса и сбережения населения являются главными источниками финансирования инвестиционного процесса, а государство (особенно в отраслевых программах) играет подчиненную роль⁴.

Дальнейшее углубление экономической реформы связано главным образом с активным проведением новой структурно-инвестиционной политики, элементами которой являются:

– опора на частные инвестиции предприятий и финансово-коммерческих структур, селективные государственные (федеральные и региональные) инвестиционные программы, в которых главная роль отводится бизнесу;

– разработка новых механизмов саморегулирующегося инвестиционного процесса, в которых должны сыграть свою позитивную роль постоянная (ежегодная) переоценка стоимости основных фондов, ускоренная (гибкая) амортизация, создание специальных счетов амортизации, инвестиционный кредит.

В сложившихся условиях жилищное строительство и связанное с ним строительство объектов социальной инфраструктуры становится наиболее эффективным и социально привлекательным путем выхода из кризиса и последующего долговременного развития. Стихийный рынок в жилищной сфере предстоит заменить рынком, регулируемым государством.

В последние годы ситуация с жильем осложнилась. Все больше дает себя знать повышенный износ жилого фонда, который составляет в среднем более 60%. Таким образом, более половины проектируемого объема жилья практически должно пойти на возмещение выбывающего.

Существенная дополнительная потребность в жилье обусловлена миграционными потоками: вынужденная миграция в Россию русскоязычного населения из стран Средней Азии и Закавказья; переселенцы с Северных территорий и из районов экологического бедствия; российские войска, выведенные из зарубежных стран, и сотни тысяч семей военнослужащих, оказавшихся без крова; массовая трудовая миграция из депрессивных районов в поисках работы и др.

Для достижения минимальной обеспеченности россиян жильем (хотя бы по одной комнате на человека) жилой фонд страны должен быть увеличен в 1,5 раза. Это только количественная сторона дела. Для этого даже без учета выбытия пришлось бы строить около 1 м² жилья на человека в год, как в США, ФРГ, Китае. Однако с учетом повышенного износа жилого фонда строить предстоит 1,2–1,3 м² жилья на человека – почти 200 млн. м² ежегодно. Такая задача представляется весьма сложной, но не безнадежной. Примеры подобного ускорения жилищного строительства известны из российской истории 1950–1960-х гг., а также из истории зарубежных стран: Японии, ФРГ, Норвегии.

Основным фактором, лимитирующим жилищное строительство, служит ограниченность финансовых ресурсов. Однако при имеющейся и потенциальной ресурсной базе эти трудности преодолимы. Одним из главных источников финансирования массового жилищного строительства послужат сбережения населения.

При этом следует иметь в виду, что при невысоком уровне среднедушевого дохода степень удовлетворения потребностей россиян в жилье примерно такая же, как и прочих потребностей. Следовательно, форсированное строительство жилья приведет к неоправданному перекосу в потребительском бюджете в пользу жилья. Следует, однако, иметь в виду, что в странах с развитой рыночной экономикой при полной свободе потребительского выбора затраты на жилье, прямые и косвенные, составляют примерно третью часть расходов населения.

Значительная доля сберегаемой части доходов россиян и социологические опросы свидетельствуют, что жилье в России является объектом наиболее активного спроса не только в настоящее время, но и в более отдаленной перспективе.

В качестве инвестиционных ресурсов в перспективе должна возрасти роль амортизационных отчислений, направляемых на жилищное строительство. Эта доля должна быть не меньше объемов амортизации находящихся на балансе предприятий объектов жилищной сферы.

В дальнейшем доля предприятий и организаций в структуре источников финансирования строительства жилья будет постепенно снижаться. Ведомства из основного инвестора превратятся во второстепенный. Однако крупные и благополучные в финансовом отношении работодатели в целях социального престижа, сохранения коллектива, удержания особо ценных работников будут продолжать строить собственное жилье.

Для того чтобы сформировать рынок доступного жилья в Москве, необходимо организовать массовое строительство жилья. В свою очередь, для этого необходимо сформировать громадные площади с инженерной инфраструктурой. Москва неплохо подготовлена во всех инженерных аспектах, кроме энергетики. Общая площадь жилищного фонда в России составляет более 2 трилл. 850 млрд. кв. м. При этом 91 млн кв. м относится к ветхому и аварийному жилью. В очереди на получение жилья стоит 4,5 млн семей. Также 4,5 млн семей признаны остро нуждающимися в улучшении жилищных условий.

Для того, чтобы улучшить жилищные условия россиян, необходимо построить 1,5 трилл кв. м жилья, в 2004 г. было построено всего 41 млн кв метров жилья. Чтобы к 2010 г. полностью удовлетворить потребности, нужно выйти на строительство 145 млн. кв. м в год.

4. Привлечение частных инвестиций для создания объектов инфраструктуры

Во многих странах (например, в Германии) возможности инвестирования из средств государственного бюджета в настоящее время существенно ограничены и, как полагают исследователи (в частности, советник главного Союза строительной индустрии ФРГ Кнехтель Эрхард), останутся таковыми в обозримом будущем⁵.

Такая политическая цель, как выполнение жестких требований «Маастрихтских критериев» для вступления в Европейский Валютный Союз, дополнительно ограничивает возможности государства получать кредиты. Отсрочка важных проектов по инфраструктуре или даже отказ от них оказывают устойчивое отрицательное воздействие на развитие всей национальной экономики, а также отдельных отсталых регионов.

Поэтому в западных странах практиковались (и практикуются) альтернативные формы финансирования в виде привлечения частного капитала. Реализуя такие возможности, вперед продвинулись Италия, Франция, Австрия, в то время как Германия, отдающая предпочтение традиционным формам финансирования, осталась позади. Однако и в Германии появилось много примеров частнокапиталистической реализации государственных инвестиционных проектов, например, в Нижней Саксонии строительство водяных фильтров велось еще с начала 1980-х гг.

За короткие сроки (после воссоединения Германии) пришлось учреждать дополнительные проекты, прежде всего в области транспорта, избегая дополнительной нагрузки на государственный бюджет. Для этого парламент принял Закон о частном финансировании в строительстве дорог федерального значения. Он позволил применить «предпринимательскую модель», но сначала только для строительства мостов, туннелей, дорог местного и федерального значения.

Основным аргументом в пользу частнокапиталистической реализации государственных инвестиционных проектов является перенесение их на более ранний срок. Это приносит значительную экономическую пользу, что подтверждено различными научными исследованиями.

Приведем четыре основные модели участия частного капитала: предпринимательская модель.

арендная модель.

концессионная модель.

кооперация в форме государственно-частного партнерства.

Предпринимательская модель — наиболее понятная форма участия частного капитала. Она финансируется за счет сборов с пользователей. Условием является наличие и возможность

повышения непосредственной платы (тарифов) за пользование. Так как в данном случае финансовый риск и ответственность находятся в частных руках, распутывание клубка государственных и частных интересов производится наиболее последовательно. Общество предпринимателей, которое, как правило, состоит из консорциумов, где представлены частные предприятия (в основном строительные фирмы) и банки, создает объект по собственному проекту и из собственных средств. Тарифы, поднятые в целях финансирования расходов на строительство, признаны обеспечить привлекательный «возврат вложений». Для строительства и эксплуатации сооружения должны иметься все правовые предпосылки по планированию, чтобы можно было выработать условия использования объекта. Доходы зависят от объема спроса и платежеспособности пользователей, а также от эффективности систем повышения тарифов.

Предпринимательские модели в сфере строительства в США, Италии, Франции и Японии нашли широкое применение в строительстве и техническом обслуживании автодорог. Кроме того, эти модели используются также в работах по строительству водяных фильтров, клиник и многих других объектов инфраструктуры.

В арендной модели, как и в предпринимательской, объекты (например, офисы, бизнес-центры, автодороги) разрабатываются, финансируются и строятся частным предприятием, но тарифы не повышаются. Независимо от этого государство арендует финансируемые частным образом объекты, ежегодно вносятся жестко установленная арендная плата.

Преимущество этой модели заключается в том, что она, с одной стороны, выгодна для пользователя, так как тарифы не повышаются, а с другой стороны, предпринимательский риск предсказуем благодаря жесткой арендной плате.

Таким образом, в отличие от предпринимательской модели арендная модель может использоваться и тогда, когда повышение тарифов невозможно, кажется нецелесообразным ввиду их слишком высокого уровня или нежелательно из экономических либо социально-политических соображений (например, при неплатежеспособности пользователей или невозможности непосредственно перенести возникающие расходы

на пользователей). Тем не менее можно воспользоваться вложением частного капитала. При этом расходы и риск участия остаются за государством.

При **концессионной модели** созданные и финансируемые частным образом объекты инфраструктуры арендуются государством. Однако по истечении концессии право пользования, то есть собственности, безвозмездно передается государству. До этого момента государство из бюджетных средств (а не из специальных сборов) целиком возмещает затраты на основе расчета по эксплуатации. Вносимая государством плата позволяет частному инвестору только погашать долг, но не получать прибыли.

В отличие от арендной модели, в концессионной модели существует финансовый риск для частного инвестора, так как доходы зависят от объема спроса.

Кооперация в форме государственно-частного партнерства открывает возможность соединить в частной государственно-правовой модели государство и частные предприятия. Таким образом, возникает экономически смешанная группа предприятий. Степень влияния на объект зависит от доли вложенного капитала, но это влияние может быть оформлено поразному в зависимости от проекта и интересов. Так, государству может быть предоставлено право закрепить договором свой интерес в прямом и действенном влиянии на способ обеспечения государственного присутствия. Частный инвестор ожидает, что вложенный капитал размещен прибыльно. Государство же исходит из перспективы ускоренного осуществления срочных инфраструктурных проектов.

Возможность переноса западных моделей (в частности, немецких) на развитие российского строительного комплекса должна проверяться в каждом отдельном случае. Главную роль в их функционировании играет доходный (экономичный) рынок капитала при прогнозируемом, по возможности низком, уровне процентов и при стабильных правовых условиях.

5. Новые организационные структуры реализации инвестиционных жилищных проектов

Новые экономические условия предопределили принципиально другие организационные и финансовые структуры в инвестиционно-строительном комплексе: акционерные общества на базе бывших трестов и СМУ, новые собственники — инвесторы на основе различных форм собственности, новая инфраструктура — риэлторские, оценочные, маркетинговые, консалтинговые фирмы первичного и вторичного рынка жилья и др.

При формировании инвестиционного проекта по застройке жилого квартала (микрорайона) крупного города в состав участников входит около 30 различных фирм⁶.

В зависимости от различных форм собственности (государственная, муниципальная, корпоративная, частная) и на всех стадиях «жизненного цикла» строительного продукта (жилья): проектирование — строительство — распределение — эксплуатация — у участников проекта на основе частных или корпоративных интересов создаются новые отношения, взаимосвязи.

Учитывая, что на рынке строительства существует довольно жесткая конкуренция, выигрывают те инвестиционно-строительные компании, которые, используя эмерджентные (усиливающие) связи, формируют организационные структуры с оптимальным набором входящих фирм, решаемых задач в инвестиционном проекте и конкретных функций. Причем такие вновь образуемые организационные структуры, как правило, имеют ряд конкурентных преимуществ перед традиционно сложившимися строительными фирмами со среднестатистическими экономическими показателями.

6. Кредиты в инвестиционной деятельности

Для инвестирования проектов капитального строительства используются как собственные средства инвестора (прибыль, амортизационные отчисления), так и привлеченные источники (кредиты, займы, страховые возмещения). Острая нехватка собственных средств вынуждает заказчиков брать для осуще-

ствления капитальных вложений банковские инвестиционные кредиты с оплатой процентов, а также прибегать к инвестиционным налоговым кредитам.

Общий объем капитальных вложений, учтенных на счете 08 бухгалтерского учета финансовой деятельности предприятий «Капитальные вложения», превышает номинальную цену строительства на сумму начисленных кредитных процентов за период выполнения строительных и монтажных работ до момента подписания акта о приемке построенного объекта в эксплуатацию.

При определении показателей экономической эффективности следует использовать не номинальную величину капитальных вложений, определенных сметой, а общий объем капитальных затрат, включающий в себя и сумму средств, начисленных по процентам за пользование банковским инвестиционным кредитом.

При этом необходимо учитывать полный срок погашения кредитов, а не только до момента ввода объекта в эксплуатацию.

На эффективность инвестиционных проектов оказывает существенное влияние условие получения и погашения кредитов. При поэтапном предоставлении кредита равными частями к началу очередного года строительства достигается некоторая экономия капитальных вложений, учтенных на счете 08, в сравнении с единовременным выделением банковского кредита к моменту начала реализации инвестиционного проекта.

Общий объем капитальных затрат должен включать также затраты, начисляемые при инвестиционном налоговом кредите. Инвестиционный налоговый кредит представляет собой такое изменение срока уплаты налога, при котором организации предоставляется возможность в течение определенного срока и в определенных пределах уменьшить свои платежи по налогу с последующей поэтапной уплатой суммы кредита и начисленных процентов. Величина уменьшения платежей по налогу в этом случае выступает источником инвестиционных средств. Инвестиционный налоговый кредит может быть предоставлен на срок от одного года до пяти лет, но не должен превышать 50% суммы налога.

7. Рынок строительной недвижимости

В последние годы рыночная стоимость жилья резко повышалась, и этот процесс продолжается. К середине апреля 2006 г. средняя стоимость московских квартир вплотную приблизилась к психологическому порогу 3 тыс. долларов за квадратный метр. Предложение не успевает за спросом, стоимость квартир растет. Еще недавно динамика роста цен на жилье не превышала 1–1,5% в месяц. В ноябре 2006 г. начался настоящий галоп. Сейчас квартиры в среднем дорожают на 2–2,5% еженедельно. И это далеко не предел.

Пресловутый рубеж в 3 тысячи долларов за квадратный метр высчитывается без учета так называемого элитного жилья, строящегося и продающегося в пределах московского Третьего транспортного кольца. Здесь суперквартирами торгуют и по 10 тысяч долларов за 1 кв. метр. Но не они делают погоду на рынке. Резко дорожает жилье в московских районах Куркине, Бирюлеве, Медведкове, Митине.

Спекулятивный характер происходящего на рынке жилья связан прежде всего с действиями строительных компаний, по сравнению с которыми действия риэлторов – мелочь.

Динамику цен на квартиры задают новостройки, считает гендиректор аналитического центра «Индикаторы рынка недвижимости» Олег Репченко, поэтому фактором, определяющим рост стоимости жилья, стало сокращение объемов его строительства. Сначала был принят непродуманный закон «Об участии в долевом строительстве». Компании лишились возможности привлекать деньги граждан на строительство жилья, а предложенная им схема получения банковских кредитов работает слабо. В ответ застройщики стали провоцировать покупателей слухами о наступающем дефиците. Дальше пошла цепная реакция⁷. Вкладывать свободные деньги в недвижимость начали даже те, кто вовсе не нуждается в жилье. Спекулируют все – от застройщиков до простых граждан, надеющихся в будущем подороже продать приобретенную в ажиотаже жилплощадь. Практически каждая третья квартира в Москве покупается сегодня с расчетом на дальнейшую перепродажу.

Другим фактором, определившим нынешний кризис, стала сама административная политика в столице. Количество компаний, допущенных к возможности строить дома в Москве, ограничивается несколькими десятками. Ведущих масштабное строительство и того меньше: «Интеко», Главмосстрой, ГК ПИК, «Домстрой»... Все они так или иначе связаны с первыми лицами городской власти. Следовательно, рынок монополизирован: рентабельность бизнеса «уполномоченных» строителей доходит до 100 и более процентов⁸. Большинство экспертов утверждают, что ограничить рост цен на квартиры могут лишь принципиальные изменения в самой структуре столичного строительного бизнеса. Если в 2006 г., по данным В.И.Ресина, будет введено 5 млн кв. м, то для выхода из кризиса нужно строить как минимум вдвое больше. Но это возможно лишь в условиях демонополизации рынка. То есть для строительства в Москве необходимо:

- допустить к нему широкий круг компаний;
- либерализовать практику выделения земли;
- наладить взаимоотношения с банками, способными кредитовать возведение домов.

Альтернативой может стать дефолт всего сектора (подобно краху августа 1998 г.). По расчетам специалистов, это случится, когда средняя стоимость 1 кв. м жилья в столице достигнет отметки в 5 тыс. долларов.

В крупных городах за рубежом также высоки и продолжают расти, правда меньшими темпами, чем у нас. В Нью-Йорке, на Манхэттене, большие квартиры и пентхаузы зашкаливают за 20, иногда даже 40 млн долларов⁹. Тем не менее цены на манхэттенскую недвижимость продолжают расти. Квартиры, стоившие в 2000 г. 600 тыс. долларов, в 2006 г. продавались по цене в 2–2,5 раза большей: за 1,2–1,5 млн долларов.

Цены на недвижимость в крупных городах (стоимость 1 кв. м в долларах США): Лондон – 13 000, Токио – 10 000, Нью-Йорк (Манхэттен) – 9 100, Париж – 8 500, Женева – 6 000, Хельсинки и Стокгольм – 5 000, Берлин – 2 540, Афины – 2 500, Прага – 2 000, Вильнюс – 1 800, Варшава – 1 465. «Среднеамериканский» дом стоит 177 697 долларов.

В Греции, где нет «жилищной проблемы» в нашем понимании, недвижимость за последние годы сильно подорожала. Если лет десять назад дом в одном из самых престижных районов Афин Палео Психико можно было снять за тысячу—две долларов, то в 2006 г. — не меньше 4—5 тысяч, причем уже не долларов, а евро. В районе просто «приличном» аренда двух-трех спален обходится в 600—800 евро. В кварталах, где обитает «пролетариат», — 400—500 евро.

На афинском рынке жилья средняя стоимость 1 кв. м в квартирах с отделкой в центре колеблется от 1 200 до 2 000 евро. Причем центр дешевле, так как греки предпочитают жить в тенистых кварталах на окраинах или на берегу моря. Там за метр платят от 2 300 до 3 500 евро.

Следует подчеркнуть, что в Афинах гонорар брокеров на рынке недвижимости составляет обычно 2% (если объект дорогой, то 1%). В Москве же, по официальным данным, фирмы берут 6% от стоимости жилья; на практике бывает, что и 10—20%.

В Греции, где зарплата работников, к примеру, уборщика мусора, составляет 1 100 евро в месяц (всего получается 14 зарплат в год: — кроме ежемесячной еще одна выплачивается на Рождество, а другая плюсуется к отпускным).

8. «Доступное и комфортное жилье — гражданам России»: основные приоритеты и мероприятия национального проекта

Повышение доступности жилья.

Предоставление субсидий молодым семьям на приобретение жилья или оплату первоначального взноса по ипотечному кредиту (в 2006 г. — 49,5 тыс. семей (5 млрд руб.), в 2007 г. — 52,2 тыс. семей (6 млрд руб.).

Страхование ипотечных кредитов для молодых семей (обеспечение в 2007 г. государственного страхования 10 тыс. ипотечных кредитов этой категории граждан (1 млрд руб.), после 2007 г. — до 100 тыс. ипотечных кредитов ежегодно при наличии механизма страхования).

Выполнение государственных обязательств по обеспечению жильем категорий граждан, установленных федеральным законодательством.

Предоставление субсидий на приобретение жилья гражданам, перед которыми имеются обязательства Российской Федерации по обеспечению их жильем (в течение двух лет будет субсидировано 47,6 млрд руб. на приобретение жилья для 52,6 тыс. семей).

Выполнение государственных обязательств по обеспечению жильем ветеранов и инвалидов (улучшение жилищных условий 11,9 тыс. ветеранов и инвалидов в 2006 г. и 17,3 тыс. — в 2007 г.).

Увеличение объемов жилищного строительства и модернизация коммунальной инфраструктуры.

Обеспечение земельных участков коммунальной инфраструктурой.

Модернизация объектов коммунальной инфраструктуры и привлечение частных инвестиций (в рамках ФЦП «Жилище» на эти цели в 2006 г. в качестве прямых расходов выделено 3,6 млрд руб., госгарантий — 12,5 млрд руб. со сроками окончания строительства в 2008 г., в 2007 г. запланировано выделение 6,7 млрд руб. и 17,5 млрд руб. соответственно, со сроками окончания строительства в 2009—2010 гг.).

Сокращение административных барьеров, развитие рыночной инфраструктуры, градостроительное и антимонопольное регулирование в сфере жилищного строительства.

Увеличение объемов ипотечного жилищного кредитования.

ОАО «Агентство ипотечно-жилищного кредитования» за два года получит из госбюджета 8,2 млрд руб. на увеличение уставного капитала и 30 млрд руб. государственных гарантий для снижения процентной ставки по ипотечным жилищным кредитам. Будет обеспечено развитие инфраструктуры системы ипотечного жилищного кредитования.

Предусмотрены подготовка и проведение организационно-информационных мероприятий.

Общий бюджет проекта на первом этапе (2006—2007 гг.) составляет 212,0 млрд руб., в том числе прямые расходы — 122,9 млрд руб., государственные гарантии — 90 млрд руб. Большая часть из них — средства федерального бюджета (86,1 млрд руб. прямых расходов и 60 млрд руб. государственных гарантий).

В 2006 г. предусматривается профинансировать расходы в объеме 21,9 млрд руб. и предоставить государственные гарантии в сумме 26,5 млрд руб., в том числе 8,2 млрд руб. по разделу «Межбюджетные трансферты».

9. Управление экономическими рисками

Проблемы выявления и оценки ключевых факторов, влияющих на конечный результат инвестирования, а также эффективного управления рисками занимают центральное место в теории инвестиций и, следовательно, инвестиционно-строительной деятельности¹⁰.

При работе с инвестиционными проектами под риском следует понимать возможность получить отклонения результатов исполнения проекта в отрицательную сторону по сравнению с некоторой исходной оценкой. Такие изменения могут возникнуть вследствие отклонения начальных условий или других параметров от нормативных, первоначально запланированных или полученных из статистических расчетов.

Сущность понятия риска в инвестициях заключается в опасности возникновения несоразмерных потерь, ущербов, нежелательных событий или ситуаций на протяжении всего периода деловой активности. Анализ этого тезиса приводит, с одной стороны, к пониманию вероятностной природы рисков и необходимости уметь оперировать с соответствующими вероятностными характеристиками времени возникновения опасных событий, функциями распределения входных параметров и выходных координат показателей эффективности. С другой стороны, становится ясным, что до наступления рисков событий необходимо уметь: а) детерминированно назвать, какие события и ситуации опасны, нежелательны; б) дать количественные оценки восполнимым и невосполнимым потерям и ущербам, сопутствующим различным рискам; в) разграничивать «рисковые», несоразмерные потери и ущербы от обычных отклонений выходных характеристик объекта в нормальных, штатных режимах функционирования, которые соответствуют нормальному регулированию и компенсации¹¹.

Разработка и использование многофакторной модели риска инвестирования в строительство поможет с достаточной точностью выявить влияние различных факторов на риски инвестирования. Данная модель способна показать долю различных факторов в общем объеме инвестиций, а также отразить изменение долей в разные периоды социально-экономического развития страны. Но с помощью многофакторной модели рисков инвестирования достаточно сложно определить уровень риска в меняющейся экономической ситуации. Для более детального решения проблемы прогнозирования рисков инвестирования в строительство необходимо создать систему оценки риска, которая включала бы не только методы статистики, но и теории вероятности и методы микроэкономического анализа.

10. Актуальные задачи отраслевой экономической науки

Стартовыми условиями решения проблемы доступного и комфортного жилья являются:

- резкое сокращение ежегодных объемов ввода жилья: с 76 млн кв. м в 1987 г. до 43 млн кв. м в 2005 г.;
- крайняя изношенность производственных мощностей в промышленности основных строительных материалов (например, цемента), лимитирующих объемы ввода;
- запущенность жилищно-коммунального хозяйства;
- отсутствие достаточного количества территорий, отведенных под жилищную застройку и обеспеченных инженерной и социальной инфраструктурой;
- возникший дефицит энергетических мощностей во многих регионах страны;
- низкие доходы населения.

Главная задача отраслевой строительной экономической науки — не замыкаться внутри отрасли, а активно участвовать в разработке системы антикризисных мер.

Прежде всего экономическая наука должна разобраться в подлинных причинах инвестиционного кризиса. Надо вспомнить, что «кризис» дословно с греческого означает не только «приговор», «решение», но и «решительный исход». Значит,

выйти из этого тяжелого переходного состояния можно только на основе кардинальных мер, обеспечивающих перелом в болезни экономики.

Современными основными задачами для ученых-экономистов, занятых в инвестиционно-строительной сфере, являются:

1. Разработка государственной инвестиционной политики и повышение ее действенности в региональных условиях.

2. Необходимость решения двудеиной задачи: а) существенного повышения уровня обеспеченности населения жильем; б) формирования эффективного рынка жилищ. Средний уровень обеспеченности на душу населения остается ниже почти в три раза, чем в экономически развитых странах, и надо принять во внимание не только количественную, но и качественную сторону жилищ. Для благоприятной среды и роста инвестиций необходима эффективная и гибкая жилищная политика, ориентированная, как это принято в мировой практике, на систему поддержки населения с низкими и умеренными доходами, на обеспечение государственных гарантий по страхованию инвестиционных рисков как для частных и смешанных финансовых структур, так и для населения.

3. Необходимо глубокое изучение зарубежного опыта, в частности, по следующим научно-практическим вопросам: а) порядок инвестирования жилищного строительства; б) механизм мобилизации финансовых ресурсов; в) условия предоставления кредитов и льгот населению; г) процедуры обслуживания кредитов (их получения и возврата).

4. Актуальной областью научных исследований в социальной сфере является жилищно-коммунальное хозяйство и вопросы его реформирования. Включение сферы жилищно-коммунального хозяйства страны в систему рыночных отношений является сложной проблемой, зависящей от целого ряда факторов как экономического, так и социального характера. Она связана с определением источников финансирования, сроков и механизмов осуществления реформ; с созданием конкурентной среды и эффективных организационно-управленческих систем эксплуатации жилого фонда; определением дифференцированных ставок и тарифов на содержание жилищ различного качества.

5. Важнейшая задача — эффективное использование инвестиционных ресурсов. При резком и продолжительном падении объемов капитальных вложений весьма важно эффективно использовать как имеющиеся инвестиционные ресурсы, так и действующий производственный аппарат. Речь идет прежде всего о размещении инвестиционных заказов и предложений преимущественно на конкурсной основе через системы торгов. Одна из наиболее важных целей таких правил и процедур состоит в том, чтобы обозначить в деятельности конкретных лиц — менеджеров, руководителей различного уровня, которые непосредственно принимают решения о заключении контрактов и размещении заказов. Отраслевая экономическая наука должна разработать такие процедуры торгов, которые делают «прозрачной», доступной для контроля со стороны соответствующих государственных органов, владельцев предприятий, кредиторов и общественности, что создает заслон на пути неэффективного расходования средств и коррупции.

6. Методология определения экономической эффективности инвестиционных проектов должна базироваться на общепринятых в мире подходах и показателях, приемлемых для инвесторов в соответствующих условиях перехода к рынку. В основе современных отечественных разработок находится переводное издание методики ЮНИДО (и ее отраслевая адаптация к российским условиям) по оценке эффективности инвестиционных проектов. В то же время, учитывая особенности переходного экономического периода и действующие во многих случаях вертикальные и горизонтальные зависимости, не следует автоматически копировать западные методы, ориентированные на развитую рыночную экономику.

7. Большое значение для повышения эффективности имеющихся инвестиционных ресурсов имеет снижение совокупных издержек на создание инвестиционных проектов. Здесь большую роль играет фактор экономии материальных ресурсов, составляющих 50—60% всех затрат.

8. Заслуживает внимания опыт реформирования сферы торговли стройматериалами с учетом международного опыта (информационное обеспечение, создание системы оптовой и розничной торговли, баз хранения, специализированного транспорта и т.п., а также новых методов маркетинга).

9. Стоимость возводимых объектов возрастает в последние годы непомерно (даже с учетом растущих энергетических, демографических и других требований) в связи со слишком высокими затратами, по сравнению с мировым опытом, на архитектурно-проектный этап, а также на различные бюрократические согласования проекта. В этой связи должен быть проанализирован исторический отечественный и зарубежный опыт, содержащий большое количество методов снижения сметной стоимости даже при возведении общепризнанных архитектурных шедевров.

10. В сфере строительства сегодня имеются крупные резервы ресурсоснабжения, которые могут быть реализованы с намного меньшими издержками, чем, например, мероприятия по росту производительности труда или фондоотдачи. Затраты первичных энергоносителей в России на единицу ВВП в 5 раз выше, чем в США, расход электроэнергии – в 3 раза, потребление стали – в 2,8 раза и т.п. Аналогичная ситуация по этим и другим ресурсам по отношению к другим развитым странам. Именно поэтому проблеме ресурсосбережения должен быть отведен статус приоритета в отраслевых научных исследованиях. С этой целью необходимо создание эффективного хозяйственного механизма, включающего по опыту ведущих развитых стран комплекс структурно-инвестиционных, финансовых, кредитных, налоговых, ценовых, административно-правовых и нормативных элементов.

11. Особое значение приобретает привлечение иностранных инвестиций. Россия – это большой и интересный рынок для иностранного инвестора (по запасам сырьевых ресурсов, высокой квалификации и меньшей, чем в Европе, стоимости рабочей силы, значительным масштабам строительных работ). Однако иностранному инвестору должны быть гарантированы стабильность и эффективность вложений. Для этого необходима научно-практическая разработка экономических проблем: совершенствования правовой базы и стимулирования инвестора; осуществления государственных программ с иностранным участием; расширения участия России в мировых экономических структурах; создания свободных экономических зон.

12. К актуальным экономическим проблемам строительного комплекса следует также отнести исследования по минимизации посреднических затрат и разработке предложений по ориентации инвестиционных и текущих расходов в реальный сектор экономики. Среди проблем, которые необходимо решить сегодня, — оценка потенциальных возможностей российского строительного рынка. Важно провести экономический анализ и оценить тенденции развития капитального строительства как на среднесрочную перспективу, так и последующие годы.

13. В ретроспективе темпы падения производства отделочных и кровельных материалов ниже, чем конструкционных. Поэтому важно оценить ситуацию в различных секторах рынка стройматериалов и дать прогноз масштабов потребления, особенно эффективных материалов для внутренней и наружной отделки зданий, теплоизоляции и акустики, высококачественной санитарной техники. Вероятно, именно эти виды производств должны в перспективе развиваться в России опережающими темпами.

14. Региональная инвестиционная политика России направлена на расширение самостоятельности субъектов Федерации. Это приводит к изменениям в размещении строительства. Увеличилась доля объема подрядных строительных работ, выполняемых на территории Центрального экономического района, в том числе в Москве. Значительные объемы общероссийского рынка строительных работ выполняются в Тюменской области, а также в Санкт-Петербурге, Московской области, Свердловской области, республике Башкортостан, Красноярском крае. Следует рассмотреть перспективы развития строительного комплекса в регионах страны, в частности:

- осуществление децентрализации инвестиционного процесса в регионах на основе развития многообразных форм собственности, повышения роли внутренних — собственных — источников накоплений предприятий для финансирования их инвестиционных проектов;

- строительство объектов, для которых сохранится безвозвратное бюджетное финансирование в социальной сфере;

- осуществление в регионах принципов федерализма;

– размещение ограниченных централизованных капитальных вложений и осуществление государственного финансирования инвестиционных проектов в соответствии с федеральными целевыми программами;

– совершенствование методов государственного контроля за целевым использованием средств федерального бюджета и налоговой политики;

– перспективы расширения в регионах практики совместного (долевого) государственно-коммерческого финансирования инвестиционных проектов, в том числе с привлечением зарубежного капитала и независимого российского бизнеса для восполнения нехватки централизованных средств направленных на осуществления государственных программ капитального строительства.

15. В настоящее время потребности в улучшении жилья испытывают более 70% населения, а потребность приобрести отдельное жилье – более 30%. Около 40% населения надеются на улучшение своих жилищных условий, а почти 30% отмечают бесперспективность для себя улучшения жилья. Уже на этой основе можно говорить о необходимости совершенствования рынка жилья в регионах страны, ориентированного на все социальные и платежеспособные уровни населения. Решение жилищной проблемы населения на многие годы должно стать одной из ключевых задач государственной политики России.

16. Проблема рисков при инвестировании в строительство в настоящее время недостаточно изучена, несмотря на то что существует множество работ по анализу рисков инвестиционных проектов и разработке методов их оценки. Но все эти работы рассматривают инвестиции в ценные бумаги и т.п., то есть инвестиции в финансы. При этом не учитываются особенности строительства как особой отрасли народного хозяйства или производства.

Дополнительной проработки требуют проблемы анализа, оценки и управления экономическими рисками на ранних стадиях проектирования и строительства, поскольку именно на этих стадиях должно быть принято решение о целесообразности строительства данного объекта.

Примечания

- ¹ *Путин В.В.* Выступление на встрече с членами Правительства, руководством Федерального собрания и членами президиума Государственного совета 5 сент. 2005 г.
- ² *Львов Д.С.* Экономический механизм развития России: Ин-т пробл. управления новой экономикой. М., 2004.
- ³ Национальные проекты. 2006. № 1.
- ⁴ *Рекитар А.Я.* Главные причины инвестиционного кризиса // Повышение инвестиционной активности в экономике России и развитие строительного комплекса. М., 1997.
- ⁵ *Кнехтель Э.* Привлечение частных инвестиций для создания объектов инфраструктуры // Проблемы привлечения инвестиций в экономику России и более эффективного их использования. М., 1999.
- ⁶ *Рахман И.А.* Создание новых экономических технологий в жилищном строительстве Москвы // Проблемы привлечения инвестиций в экономику России и более эффективного их использования. М., 1999.
- ⁷ См.: Труд. 14.04.2006.
- ⁸ См.: Там же.
- ⁹ Моск. комсомолец. 19.05.2006.
- ¹⁰ *Черняк В.З.* Экономика строительства и коммунального хозяйства. М., 2003.
- ¹¹ *Черняк В.З.* Указ. соч. М., 2006.

Содержание

Введение	3
<i>В. Марача, В.М. Розин</i>	
От социального проектирования к консалтингу и снова к социальным проектам?	6
<i>В.Г. Горохов</i>	
Социальная инженерия: Россия и Германия	51
<i>А.Г. Ваганов</i>	
Предсказание настоящего времени	98
<i>Д.В. Телегин</i>	
Модель плюралингвизма в современной социальной политике Европы: замысел и воплощение	139
<i>В.М. Розин</i>	
Размышление по поводу книги Сейлы Бенхабиб «Притязания культуры. Равенство и разнообразие в глобальную эру»	161
<i>И.Ю. Алексеева</i>	
Фонд как инструмент и субъект научной политики	172
<i>Д.В. Ефременко</i>	
Инновация как риск	215
<i>В.З. Черняк</i>	
Социально-экономические проблемы инвестиционно-строительного комплекса и отраслевая экономическая наука	241

Научное издание

Социальное проектирование в эпоху культурных трансформаций

*Утверждено к печати Ученым советом
Института философии РАН*

Художник *Н.Е. Кожина*

Технический редактор *Ю.А. Аношина*

Корректор *Е.Н. Дудко*

Лицензия ЛР № 020831 от 12.10.98 г.

Подписано в печать с оригинал-макета 08.05.08.

Формат 60x84 1/16. Печать офсетная. Гарнитура Ньютон.

Усл. печ. л. 17,00. Уч.-изд. л. 13,74. Тираж 500 экз. Заказ № 012.

Оригинал-макет изготовлен в Институте философии РАН

Компьютерный набор *Т.В. Прохорова*

Компьютерная верстка *Ю.А. Аношина*

Отпечатано в ЦОП Института философии РАН

119991, Москва, Волхонка, 14

Информацию о наших изданиях см. на сайте Института философии:
iph.ras.ru

Институт философии РАН

Издания, готовящиеся к печати

1. **Абрамов, М.А.** Два Адама: Классики политической мысли [Текст] / М.А.Абрамов ; Рос. акад. наук, Ин-т философии. — М.: ИФ РАН, 2008. — 195 с. ; 17 см. — Библиогр. в примеч.: с. 185–194. — 500 экз. — ISBN 978-5-9540-0101-3.

Шотландия — небольшая страна на севере Великобритании — заключила в начале XVIII в. Унию с Англией, в исторически короткий срок преодолела социально-экономическую отсталость и выдвинула целую плеяду замечательных философов, историков, правоведов. Среди младшего поколения деятелей шотландского Просвещения ведущее место принадлежит Адаму Смиту (1723–1790) и Адаму Фергюсону (1723–1816). Их творчеству и идейным связям и посвящено предлагаемое исследование.

2. **Духовные основания деятельности** [Текст] / Рос. акад. наук, Ин-т философии ; Отв. ред. С.А.Никольский. — М. : ИФРАН, 2008. — 207 с. ; 20 см. — Библиогр. в примеч. — 500 экз. — ISBN 978-5-9540-0097-9.

В сборнике анализируются возможности и пределы гуманитарного знания, традиционной и художественной культуры в исследовании феномена духовных оснований деятельности. Утверждается их исторический характер, связь с хозяйственной практикой и культурой народа и конкретного социума. Рассматриваются характерные особенности «земледельческого» мировоззрения, инвариантные проявления и характеристики русского самосознания.

3. **Канаева Н.А.** Индийская философия древности и средневековья [Текст] / Н.А. Канаева; Рос. акад. наук, Ин-т философии. — М. : ИФРАН, 2008. — 255 с. ; 20 см. — Библиогр.: с. 240–250. — 500 экз. — ISBN 978-5-9540-0097-9.

Учебное пособие обобщает опыт чтения одноименного курса в Университете Российской академии образования и ГУ—Высшей школе экономики. Его целью является создание целостного представления об индийской философской традиции в ее исторической ретроспективе, включающей раннюю (древнеиндийскую философию) и зрелую (средневековую философию) стадии развития. Материалом для изложения и обобщения служат

современные индологические исследования и доступные переводы первоисточников. В тексте приводятся схемы категориальных систем главных даршан, облегчающие их запоминание. В конце каждой темы предлагаются вопросы для самоконтроля. Пособие завершают тест по пройденному материалу и примерный перечень тем курсовых работ и рефератов, список рекомендуемой литературы.

Для студентов и аспирантов гуманитарных специальностей, а также для широкого круга читателей, начинающих знакомство с философской традицией Индии.

4. **Михайлов, И.А.** Макс Хоркхаймер. Становление Франкфуртской школы социальных исследований. Ч. 1: 1914–1939 гг. [Текст] / И.А.Михайлов ; Рос. акад. наук, Ин-т философии. – М.: ИФ РАН, 2008. – 207 с. ; 17 см. – Библиогр. в примеч. – 500 экз. – ISBN 978-5-9540-0096-2.

Первая отечественная монография, посвященная анализу идей Макса Хоркхаймера, основателя Франкфуртской школы социальных исследований. Рассматриваются развитие концепции критической теории и обоснование нового метода социальных исследований, который складывается в дискуссиях с коллегами и единомышленниками (Л.Лёвенталь, З.Кракауэр, Т.Адорно, Э.Фромм), а также в полемике с наиболее влиятельными школами современности (неокантианство, феноменология, философия жизни, психоанализ и др.). Взгляды Хоркхаймера представлены также в более широком контексте модных течений начала XX в.: экспрессионизм в искусстве, литературе.

5. **Познание, понимание, конструирование** [Текст] / Рос. акад. наук, Ин-т философии ; Отв. ред. В.А.Лекторский. – М. : ИФРАН, 2008. – 167 с. ; 20 см. – Библиогр. в примеч. – 500 экз. – ISBN 978-5-9540-0089-4.

Работа посвящена ряду актуальных теоретико-познавательных проблем, характерных для современной эпистемологической ситуации. Основное внимание уделяется дискуссии между реализмом и антиреализмом по поводу фундаментальных оснований наук о природе, обществе и особенно о человеке. Обосновывается продуктивность и перспективность конструктивного реализма. Освещаются проблемы объективности знания, релятивизма, а также ценностные аспекты познания.

Книга рассчитана на всех, интересующихся современными проблемами теории познания.

6. **Проблема демаркации науки и теологии: современный взгляд [Текст] / Рос. акад. наук, Ин-т философии, Рос. гос. гуманитар. ун-т ; Отв. ред. И.Т. Касавин и др. — М. : ИФРАН, 2008. — 279 с. ; 20 см. — Библиогр. в примеч. — 500 экз. — ISBN 978-5-9540-0104-4.**

Проблема демаркации разных видов знания принадлежит проблемному полю классической философии науки, которое на рубеже XX и XXI, казалось бы, утрачивает актуальность. Однако взаимодействие философии науки и философии религии в изучении взаимоотношений философии, науки, религии и теологии вновь привлекает внимание к этой проблеме. Ограничена ли сфера знания исключительно наукой? Возможны ли критерии научности, в которые бы укладывалась теология как гуманитарная наука *sui generis*? Эти и другие вопросы обсуждаются в книге, среди авторов которой философы, теологи и ученые ряда московских и региональных научно-исследовательских институтов и университетов.

7. **Эстетика: Вчера. Сегодня. Всегда. — Вып. 3 [Текст] / Рос. акад. наук, Ин-т философии ; Отв. ред.: В.В. Бычков, Н.Б. Маньковская. — М. : ИФ РАН, 2008. — 247 с. ; 20 см. — Библиогр. в примеч. — 500 экз. — ISBN 978-5-9540-0099-3.**

Третий выпуск ежегодника сектора эстетики содержит традиционные разделы по теории и истории эстетической мысли, материалы по философии искусства и «живой эстетике». В теоретическом разделе, исследуются некоторые современные тенденции формирования эстетической теории, заостряется внимание на основных проблемах классической эстетики, неоклассики и виртуалистики, анализируется эстетический ракурс глобализаторских процессов в современной России, поднимаются вопросы о метафизических аспектах эстетического сознания, рассматриваются новые подходы к проблеме художественной форме. В историческом разделе публикуются новые исследования по эстетике Шеллинга, Александра Бенуа и теоретическим взглядам обэриутов. В разделе «Живая эстетика» показана панорама художественной жизни Европы начала нового столетия.

8. **Этическая мысль. Выпуск 8 [Текст] / Рос. акад. наук, Ин-т философии ; Отв. ред. А.А.Гусейнов. — М. : ИФРАН, 2008. — 263 с. ; 20 см. — Библиогр. в примеч. — 500 экз. — ISBN 978-5-9540-0088-7.**

В восьмом выпуске «Этической мысли» представлены результаты исследований по теоретическим, нормативным, историко-философским и прикладным проблемам этики. Среди них — анализ возможностей и пределов применения эпистемологического инструментария в этике; попытка реконструкции логики становления и развития морали; исследование процесса появления понятия «золотое правило»; обсуждение современной дискуссии о месте и роли понятия дара в моральном сознании; анализ утилитаристской, договорной и интуитивистской стратегий обоснования обязанностей перед будущими поколениями и др. В издание также включены тексты, раскрывающие понимание блага и зла в исламской традиции и философии, с предваряющей эти тексты статьей и примечаниям к ним. Историко-этический раздел включает, в частности, анализ различных аспектов этических концепций Р.Прайса, Н.А.Бердяева и Л.Н.Толстого.